

*La terre me fut importune ,
Je pris mon effort vers les cieux .
J'y vis le soleil , et la lune ,
Et maintenant J'y vois les Dieux .*

СОКРОВИЩА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

ИНОЙ СВЕТ

ИЛИ

ГОСУДАРСТВА

И ИМПЕРИИ

ЛУНЫ

49-46

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

ИНОЙ СВЕТ

ИЛИ

ГОСУДАРСТВА

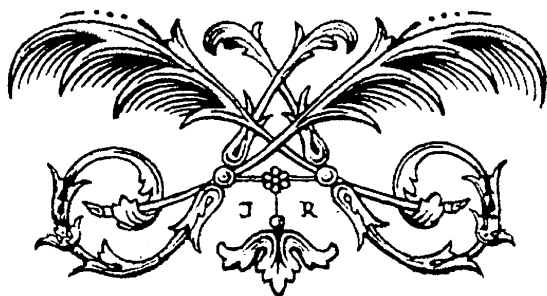
И ИМПЕРИИ

ЛУНЫ

РЕДАКЦИЯ

И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

В. И. НЕВСКОГО

АКАДЕМИА

МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

М. СМ. XXXI.

Saviniens de Cyrano de Bergerac's L'autre Monde on
les Etats et les Empires de la Lune (1669).

Орнаментация книги
худ. И. Ф. Перберга

Иллюстрации
из старинных изданий

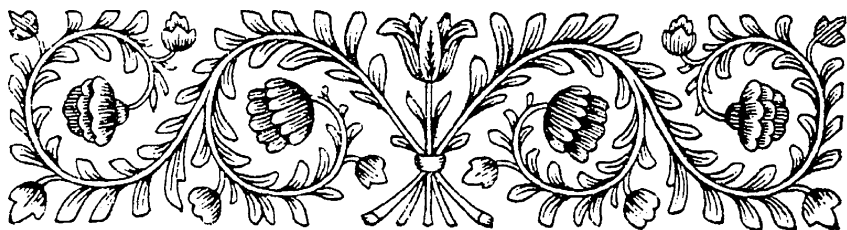
31-102624

Ленинградский Областлит № 68997.
Тираж 5000. Зак. 8379. Гос. тип.
„Ленингр. Правда“. Ленинград,
Социалистическая ул., 14

Ю. Г.

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

БИОГРАФИЯ И ОЧЕРК ТВОРЧЕСТВА

ИСТОРИК французской литературы Фаге начинает обзор жизни и творчества Сирано де Бержерака следующими словами: «Я перехожу теперь к очень странному человеку, в жизни которого не мало загадок, а в произведениях — не мало преднамеренных темных мест».

О Сирано можно утверждать, что он не то чтобы мало известен, но среди французских писателей первой половины XVII века, он представляется трудно уловимой фигурой. И его облик и его общее значение в эту переходную эпоху, предшествовавшую «классическому» расцвету французской литературы, остаются не вполне выясненными. Даже не во всех курсах и обзорах французской литературы можно найти страницы, посвященные нашему писателю.

Все его сочинения обнимают, вместе взятые, не более трех небольших томов, а между тем как велико их разнообразие! Мы найдем здесь и талантливо написанную комедию, наделавшую при своем появлении скандал, потому что Сирано изобразил в ней в смешном виде своих учителей, не потрудившись даже сколько-нибудь утаить их имена, трагедию, которую считают не ниже произведений знаменитого Корнеля, сатиры и памфлеты на современников, задорные, смелые и остроумные и наконец полу-философские, полупублицистические произведения, изобличающие глубо-

кий и пытливый ум автора; к числу их принадлежит и «Тот свет или комическая история о государствах и империях Луны», перевод которой предлагается в настоящем издании.

До конца своей недолгой писательской деятельности Сирано не мог устояться, не мог избрать себе определенной литературной стези, как это умели делать другие, часто менее даровитые его современники. Он не нашел определенного места и в оценке историков французской литературы. Самое имя его связывается в настоящее время даже у его соотечественников не с литератором-мыслителем XVII века, а чаще всего с образом разгульного гасконца, дуэлиста и бреттера, каким его выставил в конце XIX века французский поэт Эдмон Ростан в названной им по имени героя, блестяще написанной, но поверхностной по содержанию комедии.

Среда, из которой происходил Сирано, и обстоятельства его мятежной и рано оборвавшейся жизни помогут нам уяснить себе важнейшие черты литературного талантливого неудачника.

Савиниан де Сирано родился в 1619 году в Париже. Детство его до 12 лет протекло в «замке», точнее по видимому небольшом имении или хуторе Мовьер, принадлежавшем его отцу и расположенном близ маленького местечка Шеврез (Chevreuse) в 20 — 25 километрах к юго-западу от Парижа. Кстати о его фамилии, которая долго давала повод к разным недоразумениям, заставляя даже французов считать его южанином и щедро награждать его теми чертами экспансивности и хвастливости, какие французы склонны присваивать каждому гасконцу. Родовое прозвище семьи было Сирано; Сирано принадлежали к дворянству, по видимому довольно старому, но давно и безнадежно обедневшему,

Маленькое поместье Мовьер (Mauvières), которым владел отец нашего писателя, давало ему повод величать свой хутор замком — «Шато», а себя его сеньером и называться Сирано де Мовьер. Но Мовьер, как это повсюду и часто бывает с сельскими местностями, носил и другое название — Бержерак, полученное от прозвища семьи вероятно действительно гасконского происхождения, владевшей этим местом в XVI столетии. Когда Савинзан де Сирано вырос и вступил в жизнь, то, хотя «замок» Мовьер-Бержерак был уже давно продан, он согласно распространенному в то время обычаю, стремясь повысить свое социальное положение, присоединил к своей фамилии прежнее название не принадлежавшего ему больше поместья и стал называть себя Сирано де Бержерак. Все эти, правда, очень сами по себе мелкие и неважные обстоятельства были выяснены только в наше время. Непосредственным же следствием принятия прозвища «Бержерак» было для Сирано то, что многие, повидимому, из его современников и во всяком случае люди позднейших поколений стали считать его гасконцем, и в образе гасконца увековечил его в наши дни и Ростан.

На самом деле Сирано был северный француз, по рождению парижанин из захудавшей и мелкой дворянской семьи, потерявшей свою экономическую базу, но сохранявшей кое-какие права и кое-какие претензии и устремления. Франция в то время переживала распад феодального строя; еще в XVI веке дворянство, покидая свои старые гнезда, даже если они не были разоренными, стало тянуться к двору самодержавного короля; двор сделался притягательной точкой для командующего класса и остался ею до самой революции. Однако, чтобы проникнуть ко двору и удержаться там, необходимы были и связи и деньги. Как ни многочислен

был круг французского придворного дворянства в XVII и XVIII веках, далеко не все потомки прежних феодалов в него вошли. За пределами этого заколдованного мира чудес, неотразимо манившего к себе едва ли не всех, которые по рождению считали себя принадлежащими к правящему классу, не малое количество дворянских семейств шло иным эволюционным путем: беднея они понижались в социальном отношении, отставали от своей традиционной среды и составили социальную прослойку между дворянством придворным, имевшим перед собой еще полуторавекковую будущность, и городской буржуазией, которая переживала в то время эпоху накопления своих экономических и социальных сил. К этой-то именно прослойке и принадлежал Сирано. Его мать была из буржуазии; отец, мелкий дворянин, постепенно разорился в течение всей своей жизни. Как дворянин по происхождению Сирано мог в 1639 году поступить солдатом в королевскую гвардию; но бедность и отсутствие связей заставили его два года спустя оставить военную службу. Крепких связей с буржуазией у него не было вовсе, не было у него, повидимому, и тяги к ней. Оторванный от какой-либо твердой социальной базы, Сирано не мог или не умел создать ее своей деятельностью и до конца остался ярким представителем той между-классовой прослойки, в которой он родился. Уже это обстоятельство должно было вызвать в нем склонность к недовольству, к критике существовавших порядков, даже к бунтарству. То, что Сирано был талантлив, предприимчив, стремился к привольной блестящей жизни и, кроме того, получил довольно хорошее по тогдашнему времени образование, должно было неминуемо усилить настроения, заложенные в нем его классовой принадлежностью.

Сирано был вторым сыном своих родителей; по обычаям, господствовавшим во всех дворянских семьях того времени, его ожидало или духовное звание или военная служба. 7-ми лет его отдали учиться грамоте и латыни у местного священника; 12-ти лет его отправили в Париж стипендиатом в Коллеж де Бове — одну из закрытых школ, состоявших под ведением университета. В преподавании здесь царствовали еще чисто средневековые порядки, соединенные с почти монастырским уставом: с утра до вечера службы и молитвы, перемежавшиеся с долбежкой грамматики и текстов, латинских и греческих. Это была настоящая бурса с грубым обращением и жестокой поркой за малейшие проступки. Покорные и слабые ученики сохли и хирели, здоровые, сильные юноши, а Сирано принадлежал к числу таких, вырастая, сами искали выходов из тяжелой обстановки, убегая из школы, участвуя в кутежах и попойках и наполняя в ночное время криком и весельем улицы «латинского квартала». Впрочем Сирано не только занимался проказами; любя чтение и стремясь учиться, он вынес из школы отличное знакомство с античной литературой. Из школы же, с ее монастырскими порядками, вынес он, вероятно, и враждебные отношения к католической церкви, пронизывающие его литературные произведения.

В 1637 году Сирано распрощался со школой; он принадлежал к числу людей, которые жаждут, чтобы двери жизни растворялись перед ними широко. Но разочарование ожидало его на первых шагах. Оторванный все время от семьи, он, видимо, плохо знал ее незавидное материальное положение и был неприятно поражен тем, что, продав свой «шато» в Мовьере, отец со всей семьей переселился на дальнюю окраину Столицы и приютился в скромном наемном помещении,

Все же кое-какие деньги у отца еще были и последний снабдил семнадцатилетнего юношу всем необходимым для первых шагов самостоятельной жизни в Париже и обещал платить ему небольшую сумму денег до тех пор, по крайней мере, пока молодой человек не станет на ноги. Жить с родителями Сирано отказался под предлогом того, что они обитали слишком далеко от центра городской жизни. В нем боролись две склонности — стремление продолжать образование и выйти на литературное поприще при нежелании связывать свою свободу и желание войти в высший придворный свет при полной почти невозможности этого достигнуть, ибо весь круг его знакомства ограничивался его прежними товарищами по школе да кое-какими семьями из буржуазии, к которым он чувствовал полное презрение. Единственным, довольно тусклым окошком в ту светскую жизнь, о которой Сирано так мечтал, был маленький салон баронессы де Невильет, дальней родственницы Сирано, жены капитана королевской армии; здесь Сирано научился кое-чему по части мужских и женских мод, а главное узнал, что будто бы лучшим средством проникнуть в светское общество было прослыть дуэлистом. Он ревностно занялся фехтовальным искусством и позднее достиг известности на этом поприще, но в светские круги все-таки не попал. Жизнь молодого человека протекала главным образом все в том же «латинском квартале», где он провел свои школьные годы, в обществе молодых поэтов и писателей, по большей части столь же мало устроенных в жизни как и он. В первый год его независимого существования его, кажется, чаще всего можно было найти в бесчисленных дешевых тавернах и кабаках, где за стаканом вина, велись бесконечные разговоры о поэзии, о философии и о жизненных удо-

вольствиях. Можно думать, однако, что разговоры эти не были совсем пустыми. Именно в таверне, за бутылкой Сирано впервые узнал от своих собратьев литераторов и молодых ученых о Фоме Кампанелле, его жизни, страданиях в тюрьме и его идеях. Что молодые французы именно в это время знали о Кампанелле и интересовались им, это не должно нас удивлять: ведь последние годы своей жизни (1634 — 1639) знаменитый итальянский философ-утопист провел на покое во Франции, где после тюрем итальянской инквизиции получал пенсию от кардинала римской церкви и всемогущего правителя Франции — Ришелье. Идеи Кампанеллы глубоко запали в душу Сирано и несомненно оказали влияние на его философское и политическое мышление, как оно выразилось в его позднейших произведениях.

Тщетность попыток пробиться в высшее столичное общество была первым разочарованием молодого Сирано. Второе пришло со стороны семьи, отношения с которой не были у него ни теплыми, ни оживленными. В один прекрасный день, в 1637 году, отец заявил ему, что он прекращает выдачу того небольшого содержания, которое составляло, в сущности говоря, единственный определенный источник существования молодого Сирано. Он сказал ему при этом, что он недоволен его поведением, что материальные обстоятельства не позволяют ему поддерживать сына-туесядца, который и не помышляет избрать себе определенное поприще деятельности, и что он предпочитает усилить денежную поддержку своему старшему сыну, усердно изучающему богословские науки и готовящемуся к духовному званию. Отметим это последнее обстоятельство: удар был нанесен не только отцом, но косвенно и церковью; деньги, которые Сирано получал, должны

были теперь итти брату, которого наш герой считал дураком и ханжой. Отношение Сирано к церкви и ее служителям, определившееся еще на школьной скамье, не могло измениться в положительную сторону. Атмосфера, господствовавшая в семье Сирано, может быть иллюстрирована еще одним эпизодом. Два года спустя младшая и единственная его сестра постриглась 16 лет в монахини.

Приходилось подумать об определенных занятиях. Наука и литература не могли обеспечить начинающего поэта. Что же оставалось молодому дворянину кроме военной службы? Ведь при удаче можно было стать не только героем, не только добиться определенного социального ранга, но и получить доступ в тот круг общества, который все еще не переставал манить Сирано. Поступление в военную службу облегчалось тем, что солдаты были очень нужны; Франция только что приняла активное участие в тридцатилетней войне и первые военные действия были далеко не удачны. Сирано, как дворянин, имел право поступить в королевскую гвардию; его определение на службу дало, как кажется, впервые повод считать его гасконцем: он был принят в роту, состоявшую из гасконских кадетов, т. е. младших сыновей местных дворян; ее командир, зачисляя Сирано де Бержерака на службу, повидимому, чистосердечно считал его за земляка, благодаря принятой молодым Сирано второй фамилии.

И военное поприще не принесло больших успехов нашему герою. За два неполных года военной службы он нанеся лишь две раны — одну на восточной границе Франции, другую при осаде г. Арраса, входившего в те времена в состав испанских Нидерландов. И военные подвиги и слава и блестящая карьера, которая бы открыла для Сирано двери аристократических домов —

все оказалось несбыточными мечтами. Оправившись от второй, очень тяжелой раны в лицо, отчего его огромный нос стал казаться еще длиннее, Сирано двадцати двух лет от роду вышел в отставку. Сбросив военный мундир, он вернулся в свой родной Париж и зажил прежней жизнью литературной богемы, проводя время в тавернах, стараясь поправить свои печальные денежные обстоятельства игрой в ожидании, когда какой-нибудь случай определит его жизненный путь. Продолжая поддерживать некоторые связи с товарищами по полку, приезжавшими отдохнуть в Париж, Сирано более всего вращался в обществе таких же как и он полунинщих литераторов, сочиняя стихи среди винных паров таверны и выпивая на пари по несколько стаканов вина при каждой парной рифме. Если он и был широко известен чем-либо, так только своими постоянными ссорами и дуэлями, именно в это время утвердившими за ним славу чуть ли не первого драчуна и бреттера в Париже.

Однако, ни любовь к литературе, ни жажда учиться не оставляли Сирано в этот темный и бурный период его жизни. Именно к этой эпохе относится набросок его комедии «Проученный педант», герой которой Гранже был никто иной, как аббат Гранже, заведывавший той школой, где Сирано провел свое отрочество. Впрочем главное значение первой половины 40-х годов XVII в. в жизни Сирано заключается не в этом. По возвращении в Париж он быстро сдружился с молодым поэтом Шапель, который ввел его в ученый кружок, собиравшийся в доме его отца. Здесь Сирано познакомился с знаменитым критиком Аристотелевой философии и поклонником Эпикура — философом Петром Гассенди, взгляды которого, воспринятые Сирано, наложили неизгладимую печать на позднейшие утопии

ческие произведения нашего писателя. Знакомство с Гассенди состоялось весной 1641 г., когда Гассенди, переселившись в Париж, принял руководство над учеными занятиями молодого Шапелля и должен был прочесть ему курс лекций по философии в уютной обстановке пригородного имения отца молодого человека. К лекциям, быть может в видах соревнования, должны были быть допущены и некоторые друзья и товарищи Шапелля. Среди первоначального списка избранных Сирано не было. Он сам явился в загородный дом, где поселился Гассенди, и потрясая шпагой, осыпая упреками своего друга Шапелля за то, что он укрывает от него учителя, и пересыпая сетования остроумными словечками, добился наконец своего: почтенный философ, сначала испугавшийся бурного натиска необузданного поэта, разрешил последнему слушать свой курс. Сирано смирился и стал внимательным и прилежным слушателем Гассенди. Отметим, мимоходом, что товарищем Сирано и Шапелля, среди небольшого кружка молодых людей, допущенных к слушанию частных лекций Гассенди, был и девятнадцатилетний Жан Покезен, позднее приобретший мировую славу под литературно-артистическим псевдонимом Мольера. В призрачном курсе Гассенди, надо думать, чувствовал себя свободно и мог развивать, не стесняясь церковной цензуры, свое учение, систематическое изложение которого — *Syntagma philosophicum* — было опубликовано только после его смерти. Философия Гассенди привлекала Сирано прежде всего беспощадной критикой Аристотеля. Наш писатель еще в своей школе-бурсе возненавидел философию последнего, по крайней мере в той форме, в какой она преподносилась, пройдя сквозь призму церковно-схоластического средневекового восприятия. Протест против того же учения Сирано усмотрел и

у Кампанеллы. Не менее привлекательным для Сирано было и положительное учение Гассенди, излагаемое с необыкновенной ясностью и простотой. Материалистическое и сенсуалистическое учение Эпикура, в ясной и доступной форме передаваемое Гассенди своим ученикам, нашло в Сирано добрую почву. Ненависть Сирано к церкви и к официальной спиритуалистической философии католицизма, усвоенная им на школьной скамье и подогретая в нем ханжеством всей его родни, доставлявшей ему столько досады и неприятностей, заставляла его впитывать материалистические идеи учителя и даже может быть идти далее последнего. Во всяком случае в своей философской утопии о «Луне», написанной в конце 40-х годов, Сирано выступает как ясно выраженный материалист.

Так окончательно сложилось философское мировоззрение молодого Сирано. Уроки и лекции Гассенди он слушал, когда ему было всего 22 — 23 года, т. е. в возрасте, когда человек еще только формируется, когда его нравственный облик только складывается. Ноты протеста против официальных кумиров, которые до того Сирано высказывал в своих стихах, в своих письмах, в своей комедии, носили хаотический характер; теперь они подверглись шлифовке и отличились в более стройную схему. Оставалось решить, как воспользуется приобретенным этот литератор-цыган; сумеет ли он стать тем, чем ему предназначено было быть — популяризатором усвоенной им философской системы, сумеет ли он наконец специализоваться и, избрав какой-нибудь единый литературный путь, распространить в более широком круге читателей материалистические основы учения Эпикура, научно модернизованные в доступных лишь для немногих, а частью и неопубликованных ученых трактатах Гассенди.

Прежде чем ответить на этот вопрос, приходится в коротких словах остановиться на одном эпизоде жизни Сирано, легшем тяжелым камнем на все остальное его существование и несомненно, сильно сократившем его дни. Все, что мы знаем о личной жизни нашего писателя, вполне гармонирует с его обликом поэта таверн и бреттера. Необузданность, легкомыслие и непостоянство — вот свойства, которыми определяется эта жизнь. Неудивительно, что эти свойства привели поэта к катастрофе. В 1645 г. Сирано тяжело заболел недугом, радикально излечивать который медицина научилась только в наше время. Спасительный сальварсан не существовал во времена бедного Сирано. Прележав несколько месяцев в лечебнице доктора Пигу, Сирано вышел из нее в 1646 г., залечив, насколько в то время было возможно, свою тяжелую болезнь; он вышел из больницы слабым, худым и облысевшим; истратив все те немногие деньги, какие у него были, он не был в состоянии даже расплатиться с врачом. Довольно долго он скрывался в своей одинокой и пустой квартире, чуждаясь старых друзей и боясь с ними встретиться. Лишь постепенно сошло в его душу успокоение и он вновь мог приняться думать о жизни. Молодость, здоровье, а с ними и ничем необуздываемая веселость были позади. Жизнь приходилось перестраивать заново и перестройка была не из легких. Последние 9 лет своей жизни Сирано прожил другим человеком. С потерей здоровья исчезли таверны, попойки, дурли, веселые мысли, веселые песни и стихи, исчезли окончательно и мечтанья о большом свете. Сирано становится домоседом и может быть поэтому в отношении писательской продуктивности годы после болезни стоят неизмеримо выше, чем годы здоровья и веселья. Прежде всего Сирано

отделал свою комедию, начатую в начале 40-х годов; затем наступила работа над «Государствами и империями Луны» и выступление Сирано на поприще политической сатиры в качестве автора «Мазаринад», затем работа над трагедией «Смерть Агриппины» и над последним трудом — о путешествии на Солнце, — который автор оставил не оконченным.

Прежде чем охарактеризовать этот наиболее плодотворный период творчества нашего писателя, нам следует остановиться на очень, правда, немногочисленных внешних событиях последних лет его жизни.

В тяжелом положении, в каком он оказался после болезни, Сирано вновь пришлось обратиться за материальной помощью к отцу, но отец, еще более обедневший, был сам на краю могилы. Старший брат Сирано уже умер к тому времени и писателю пришлось переселиться в дом отца, чтобы обрести самому более или менее спокойный угол и присмотреть, чтобы у немощного старика не расхитили последние крохи. Когда в 1648 г. старый Сирано де Мовьер наконец умер, на долю его сына, после раздела с младшим братом, досталась небольшая сумма в 10.000 франков. Так как писательская деятельность приносила ему столь же мало дохода как и ранее, то в начале 50-х годов Сирано решился изменить себе и, по довольно распространенному в то время обычаю, найти себе официального покровителя среди богатых и тщеславных аристократов, который бы издавал его труды и поддерживал его материально в обмен на приветственные стихотворения и оды, подносимые писателем в торжественных случаях и по заказу покровителя. Для Сирано это был тяжелый шаг; не раз представлялись ему ранее случаи закабалить себя таким образом, но любовь к свободе, чувство собственного достоинства и чувство

протеста, которые глубоко засели в нем издавна, отключили его до тех пор от такого шага: нужда и болезнь переломили его гордость. А здоровье все падало; по словам одного из его друзей в 33 года ноги его «тонкие как веретена», плохо повиновались ему, «а волосы на голове были так редки, что их можно было перечесть». Но и покровитель не принес пользы; больной Сирано тяготился своей зависимостью, а покровитель, герцог д'Арпажон, тяготился больным и раздражительным поэтом, слава которого не была по мерке тщеславия надутого медената. Разлука, может быть даже со скандалом, была не за горами. Как-то раз Сирано возвращался вечером в дом своего покровителя, где он в то время жил; по дороге он был ушиблен балкой, упавшей со стропил дома, мимо которого он проходил. Поднятый за мертвого, он был перевезен к друзьям. Как и по какой причине упала на него балка, было ли это случайностью или нет,—осталось не выясненным. Разнесся слух, что это была месть иезуитов за выпады Сирано против церкви, но слух так и остался слухом; проверки его не было. После ушиба Сирано уже не поправился. Он прожил несколько месяцев, слабая с каждым днем; в последние недели он почти все время молчал; молчанием встречал он и уговоры родственников, убеждавших его помириться с церковью. Он умер 23 июля 1655 г. 36 лет от роду.

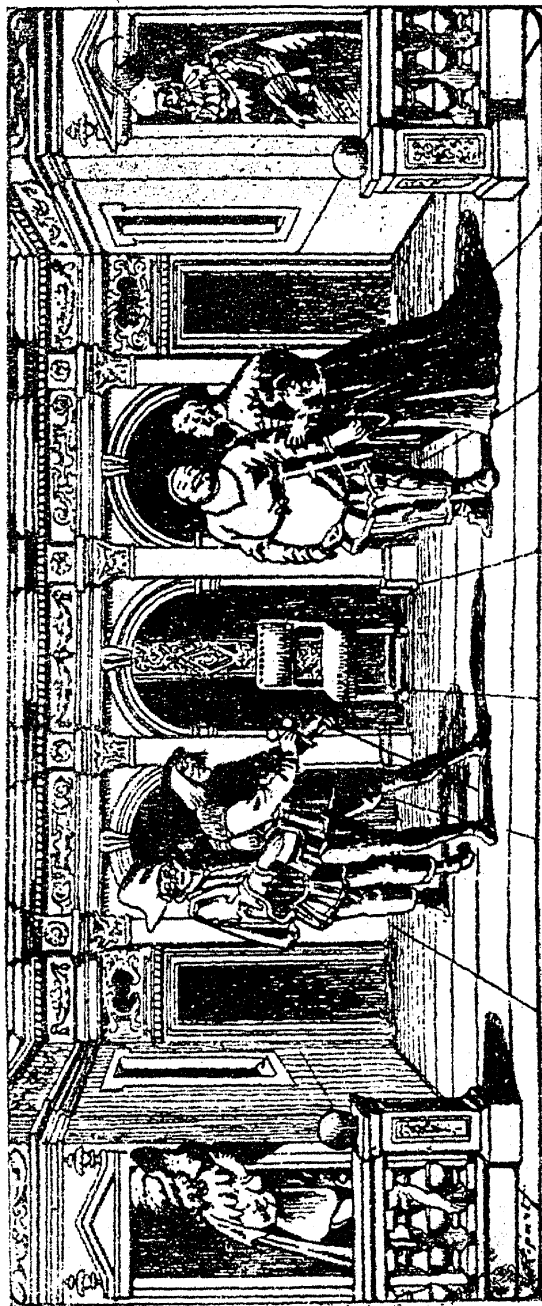
Последние 9 лет жизни Сирано, годы, когда здоровье постепенно слабело и нашему писателю поневоле пришлось переменить образ жизни, были, как уже сказано, наиболее плодотворными годами его литературной деятельности. До тех пор многое было начато, набросано, но ничего, кроме мелких стихотворений и нескольких писем-памфлетов, не было закончено. Как это ни странно, до 1646 г. Сирано не напечатал ни одной

строчки. Теперь, когда остыли страсти, он принялся за работу, все его печатное наследие — его результат его трудов в эти годы недугов. В нашу задачу отнюдь не входит анализ всех разнообразных произведений Сирано. Мы остановимся только на тех, которые дают ключ к пониманию общего облика его личности. Мы выше уже упомянули о его комедии, которая была закончена им в 1646—47 гг. Ее представление вызвало скандал, когда увидели, что в героя выведен заведующий коллежа Бовэ. В насмешке над почтенным аббатом видели насмешку над церковью. Репутация Сирано как врага и ненавистника католического духовенства блестяще подтверждалась. Несколько лет спустя, в 1653 г. была представлена трагедия Сирано «Смерть Агриппины», литературные достоинства которой заставляют историков французской литературы сближать ее с произведениями Корнея. Трагедия была поставлена на средства герцога д'Арпажон. Сирано ждал славы; его враги, зная, что в трагедии есть резкие выходы против церкви и духовенства, ждали представления, чтобы свести счеты с автором. В третьем акте, придравшись к месту, которое никоим образом не имело в виду церковь, но могло быть, при желании, истолковано как прямое на нее нападение, враждебная автору группа подняла свист, представление было прекращено и трагедия снята со сцены. И здесь репутация Сирано сыграла с ним злую шутку.

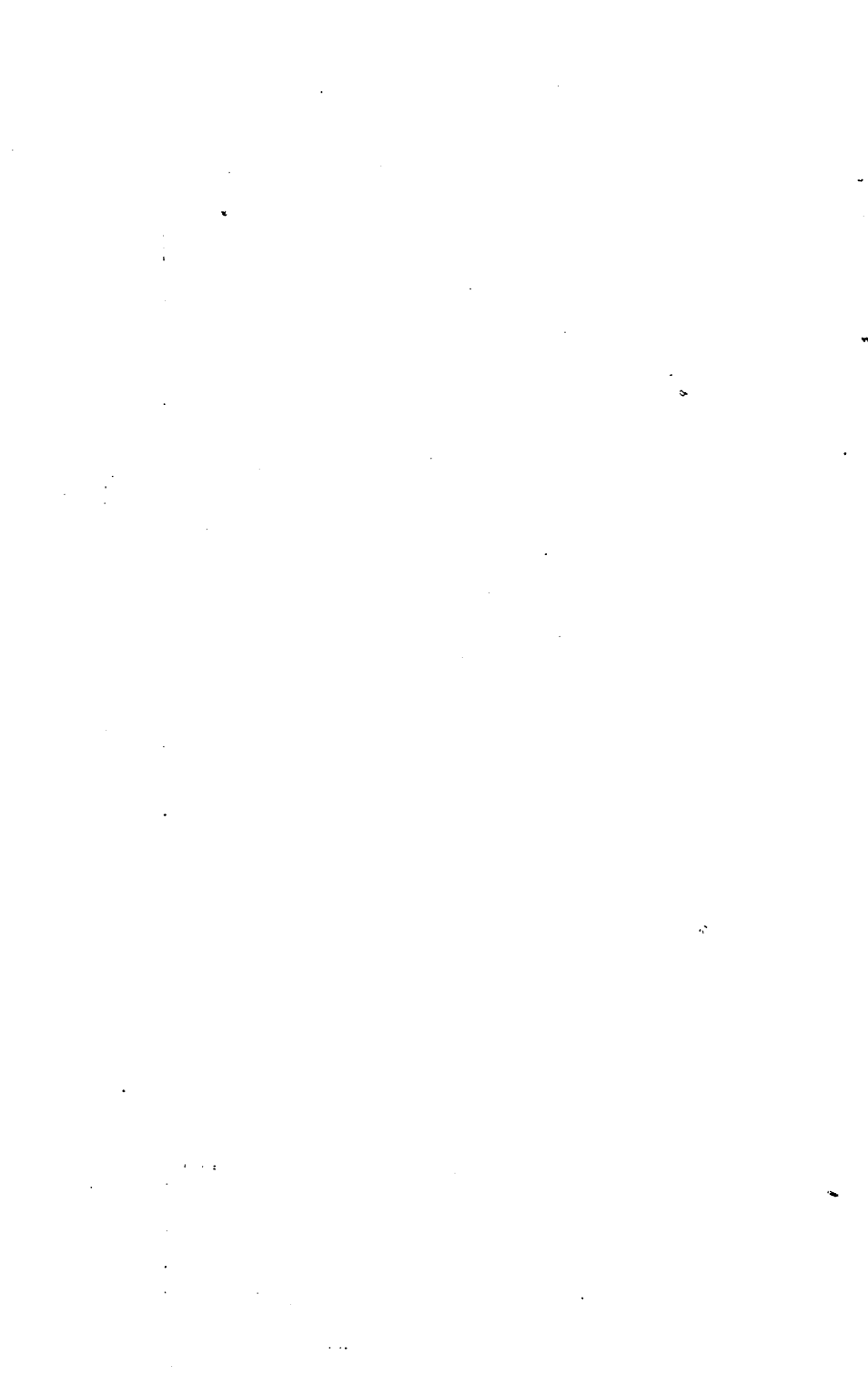
Однако, главным литературным делом Сирано в эти годы была его работа над философскими утопиями — «Государствами Луны» и «Государствами Солнца». Первая из них была написана между 1647 и 1650 гг., перевод ее предлагается в настоящем издании. Анализ основных философских и политических идей дан в особой вступительной статье В. И. Невского. Здесь я лишь

в самых коротких словах коснусь её содержания, чтобы можно было нагляднее сопоставить его с содержанием «Государств Солнца». Автор чудесным образом поднимается на луну, которая является таким же обитаемым миром, как и земля. На луне он прежде всего попадает в тот земной рай, откуда когда-то был изгнан Адам. Здесь он встречает взятых туда живыми Эноха и Илию, и находит древо жизни и древо познания, но за непочтительные речи изгоняется из рая и попадает во власть четвероногих жителей луны. В их среде он переносит тяжелые испытания, переживает приключения и, наконец, неожиданно и внезапно опускается на землю в Италии. Скитания автора среди жителей луны под покровительством сверхестественного существа — «демона Сократа» дают ему повод высказывать свои философско-материалистические взгляды, покоящиеся на учении Гассенди.

«Государства Луны» было готово в 1650 г. По своему обыкновению Сирано читал в рукописи свое произведение друзьям, но среди этого узкого круга читателей «Государства Луны» большого сочувствия не встретили. Это не помешало Сирано приняться за второй утопический трактат о «Государствах Солнца», задуманный по гораздо более обширному плану, чем первый. Над ним он работал до самой смерти и оставил его неоконченным. Здесь повествование также ведется от лица автора. После довольно продолжительного путешествия по различным странам земли, при рассказе, о которых нередко встречаются интересные вставки и замечания автобиографического характера, и выпады против народных верований, церкви и суда, птица несут автора на солнце, на котором, как и на луне, обитают живые существа. Прежде всего он попадает в царство живых деревьев; затем переносится в царство птиц, это наи-

Театральное представление XVII века.

более разработанная и интересная часть трактата. Прием, который он встречает, не ласков; при дворе царя птиц — орла его даже приговаривают к смерти, от которой он однако спасается в третье царство — царство философов, где встречает почитаемого им Кампанеллу. Тут начинается изложение философских мыслей автора, в основе которых, однако, лежит не столько доктрина Гассенди, сколько учение Декарта. На разговорах в царстве философов трактат обрывается.

От своих утопий Сирано ожидал признания и славы еще больше, нежели от своей трагедии. Но и здесь его постигла неудача. Интерес к его трудам обнаружился лишь после появления посмертного издания обоих трактатов в 1657 году.

Нам необходимо остановиться еще на одной последней категории сочинений Сирано — его письмах и памфлетах, по большей части содержащих насмешливые и резкие выходы против современника — политических деятелей, литераторов, даже против таких лиц, с которыми наш автор долго дружил, но которые, став жертвою его злобного остроумия, становились его врагами. Свои письма и памфлеты Сирано писал еще в молодых годах и продолжал писать до самой смерти. Они первоначально циркулировали в рукописях, передаваясь из рук в руки, и только после его смерти были собраны и изданы, потеряв к тому времени соль и остроту современности. Можно сказать с полной достоверностью, что именно эти письма-памфлеты создали Сирано множество скрытых недоброжелателей и открытых врагов, которые, мстя ему, много содействовали его литературным неудачам. Пользуясь его очень часто неосторожными выпадами против традиционных установлений, особенно против церкви и духовенства, они создали ему определенную репутацию подозрительного

и опасного человека, встречали его произведения клеветой или замалчивали их.

Среди памфлетов Сирано есть одна особая категория, которая позволяет лучше всего определить его идеологию в последние годы жизни. Это его памфлеты — стихотворные и прозаические, направленные против первого министра и правителя Франции в малолетство короля Людовика XIV — кардинала Мазарини.

Годы медленного умирания Сирано были эпохой так называемой Фронды. Это не очень кровопролитное и не очень жестокое революционное движение интересно в истории Франции тем, что в нем, правда на короткое время, против централизующей и бюрократической самодержавной монархии, управляемой кардиналом Мазарини, объединились самые различные классы общества: и остатки старой феодальной знати, и хранители старых буржуазных традиций — парламенты, и пролетариат Парижа, и столичная междуклассовая интеллигенция. Одним из орудий борьбы было осмеяние кардинала: на него посыпался град сатир и памфлетов, в которых участвовали парижские литераторы, по большей части происходившие, как и Сирано, из междуклассовых прослоек, одинаково враждебных по существу и дворянству, и буржуазии, и правительственной бюрократии. Среди сочинителей памфлетов против Мазарини — получивших оставшееся за ними в истории имя «Мазаринад» — не последнее место принадлежит Сирано. В 1648 году он выступил с длинной стихотворной Мазаринадой, озаглавленной «Прогоревший государственный министр»; за нею последовали другие: «Бескорыстный газетчик», «Современная сивилла», «Верный советник» и «Ремонстрации трех сословий королеве-регентше», написанные смело, ярко, талантливо. Сатира была тем видом литературных про-

изведений, который был особенно свойственным насмешливому и колкому уму Сирано. В сатире он выступал как боец, видящий в противнике смешные стороны и безжалостно бичующий их. Но он бичует их не в интересах какого-нибудь определенного класса; он старается своим пером просто уничтожить врага, отражая тем самым идеологию отрицания, свойственную междуклассовой интеллигентской прослойке, представителем которой Сирано оставался во всю свою жизнь. В молодые годы он старался пробраться ко двору; это ему не удалось. Позднее он силился сохранить свою независимость; не удалось ему и это. Озлобленный неудачами он давал выход своей желчи, поражая памфлетами врагов, и согласился лишь в силу болезненной беспомощности принять субсидию от аристократа-покровителя. Свои положительные идеалы он излагал в утопиях, писанных в годы недугов и душевных разочарований. И в этих произведениях критика действительности — на первом плане; все остальные его литературные произведения столь же явно изобличают в нем протестующего отрицателя господствующего строя. Если по форме своих утопий Сирано тянет к более ранней эпохе, то по содержанию своих произведений он принадлежит уже XVIII в.; сенсуалист, антирелигиозник, ополчающийся против ходячей морали, в которой он видит лишь орудие властвования командующих классов, он может считаться предшественником или старшим братом французских просветительных писателей, предшественником революции. Свободная критика и независимая мысль начала развиваться во Франции, как впрочем и в других культурных странах Запада, в XVI веке. Она расцвела в XVIII столетии. С конца XVI века она как-будто заслоняется католической реакцией с одной стороны, воинствующим кальви-

низмом с другой. И все таки, если всмотреться ближе, тонкая непрерывная цепь связывает Раблэ с Вольтером и Руссо. Одним из звеньев этой цепи был Сирано де Бержерак.

* * *

Нам остается сказать несколько слов о некоторых дополнительных источниках утопии Сирано о «Государствах Луны», о форме, приданной им своему трактату и о последовательных изданиях этого трактата в течении почти трех столетий, протекших с того времени, как автор закончил свой труд. Мы не касаемся здесь основных философских и политических мыслей, изложенных Сирано в своем трактате; вкратце мы отметили их выше, подробный анализ их читатель найдет в статье В. И. Невского. Но учение Гассенди и критика современности не исчерпывают собою того, что можно сказать о содержании и источниках утопии Сирано. Еще в школе, в «Коллеж де Бове», Сирано жадно пожирал античных писателей. Весьма вероятно, что то большое значение, которое он в своих обоих трактатах отводит птицам, восходит к известной комедии Аристофана. Нам хорошо известно с другой стороны, что особой любовью Сирано еще на школьной скамье пользовались сочинения Лукиана, греческого писателя II века до н. э. В одном из его сочинений, «Правдивой истории», говорится о путешествии человека на луну, и эта идея могла найти себе отражение в творческом замысле нашего писателя.

Сама по себе форма «утопии», какую Сирано придал своим обоим трактатам, не должна нас удивлять. Классическая «Утопия» Томаса Мора и «Государство Солнца» Кампанеллы достаточно хорошо показывают, как охотно пользовались этой формой писатели пред-

шествовавшей Сирано эпохи, особенно когда хотели изложить свои мысли несколько прикровенно. Кроме двух сейчас упомянутых, всемирно известных утопических трактатов, появлялись и многие другие, память о которых хранят теперь только историки книги. Один из подобных трактатов, оказал, однако, непосредственное влияние на нашего автора. Среди лиц, встреченных Сирано на луне, после того как он изгнан был из рая, упоминается никому не известный среди действительно живших на земле людей, некий испанец Доминго Гонзалес. Это имя является ключом к объяснению некоторых литературных заимствований, сделанных Сирано. В 1638 г. в г. Перте, в Шотландии, было издано сочинение английского епископа Френсиса Годуина, «Человек на Луне или рассказ о путешествии туда, совершенном Доминго Гонзалесом». ¹ В сочинении Годуина рассказывается о том, как севильянец Гонзалес, сражавшийся в Нидерландах и благополучно вернувшийся домой, должен вследствие какого-то поединка бежать в 1596 г. в Индию. Нажив там хорошее состояние, он на обратном пути заболел и был высажен на острове св. Елены. Выздоровев и ведя на острове жизнь Робинзона, Гонзалес занимается дрессировкой диких лебедей. Последние переносят его на остров Тенериф; здесь, спасаясь от туземцев, он при помощи лебедей поднимается на вершину Пико де Тенерифа, откуда те же лебеди уносят его все выше и выше и наконец переносят на луну. Следует описание лунного мира и похождений Гонзалеса. Населяющие его существа говорят особым языком, в котором слова заменяются музыкальными звуками — точь в точь как это происходит у жителей луны, выводимых Сирано. Смерть лунного

¹ Francis Godwin. The man in the moon, or a discourse of a voyage thither by Domingo Gonzales.

жителя есть праздник и для него и для его окружающих: и эту мысль развивает Сирано в своем трактате. Те же лебеди возвращают Гонзалеса на землю, и спускают его в Китае, откуда он на этот раз уже вполне благополучно возвращается в Испанию. Этого именно Гонзалеса Сирано выставляет как одного из людей, встреченных им самим на луне, и как одного из своих руководителей в мире странных и враждебных существ, которых он там встретил.

Сочинение Годуина имело некоторый успех. Во всяком случае в 1648 году появился французский его перевод, исполненный Жаном Бодуэн, одним из первых членов Французской Академии, незадолго перед тем учрежденной Ришелье. Что Сирано знал сочинение Годуина и воспользовался им для некоторых деталей, это несомненно. Возникает лишь вопрос, читал ли он его в подлиннике или познакомился с ним во французском переводе. Если принять во внимание, что «Государства Луны» были закончены в 1630 году, то ничто не мешает предположить, что он имел полную возможность воспользоваться переводом Бодуэна. Один из новейших биографов Сирано — Лефевр¹ высказывает даже предположение, что первое знакомство с сочинением, носившим заглавие почти тождественное с тем, которое он думал дать своему собственному труду, могло озадачить писателя-неудачника. Но затем он должен был успокоиться: сочинение Годуина не претендовало на ученость и не ставило себе целью проповедывать философские учения; его задачей было скорее пропагандировать среди англичан начинавшую у них развиваться любовь к заморским путешествиям. Сирано имел полное основание думать, что его трактат, пол-

¹ Louis Raymond Lefèvre. *La vie de Cyrano de Bergerac*. Paris. 1927.

ный научной мысли, уничтожит самое воспоминание почти одноименной книги Годуина. Он взял из нее несколько отдельных черт и успокоился.

Говоря о тех литературных произведениях XVII века, которыми Сирано мог пользоваться, делая из них те или иные заимствования, следует отметить плодovitого автора повестей и романов, старшего современника Сирано — Шарля Сореля. Так из его «Причудливого пастуха» (*Berger extravagant*) он взял мысль о пользовании носом в качестве солнечных часов, а из длинного романа Сореля — «Франсион» (*Francion*) он заимствовал мысль об оплате мелких услуг и покупок произнесением стихов, сделав это общепринятым обычаем у обитателей луны.

Если мы говорим об источниках и заимствованиях в трактате Сирано, то мы делаем это не для того, чтобы сказать, что произведение его не оригинально. Правда, он не дает в нем оригинальных философских построений, довольствуясь в «Государствах Луны» популяризацией идей Гассенди, но ведь в трактате — не одна только философия Гассенди; последняя обрамлена и пронизана сатирическими мыслями Сирано о действительной жизни, критикой современной автору Франции, полна отражениями наболевшей и озлобленной от неудач и болезней души этого писателя без твердой классовой базы. Эти черты делают произведение Сирано глубоко оригинальным; но произведение его сложно, даже несколько запутано; чтобы создать его, он должен был воспользоваться самыми разнообразными источниками, взять многое от более ранних мыслителей и литераторов. Мы видим теперь, на чьих плечах утвердилось и выросло его произведение.

Трактат о «Государствах Луны» был закончен около 1650 г. Однако напечатан он был, как впрочем и все

почти произведения Сирано, только после смерти автора, стараниями старого приятеля Сирано — Лебре.¹ О существовании издания 1656 г. можно заключить из привилегии на публикацию сочинений Сирано, данной книгопродавцу Серси 20 декабря 1656 г. Об этом издании есть и другие определенные сведения, но не сохранилось ни одного его экземпляра. Издание исчезло бесследно: неудачи преследовали Сирано и после смерти. Для нас фактически самым ранним изданием «Государств Луны» является второе, вышедшее в 1659 году.² Оно снабжено довольно нелепым предисловием Лебре, где последний старается защитить своего умершего приятеля от обвинений в антирелигиозности и тем обеспечить «Государствам Луны» мирное печатное существование. Текст трактата напечатан по рукописи, бывшей в руках Лебре; он носит следы многочисленных поправок и переделок, сделанных, вероятнее всего, рукою Лебре, который таким образом оказался и редактором сочинения Сирано. Цель редакционных поправок — все та же — по возможности очистить текст от таких мест, которые могли бы очернить «память автора и создать затруднения» издателю. Все последующие издания перепечатывались с издания 1659 г. Всего до конца столетия во Франции вышло 5 или 6 изданий как трактата о луне, так и других сочинений Сирано. С 1699 г. утопические трактаты, а также письма были неоднократно издаваемы в Амстердаме. Наконец, в XIX в. сочинения Сирано были изданы в Париже

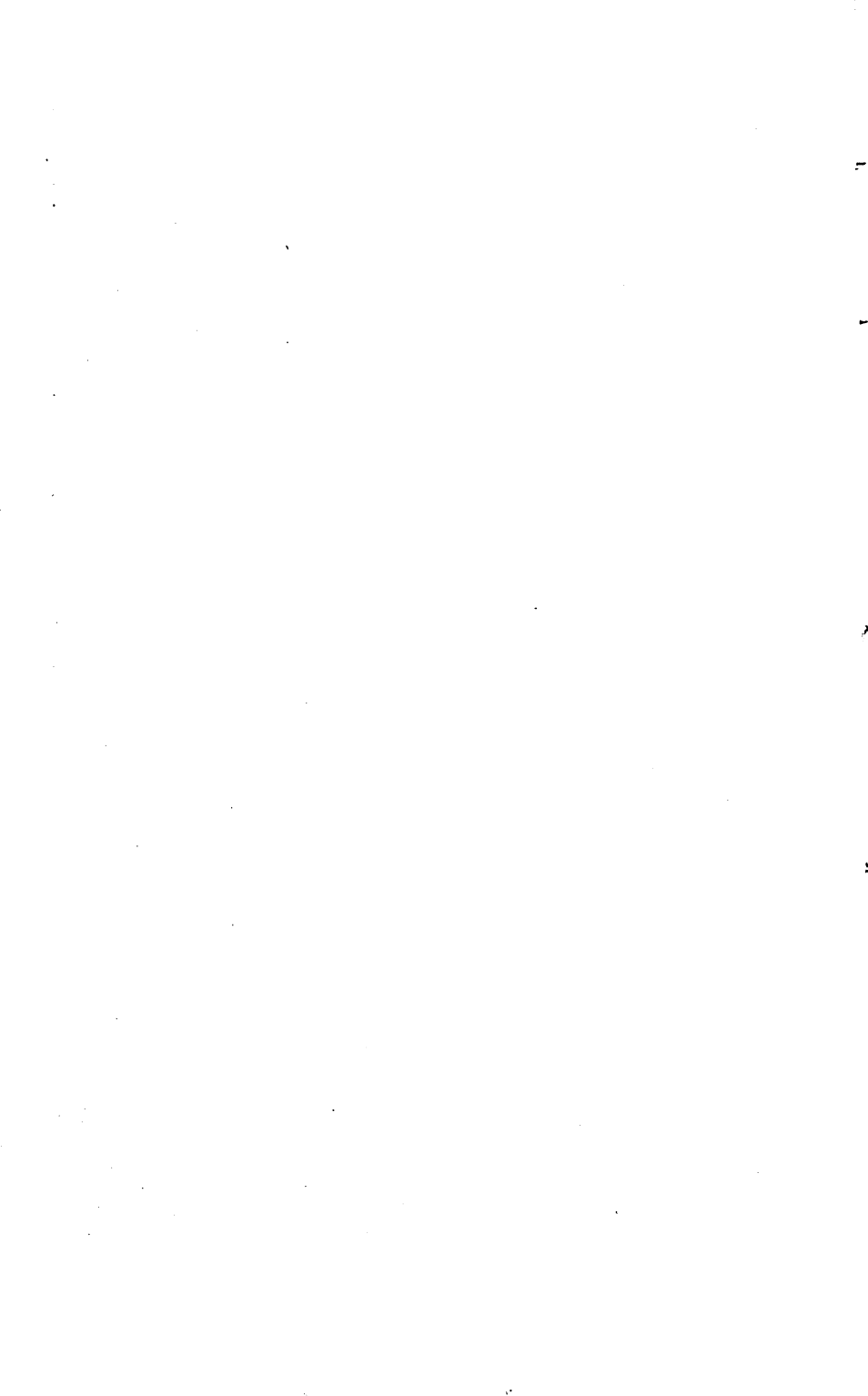
¹ При жизни Сирано были изданы трагедия «Смерть Агриппины» (1654), письма - памфлеты и комедия «Le pédant joué» (отдельно в том же году).

² *Histoire comique par M-r de Cyrano-Bergerac. Contenant les Etats et Empires de la lune. A Paris chez Charles de Sercey, 1659.*

в 1858 г., под редакцией П. Лакруа; еще одно издание вышло в 1875 г.

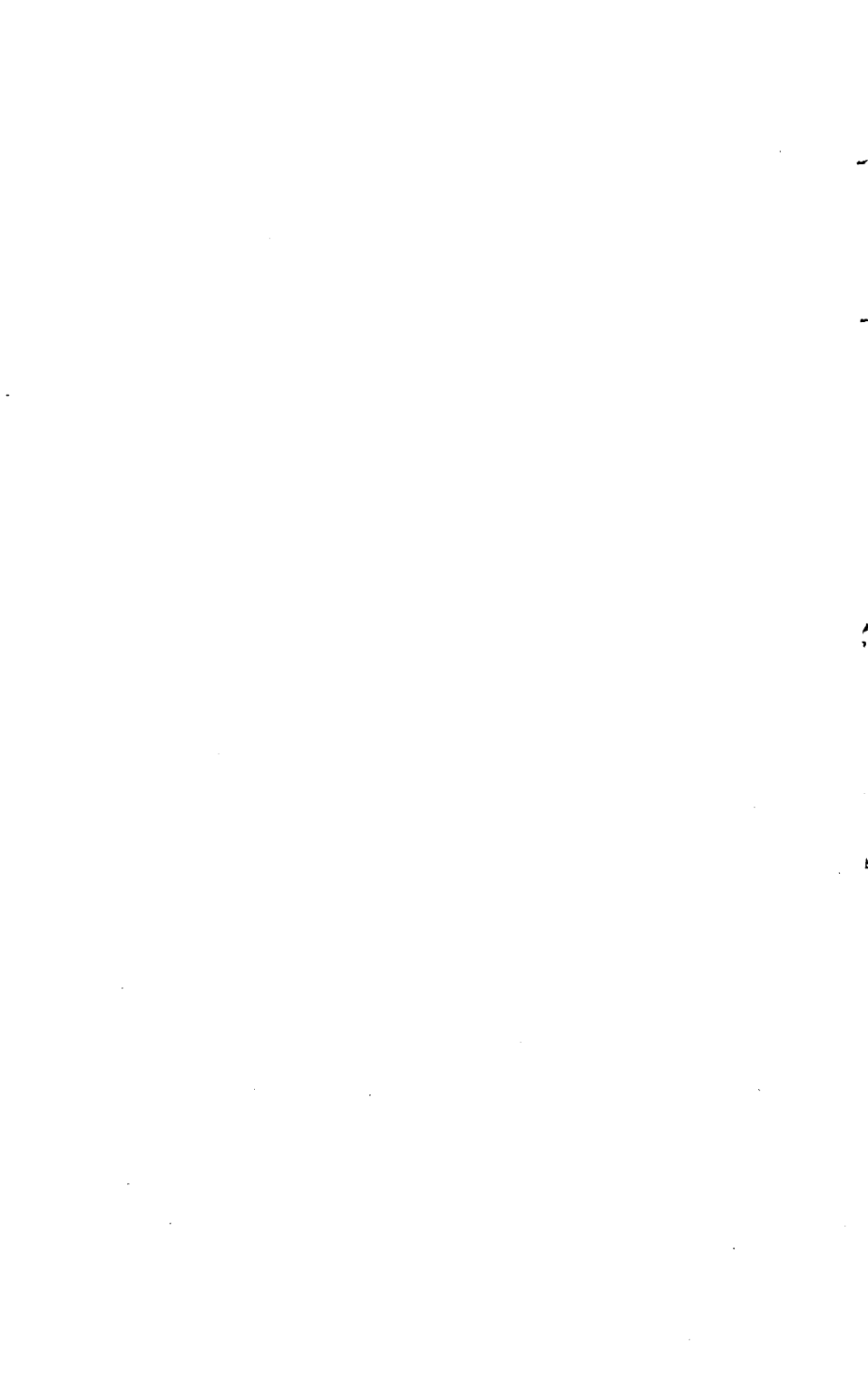
Лишь в 1861 г. на аукционной распродаже одного книжного и рукописного собрания, происходившей в Париже, была впервые обнаружена рукопись «Государств Луны», поступившая затем в Парижскую национальную библиотеку. В 1908 г. в Мюнхенской королевской (ныне государственной) библиотеке был отыскан второй рукописный экземпляр интересующего нас произведения. Он, как оказалось, попал в Мюнхен в составе библиотечного наследия курфюрстов Пфальцских, которые в XVII в. были в культурном отношении тесно связаны с Францией. Сравнительное изучение обеих рукописей показало, что парижская является по всей вероятности одной из очень ранних копий еще не вполне отделанного труда, а мюнхенская — копией вполне отредактированной, вероятно одной из тех, которые Сирано распространил среди своих друзей после 1650 г. На основании этих двух рукописей, по сравнению их с традиционным текстом, восходящим к изданию 1659 г., отредактированному Лебре, немецкий ученый Лео Иордан издал в 1910 г. критически проверенный сводный текст «Государств Луны»,¹ положенный в основу предлагаемого русского перевода. Текст другого утопического трактата Сирано «Государства Солнца» известен до сих пор только по первому печатному тексту 1662 г. и его позднейшим перепечаткам.

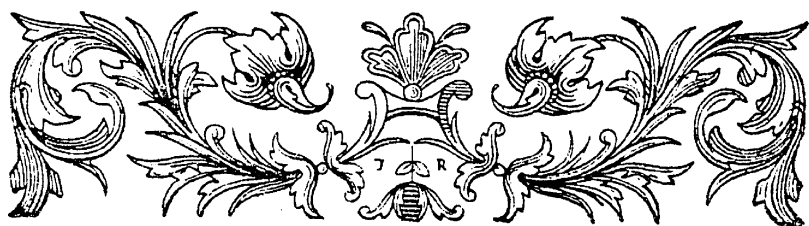
¹ Savinien de Cyrano Bergerac's. *L'autre Monde ou les Etats et les Empires de la Lune*. Nach der Pariser und der Münchener Handschrift sowie nach dem Drucke von 1659 zum ersten Male kritisch herausgegeben von Leo Jordan. Dresden 1910 (Gesellschaft für romanische Literatur, Band 23).

ПРЕДИСЛОВИЕ НИКОЛАЯ ЛЕБРЕ ¹

**К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ СОЧИНЕНИЯ
СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАКА**

ЧИТАТЕЛЬ, предлагаю тебе труд мертвеца, который возложил на меня эту работу; но ты должен знать, что это не обыкновенный мертвец, ибо он не окутан тем печальным саваном, который уносит из могилы тоскующая тень; он не испускает тщетных вздохов, не опрокидывает столов в комнате, не бряцает цепями на чердаке, он не тушит свечи в погребѣ, никого не бьет, не является в виде кошмара или сердитого монаха, словом не выкидывает ни одной из тех пошлых шуток, которыми, говорят, другие мертвецы пугают глупцов; наоборот, никогда он не был так весел. Подобный образ действий, столь необычайный для мертвеца и столь приятный, обезоружит, думается мне, самого мрачного критика и расположит его в пользу этого труда, ибо было бы сугубой низостью оскорбить тень, исполненную такого доброжелательства и такой заботы о развлечении живых. Но так или не так, будет ли критика к нему благоволить, или будет на него огрызаться, я убежден, что это нисколько его не смутит, тем более что единственное, что он из этого мира унес в иной мир, это веселое расположение духа. Ко всему остальному он совершенно нечувствителен, и какой бы удар ни нанесло ему злословие, он выйдет из этого обеленным.

Я нисколько не хочу (шутки в сторону) навязать кому бы то ни было свое собственное суждение:

я слишком хорошо знаю, что чтение приятно только поскольку оно свободно, вот почему я считаю правильным, чтобы каждый судил о том, что читать в зависимости от силы или от слабости собственного ума. Но я прошу великодушные умы настроить себя в его пользу, исходя от той благоприятной для него мысли, что единственной его целью было развлечь читателя. Может быть поэтому он несколько небрежно отнесся к тем или другим местам, но о них не следует строго судить, ибо в таком случае легче будет оправдать ту осторожность, которая иначе показалась бы преувеличенной как с его стороны, так и с моей и со стороны издателя.

Quid ergo?

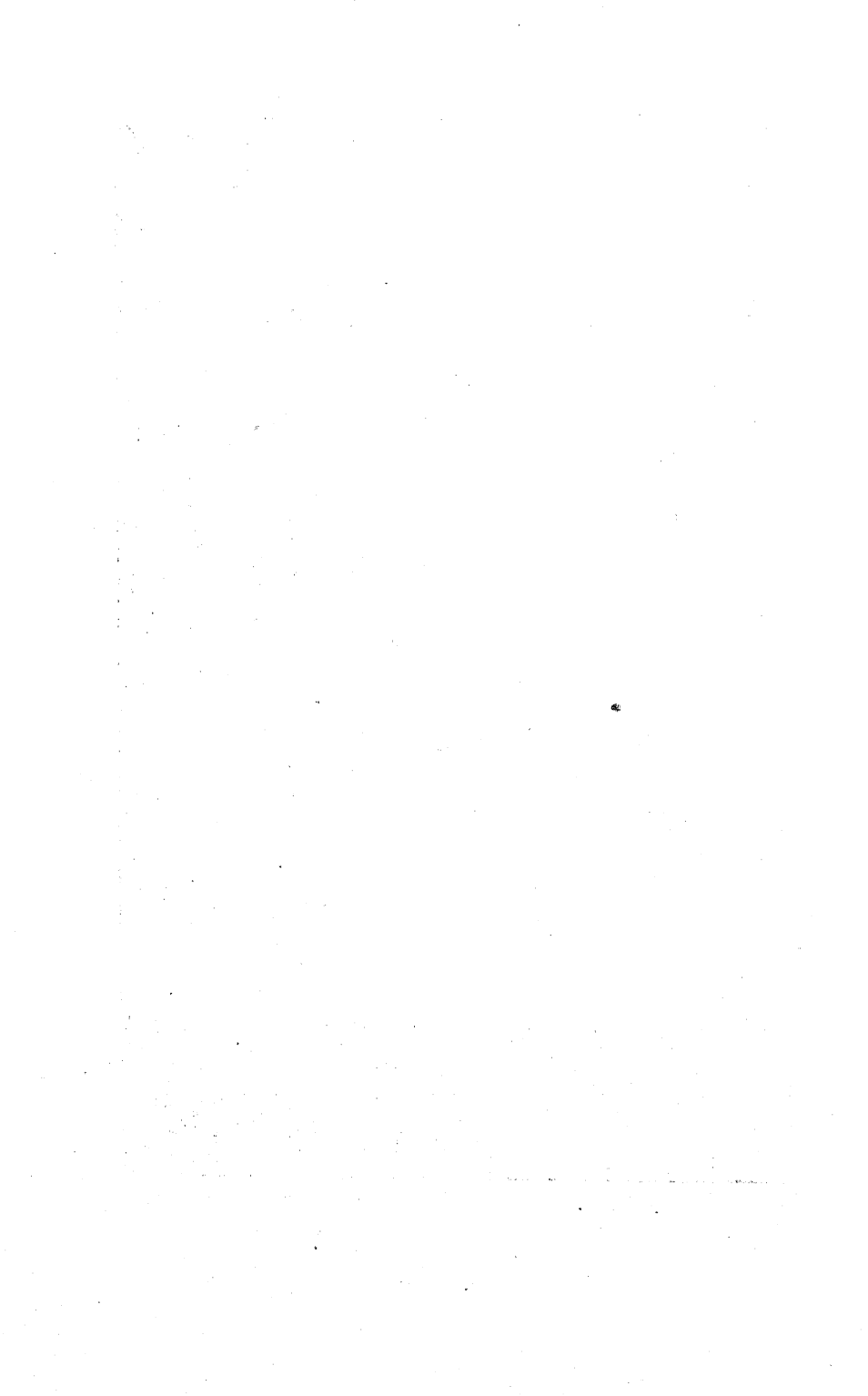
Ut scriptor si peccat, idem librarius usque
Quamvis est monitus, venia caret *

Признаюсь, однако, что будь у меня время и не предвидь я крайних трудностей, я бы охотно пересмотрел все сочинение и тогда быть может оно показалось бы тебе более законченным; но я опасался внести в него путаницу или испортить его, если бы взялся за изменение принятого автором порядка или за исполнение некоторых пробелов и если бы примешал к его стилю свой собственный стиль, ибо мой меланхолический нрав не позволяет мне ни подражать его веселости, ни следовать за смелым полетом его фантазии; мое воображение гораздо более холодное и потому бесплодное. Подобная участь постигла почти все труды, изданные после смерти их авторов, и лицам, принявшим на себя труд их опубликовать, приходилось

* Что же? Если писатель ошибется, то и продавец его произведений, сколько бы его ни убеждали, лишится своей выгоды,

Писатель за работой.
(Из издания 1710 г.).

мириться с встречающимися в них пробелами из опасения (если бы они взялись за пополнение их), не согласоваться с мыслью автора. К числу таких трудов принадлежат и сочинения Петрония,² однако, не перестаешь любоваться этими прекрасными отрывками, как не перестаешь дивиться остаткам развалин древнего Рима.

Возможно, однако, что, не принимая во внимание всего этого, критик, всегда верный себе в желании уклониться от упрека, которому мог бы подвергнуться, нападая на умершего, изменит лишь объект своих нападков и сделает меня ответственным за появление этой книги под тем предлогом, что я взял на себя труд ее опубликовать. Но я взываю к мудрецам, они конечно снимут с меня ответственность за деяния другого и не потребуют, чтобы я разъяснял смысл чистейшей игры фантазии моего друга, да и он сам не сумел бы дать им более обстоятельных объяснений, чем те, которые обычно дают романам и повестям.

В его пользу скажу только одно: а именно это фантастическое произведение вовсе не лишено всякого правдоподобия, ибо среди великих людей как древности, так и нашего времени, многие верили, что луна может быть обитаема, другие, что она действительно обитаема, третьи, более сдержанные, что она кажется им таковой. Занимая среднее место между теми и другими, Гераклит,³ утверждал, что луна это земля, окутанная туманом; Ксенофонт,⁴—что она обитаема, Анаксагор,⁵—что на ней есть горы, долины, леса, реки и моря, а Лукиан,⁶ что он видел там людей, с которыми вел беседу и с которыми воевал против жителей солнца, о чем он повествует, однако, с гораздо меньшим правдоподобием и с гораздо меньшим изяществом воображения, чем господин де Бержерак. В этом конечно современники

опередили древних, ибо гуси, поднявшие на луну испанда, книга которого появилась несколько лет тому назад,⁷ бутылки наполненные росой, улетевшие ракеты и стальная колесница господина де Бержерака, все это измышления гораздо более интересные, чем корабль, на котором поднимался Лукнан. Наконец, среди современников назову отца Мерсенн,⁸ великое благочестие которого и глубокая ученость одинаково вызывали восхищение всех тех, кто его знал. Он выразил предположение, не есть ли луна такая же земля как наша, имея в виду при этом моря, которые на ней замечал, и думал, что воды, окружающие нашу землю, могли бы вызвать подобное же предположение со стороны тех, кто был бы удален от земли на шестьдесят земных радиусов, составляющих расстояние земли от луны. Это предположение может сойти даже за утверждение, ибо предположения такого великого человека всегда основаны на серьезных соображениях или, по крайней мере, на таких признаках, которые этому соответствуют. Гильберт⁹ еще определеннее говорит о том же предмете, ибо он считает, что луна такая же земля как наша, но меньше ее, и пытается это доказать теми отношениями, которые существуют между той и другой. Анри Леруа и Франсуа Патрис¹⁰ держатся такого же мнения и очень пространно объясняют, на каких признаках они его обосновывают, утверждая, что луна и земля взаимно служат друг другу лунами.

Я знаю, что перипатетики¹¹ придерживались другого мнения и что они всегда утверждали, будто луна не может быть землей, потому что на ней нет животных, что эти последние могли бы появиться на ней только через зарождение или тление, но луна нетленна, ее состояние всегда было неизменно и одинаково устой-

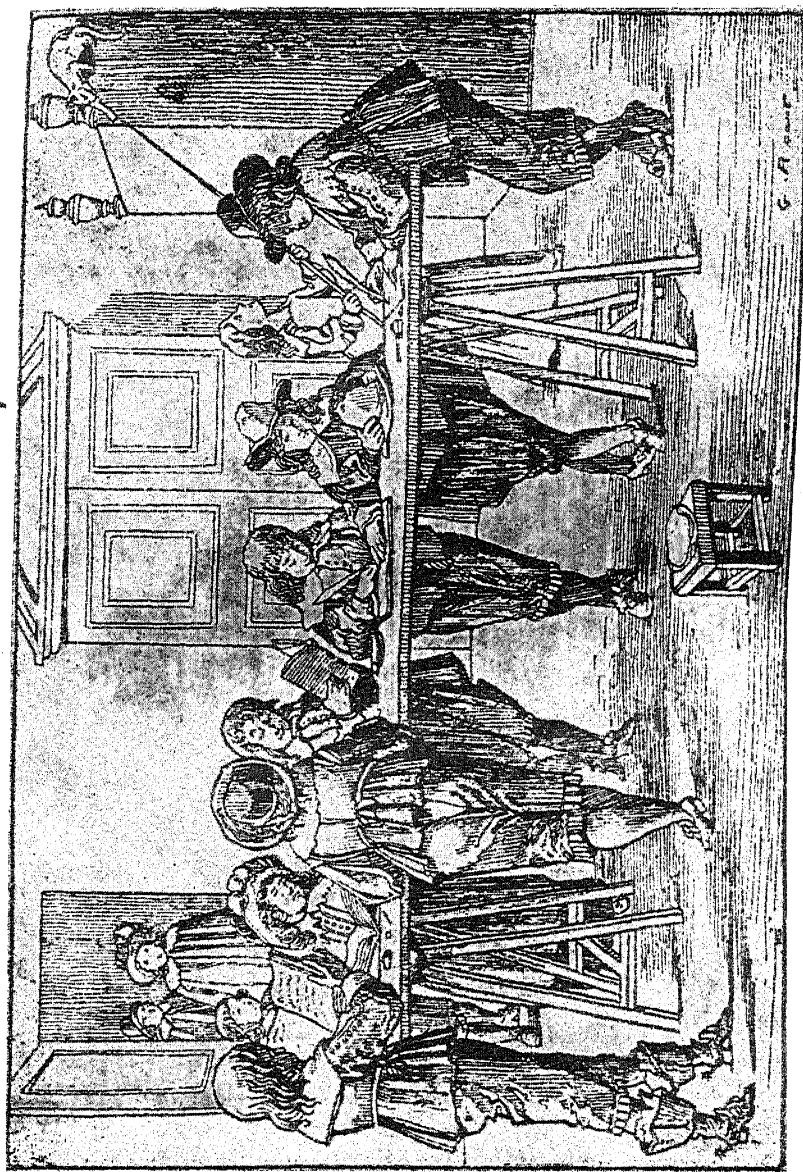
чиво и на ней не было замечено никаких перемен с начала мира и до настоящего времени. Гевелиус,¹² однако, возражает им, что наша земля хотя и кажется нам тленной, тем не менее существует столько же времени сколько и луна, где также могло произойти тление, никогда нами незамеченное, так как оно могло иметь место в малых размерах и лишь на ее поверхности, как и то, которое происходит на нашей земле, где бы мы точно также не могли его заметить, если бы находились от земли на таком же расстоянии, в каком находимся теперь от луны. Он добавляет еще несколько соображений, которые подтверждает наблюдениями посредством телескопа собственного изобретения (наблюдения эти легки и просты); при помощи этого телескопа он открыл, что на луне части наиболее тусклые и наиболее яркие, как большие, так и малые, в точности соответствуют нашим морям, рекам, озерам, равнинам, горам и лесам. Наконец наш божественный Гассенди,¹³ столь мудрый, скромный и ученый во всех этих делах, занимавшийся этим предметом ради развлечения, как думаю и другие, писал в том же смысле как и Гевелиус, но прибавил, что по его мнению на луне есть горы, в четыре раза выше горы Олимпа,¹⁴ принимая ее высоту такой, какой дает ее Анаксагор, т. е. в сорок стадий, что соответствует приблизительно пяти итальянским милям.

Все это, читатель, показывает тебе, что на стороне господина де Бержерака стояло очень много ученых мужей, и как видишь, он тем более достоин похвал, что шуточно трактовал о вымысле, к которому они относились серьезно; действительно он отличался тем, что любил смеяться над всем тем и сомневаться во всем том, что большинство людей утверждает столь же упорно, сколь неосновательно, и я часто слышав,

как он говорил, что на свете столько же шутов, сколько ему приходилось встречать Сидиасов (имя одного педанта, которого Феофил¹⁵ в своих комических отрывках заставляет драться на кулаках с неким юношей, упорно отстаивая, что *odor in probo pop erat forma, sed accidens*. * Господин де Бержерак считал, что именем Сидиаса можно обзывать всякого, кто спорит с таким же упорством о столь же бесполезных вещах.

Воспитание, полученное мною совместно с ним у доброго сельского священника, который держал маленьких пенсионеров, сблизило нас с самой ранней нашей молодости, и я вспоминаю, с какой ненавистью он относился еще с тех самых пор ко всему, что представлялось ему хотя бы тенью Сидиаса. У нашего учителя он находил с Сидиасом сходство, считая его неспособным научить нас чему бы то ни было; он так мало придавал значения его урокам и наказаниям, что отец его, добрый старый дворянин, довольно равнодушный к воспитанию своих детей и слишком доверчиво относившийся к жалобам своего сына, неожиданно взял его оттуда; не наведя никаких справок, будет ли сыну лучше в ином месте, он отправил его в Париж и оставил там без призора до девятнадцатилетнего возраста. Отчасти возраст, в котором человеческая природа так легко развращается, отчасти предоставленная ему полная свобода делать что ему вздумается, привели его на опасный путь, на котором, могу сказать, я его остановил; когда я по окончании учения и по требованию отца поступил на службу в гвардию, я настоял на том, чтобы мой друг вместе со мной вступил в роту господина де Карбон-де-Кастель-Жалу. Дуэли,

* Запах в яблоке — не основное его свойство, а случайность.

Школа XVII века.
(Современная картина).

которые в то время казались единственным и самым быстрым средством приобрести известность, в несколько дней доставили ему такую славу, что гасконцы, которые почти деликом составляли эту роту, смотрели на него как на демона храбрости и насчитывали ему столько поединков, сколько дней прошло со времени его вступления.

Все это, однако, не отвлекало его от занятий и я видел его однажды в кордегардии работающим над элегией столь же сосредоточенно, как если бы он сидел в своем кабинете, вдали от всякого шума. Некоторое время спустя он отправился на осаду Музона, где мушкетный выстрел пронзил ему грудь насквозь, а при осаде Арраса в 1640 г. он получил удар сабли в горло. Все лишения, которые он вынес во время этих двух осад, болезни, причиненные двумя тяжкими ранами, частые поединки, в которые он вовлекался благодаря репутации храбрости и ловкости, вследствие чего он был сто раз вызван (ибо не имел ни одной дуэли по собственному почину); отсутствие патрона, которому его свободолюбивый дух не позволял ему подчиняться и вследствие этого полная безнадежность когда бы то ни было приобрести почет; наконец его великая любовь к знанию,—все это заставило его окончательно отказаться от военного дела, ибо оно требует человека деликом и делает из него врага словесности столько же, сколько словесность делает человека приверженцем мира. В частности сообщу тебе о некоторых боях, которые не были поединками как, напр., бой, во время которого из ста человек, собравшихся у рва при Нельских воротах,¹⁶ чтобы среди белого дня оскорбить одного из его друзей, двое поплатились смертью, а семеро остальных тяжелыми ранами за злые свои намерения. Это может показаться вымыслом, но это

произошло на глазах у многих знатных людей, достаточно громко об этом заявлявших, чтобы не оставалось никаких сомнений; однако, я не хочу на этом больше останавливаться, тем более что я довел свою речь до того времени его жизни, когда он покинул Марса, чтобы отдаться Минерве; я хочу сказать, что он с той поры совершенно отказался от каких бы то ни было должностей и что наука стала единственным его занятием, которому он и предавался до самой своей смерти.

Впрочем, его ненависть ко всякого рода зависимости не ограничивалась ненавистью к подчинению, требуемому вельможами от своих приближенных. Она шла гораздо дальше и распространялась на все то, что казалось ему, угнетало мысль и суждения человека; в своих взглядах он хотел быть столь же свободным, как и в самых незначительных поступках; ему казались смешными люди, которые ссылались на авторитет какой-нибудь цитаты или на Аристотеля¹⁷ или на какого-либо иного автора, подобно ученикам Пифагора,¹⁸ которые своим «Учитель сказал» претендовали на то, чтобы разрешать важные вопросы, хотя их доводы могли быть каждый день опровергнуты самыми простыми и несложными опытами. Я не хочу сказать, что бы он не относился со всем должным благоговением к выдающимся философам, древним и современным, но большое разнообразие их учений и странное противоречие их мнений убеждали его в том, что следует быть независимым в суждениях.

*Nullius addictus jurare in verba Magistri. **

Демокрит и Пиррон¹⁹ казались ему после Сократа самыми здравомыслящими философами древности

* Убежденный в том, что не следует клясться словами учителя.

вероятно потому, что первый запрятал истину в такой темный угол, где ее невозможно разглядеть, а Пиррон был настолько благороден, что ни один из ученых его века не мог поработить его чувств, и так скромн, что никогда не хотел делать окончательных выводов. Господин де Бержерак говорил по поводу этого, что многие из наших современников представляются ему лишь отголоском других ученых и что большинство людей, почитающихся весьма знающими, были бы сочтены за невежд, если бы до них не было ученых.

Таким образом однажды на мой вопрос, почему он читает сочинения других, он мне отвечал, что делает это для того, чтобы узнать, как другие воруют, и что, если бы ему пришлось судить такого рода преступления, он карал бы за них более строго, чем за грабежи на большой дороге; ибо слава есть нечто гораздо более драгоценное, чем одежда, лошадь или даже золото и тот, кто приобретает ее при помощи книг, составленных из того, что он похитил у другого,—не лучше разбойника, разряженного за счет того, кого он ограбил, и что, наконец, если бы каждый старался сказать только то, что еще не было сказано, библиотеки были бы менее велики и громоздки, но более полезны, и жизни человека, как она ни коротка, почти хватало бы, чтобы прочитать их и узнать все, что интересно. Между тем, для того, чтобы напасть хотя бы на одну мысль, сколько-нибудь сносную, нужно прочесть сотни тысяч книг, не имеющих никакой цены, или прочитанных бесконечное число раз; таким образом приходится губить время без пользы и удовольствия.

Тем не менее, он никогда целиком не порицал какого-нибудь сочинения, если находил в нем хоть что-нибудь новое, и говорил, что такое приращение блага столь же важно для ученого мира, как открытие

новых стран полезно для старых земель. Критики представлялись ему тем более невыносимыми, что их страсть исправлять других он приписывал зависти или досаде, вызванной собственным бессилием или неспособностью к какому бы то ни было делу. Всякое же дело всегда похвально, хотя бы оно и не сопровождалось соответствующими результатами. Он говорил...

Non ego paucis

Offendere maculis quas aut incuria fudit

*Aut humana parum cavit natura. **

И действительно, если мы допускаем тени в картине, почему не допустить в книге несколько мест более слабых, чем остальные; по закону контрастов черное служит иногда для того, чтобы оттенить белое.

Тем не менее, так как все чувства его были необычайны, нет ни одного из его сочинений, которое бы не было оригинально.

Его «Агриппина» от начала до конца написана так, как дотоле никогда еще не писали. Выражения самые поэтические, сюжет хорошо выбран, роли прекрасны, чувства — римские по мощи и достойные столь великого имени, интрига изумительна, развязка проста, ясна и правило о 24 часах²⁰ так тщательно соблюдено, что эта пьеса может считаться образцом драматической поэмы.

Но более всего он приводил в восхищение тем, что, когда переходил от серьезного к веселому, ему одинаково удавалось как то, так и другое. Его комедия «Проведенный педант» — прекрасное и очень убедитель-

* Я не обиделся бы на малые уколы, которыми осыпает нас человеческое легкомыслие и от которых мало оберегает сама человеческая природа.

ное тому доказательство, точно также как и некоторые другие его сочинения, служащие верным доказательством всеобъемлющего его остроумия. Выше всех вещей стоит его «История Искры»²¹ и «Республика Солнца» в которой тем же стилем, каким он доказывал, что луна обитаема, он изображал чувства камней, инстинкт растений, разум животных. Я хотел присоединить эту историю к издаваемому труду, но вора, ограбивший его сундук во время его болезни, лишил меня этого удовлетворения, а тебя—высшего удовольствия.

Скажу тебе, наконец, читатель, что к тому же он был так счастливо одарен природой в отношении чувств, что всегда был способен владеть ими в меру своей воли; в виду этого, вино он пил редко, говаривая, что злоупотребление им притупляет разум, что с вином следует обращаться с такой же осторожностью, как и с мышьяком (с которым он его сравнивал); что от этого яда должно опасаться всего, и даже в том случае, если бы он грозил только тем, что в общезнании называется недоразумением, он все-таки остается опасным. Не менее воздержан был он в еде, из которой по мере возможности он изгонял все блюда с пряностями, считая, что самая лучшая пища—это пища самая простая и менее всего смешанная. В подтверждение этого он приводил пример современного человека с его короткой жизнью в противоположность человеку первых веков, который пользовался, повидимому, долгой жизнью только благодаря простоте, соблюдаемой им в пище.

Quippe aliter tunc orbe novo coeloque recenti
Vivebant homines. *

* Разумеется иначе жили тогда люди в новом мире под молодным небом.

Эти два качества сопровождалось у него большим воздержанием по отношению к прекрасному полу и можно сказать, что он никогда не выходил из пределов того уважения которое мы должны оказывать дамам; он соединял с этим такое отвращение ко всякого рода корысти, что никогда не мог бы даже себе представить, что такое личная собственность, а его имущество в гораздо меньшей степени принадлежало ему, чем тем из его знакомых, которые в нем нуждались. В награду за это небо, которое не терпит неблагодарности, послало ему в жизни таких друзей, которые любили его до самой его смерти, а некоторые и за ее пределами.

Я подозреваю, читатель, что ради его славы и ради удовлетворения своего любопытства ты потребуешь, чтобы я записал их имена для потомства. Я тем охотнее уступлю твоему желанию, что не назову тебе ни одного такого, который бы не отличался исключительными достоинствами, так хорошо он умел их выбирать. По многим причинам, а главным образом по порядку времени я начну с господина де Прад, в котором истинное знание сочеталось с широким сердцем и большой добротой; за его замечательную историю Франции его справедливо было бы назвать Корнелием Тацитом франдузов; он так сумел оценить прекрасные качества господина де Бержерак, что после меня был самым старинным из его друзей и одним из тех, кто доказал ему свою дружбу самым обязательным образом и бесконечное число раз. Знаменитый Кавуа, убитый в бою при Лане, и доблестный Бриссиль, прапорщик жандармов его королевского высочества, были не только справедливыми ценителями его важных подвигов, но и славными свидетелями и верными участниками некоторых из них. Смею сказать, что как и мой брат, так и господин де Зедде, оба знатоки

военной доблести, считали, что по храбрости он не уступает самым отважным; оба они оказывали ему услуги и он в свою очередь помогал им в некоторых случаях, допускавшихся в то время среди людей военного ремесла. Если их свидетельство может показаться сомнительным, поскольку в нем участвует мой брат, я назову еще одного смельчака самого высшего разбора — господина Дюре де Моншенен, который слишком хорошо его знал и слишком ценил, чтобы не подтвердить мои слова. Упомяну еще о господине де Бургонь, квартирмейстере пехотного полка принца де Конти. Он сам присутствовал при том сверхчеловеческом бое, о котором я говорил, и название «бесстрашный», которое он ему с тех пор давал, есть свидетельство, не оставляющее ни тени сомнения для всех знающих господина де Бургонь. Слишком хорошо умел он отличать то, что заслуживает уважения, от того, что его не заслуживает, и ум его был слишком благородный и всеобъемлющий, чтобы он мог ошибиться в подобном деле. Господин де Шавань, готовый всегда с радостным порывом устремиться навстречу тому, кому хотел помочь; славный советник, господин де Лонгевиль-Гонтье, обладающий всеми качествами безупречного человека. Господин де Сен-Жиль, в котором желание услужить всегда сопровождалось действием и который является немаловажным свидетелем его доблести и его ума; господин де Линьер, произведения которого полны вдохновения; господин де Шатофор, память и суждение которого столь достойны удивления и который так удачно умеет применять свои бесконечные знания; господин де Вильет, обладавший в 23 года такими знаниями, которыми люди гордятся в 50 лет; господин де Ла-Морлиер, нравы которого так чисты, а манера оказывать услуги другим так привлекательна; граф

не Бриенн, ум которого соответствует его высокому происхождению;—все они относились к нему с тем уважением, которое составляет истинную дружбу. Наперерыв одни перед другим они проявляли эту дружбу весьма чувствительным для него образом. Я не буду подробно говорить об аббате де Виллелуэн, этом всеобъемлющем ученом, неутомимо творящим столько прекрасных и полезных вещей, ибо я не имел чести быть с ним знакомым; но я могу подтвердить, что господин де Бержерак его очень ценил и получил от него многие доказательства истинного расположения.

Я должен прибавить, что ради друзей, советовавших ему избрать себе патрона, который поддерживал бы его при дворе и в других местах, он преодолел свою великую любовь к свободе и до того дня, когда ему был нанесен по голове удар, о котором я уже говорил, он состоял при господине герцоге д'Арпажон и посвящал ему все свои труды; во время своей болезни он однако, жаловался, что тот его покинул; я не берусь и не считаю нужным судить о том, было ли это следствием несчастной судьбы, общей для всех малых сих и зависящей от того, что великие мира помнят об услугах, им оказанных, только в ту минуту, когда их принимают, или же это было тайным замыслом неба, которое, прежде чем взять его из этого мира, хотело показать ему, как мало следует сожалеть о том, что нам здесь кажется прекрасным, но в сущности вовсе не таково.

Я был бы несправедлив по отношению к господину де Рого, если бы не внес его имени в этот славный список, ибо сей знаменитый математик, производивший столько великолепных физических опытов, любимый за свою доброту и скромность и не менее ценный за свои знания, столь возвышающие его над толпой, был

так расположен к господину де Бержерак и настолько интересовался всем, что его касалось, что он первый открыл истинную причину его болезни и вместе со всеми его друзьями тщательно изыскивал средства его вылечить, но господин де Буаклер, героический в малейших своих поступках, увидел в этом такой хороший случай проявить свое великодушие, что не пожелал упустить его и решил предупредить остальных его друзей. Он действительно предвосхитил их, создав для своего друга самую благоприятную обстановку. Это было тем более важно, что скука, вызванная продолжительным заключением, грозила ему скорой кончиной; печальный предвестник ее уже наступил в виде сильнейшего припадка лихорадки. Но этот несравненный друг пресек болезнь, продержав его у себя в течение четырнадцати месяцев; наряду со славой, заслуженной таким заботливым и прекрасным уходом, он стяжал бы себе еще славу тем, что сохранил бы жизнь своего друга, если бы дни последнего не были сочтены и не были ограничены тридцать пятым годом его жизни. Эту жизнь он и закончил в деревне у своего кузена господина де Бержерак, от которого получил многие доказательства дружбы и ученые разговоры которого на темы по истории прошлых и настоящих времен приходились ему чрезвычайно по вкусу. К нему-то он и велел перенести себя за пять дней до смерти, охваченный тем тревожным желанием переменить место, которое предшествует смерти и у большинства больных является почти верным ее признаком.

Я думаю, что мы лишь в незначительной степени отдадим должную честь памяти господина маршала де Гассион, если скажем, что он любил людей умных и сердечных и был знатоком как тех, так и других. Он пожелал иметь около себя господина де Бержерак

на основании того, что ему рассказывали о нём господин де Кавуа и господин де Кюижи. Но, будучи в то время ещё поклонником свободы, ибо он только гораздо позднее поступил к господину д'Арпажон, он не мог ещё смотреть на такого знатного человека иначе, как на господина, и предпочел остаться ему неизвестным, нежели приобрести его любовь, но в то же время попасть от него в зависимость. То же пренебрежение к богатству, так мало свойственное людям, привело к тому, что он пренебрегал и многими знакомствами, которые хотела ему доставить достопочтенная мать Маргарита, особенно его почитавшая; он как будто предчувствовал, что то, что составляет счастье в этой жизни, будет ненужно в другой. Это была единственная мысль, занимавшая его под конец его жизни и тем сильнее, что ее поддерживала госпожа де Невильет; эта женщина — вся благочестие, вся милосердие и любовь, преданная всей душой богу и ближнему, — была его родственницей со стороны благородной фамилии Беранже. Разврат, в котором подозревают большинство молодых людей, представлялся ему чем-то чудовищным, и я могу подтвердить, что он испытывал к нему то отвращение, которое испытывают все желающие вести христианский образ жизни. Эту великую перемену я предвидел уже за некоторое время до его смерти: как-то раз, когда я укорял его за то, что он так печален в тех самых местах, где мы привыкли вести с ним приятные и веселые беседы, он мне отвечал, что по мере того, как он познает мир, он в нем разочаровывается; что он предвидит близкое наступление конца своей жизни, который в то же время будет и концом его страданий, но что величайшее его горе, — это сознание того, как плохо он использовал свою жизнь.

Jam juvenem vides

сказал он мне,

instet cum senior aetas

Moerentem stultos praeteriisse dies. *

И действительно, прибавил он, я думаю, что в этих словах Тибулла заключается предсказание обо мне, ибо никто никогда не сожалел так, как я, о стольких прекрасных днях, столь бесплодно проведенных.²³

Ты должен простить мне это отступление, читатель, я, правда, быть может, слишком распространялся о достоинствах друга, но смерть его должна избавить меня от упрека, которому я бы мог иначе подвергнуться за желание ему льстить. Возвращаясь, однако, назад и продолжая приводить те авторитеты, на которых он основывал свой вымысел, скажу тебе, что демон, которого он с такой пользой заставляет служить себе, не есть неслыханная выдумка, ибо Фалес²³ и Гераклит считали, что мир населен ими. Я уже не говорю о всем том, что было написано о демонах Сократа, Диона²⁴ и Брута²⁵ и о многих других. Мысль о множественности миров основана на идее Демокрита, который ее утверждал; точно также можно сказать о бесконечности и о малых телах или атомах, о которых он много раз рассуждал. всed за этим философом, за Эпикуром и за Лукрецием.²⁶

Представление о движении, которое он приписывает земле, также несет нечто новое, ибо Пифагор, Филолай и Аристарх²⁷ утверждали некогда, что она вращается вокруг солнца, которое они помещали

* Ты уже видишь, как юноша, достигнув более серьезного возраста, горюет о дурацки проведенных днях.

в центре мира. Левкипп²⁸ и многие другие говорили почти то же самое, но Коперник²⁹ в прошлом веке провозгласил это громче других и изменил систему Птолемея,³⁰ принятую до того времени всеми астрономами. Большинство из них теперь придерживается системы Коперника, которая проще и удобней, ибо ставит солнце в центр мира, землю между планетами на то место, куда Птоломей помещал солнце, другими словами, он заставляет Меркурия вращаться вокруг солнца, за ним Венеру, потом землю, на краю этого круга он помещает эпицикл, по которому луна вращается вокруг солнца, завершая свой круг в 27 дней помимо того оборота, который вместе с землей она совершает вокруг солнца.

Признаюсь тебе, однако, читатель, что ко всем этим новшествам в астрономической науке я совершенно равнодушен, ибо я не занимаюсь этой наукой, она для меня слишком отвлеченна; уверяю тебя, что все, что мне из нее известно — это несколько терминов, сохранившихся в моей памяти после чтения сочинений об этом предмете. Потому заявляю, что, говоря о Копернике, я совершенно не желаю оскорблять Птолемея. Для меня достаточно того, что

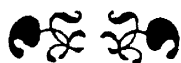
*Coeli enarrant gloriam dei.**

и что изумительное строение их служит для меня доказательством того, что они сотворены не руками человеческими. Что бы ни говорил Птоломей, они остаются тем же, чем были всегда; что бы ни изменял Коперник, они остаются все на том же месте и с теми же функциями, какие им присудило верховное существо, их сотворившее. Само неизменное, оно одно может изменить всякую вещь.

* Небеса поют хвалу богу.

В начале этой беседы я упомянул о том предмете, который заставил меня ее повести, а впоследствии станет ясно, почему и как я цитировал всех этих ученых. Прошу тебя, читатель, помнить об этом, чтобы оправдать то малое почтение, которое я питаю ко всему, что может смешать истинность моей веры с чужими фантазиями.

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

ИНОЙ СВЕТ

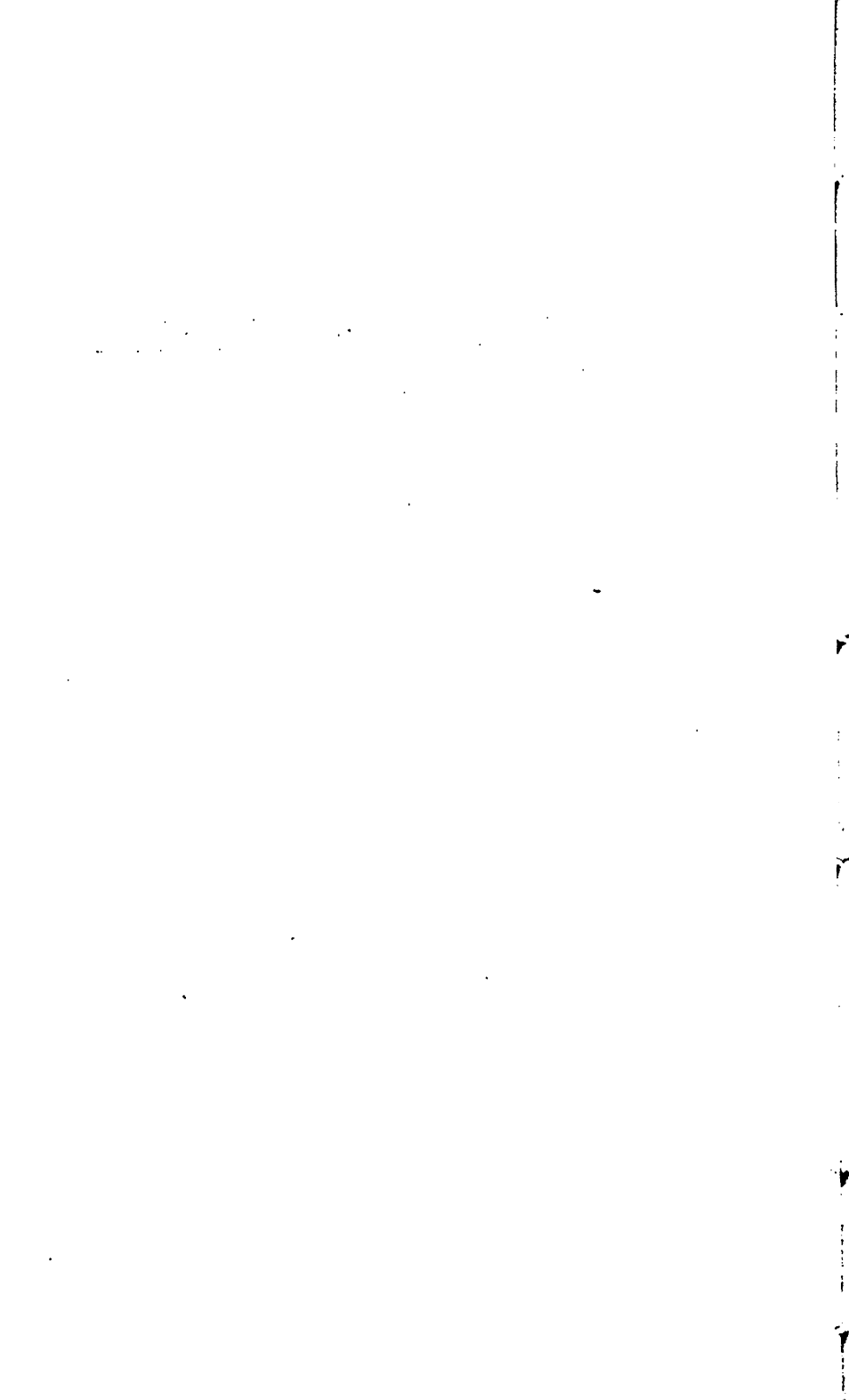
или

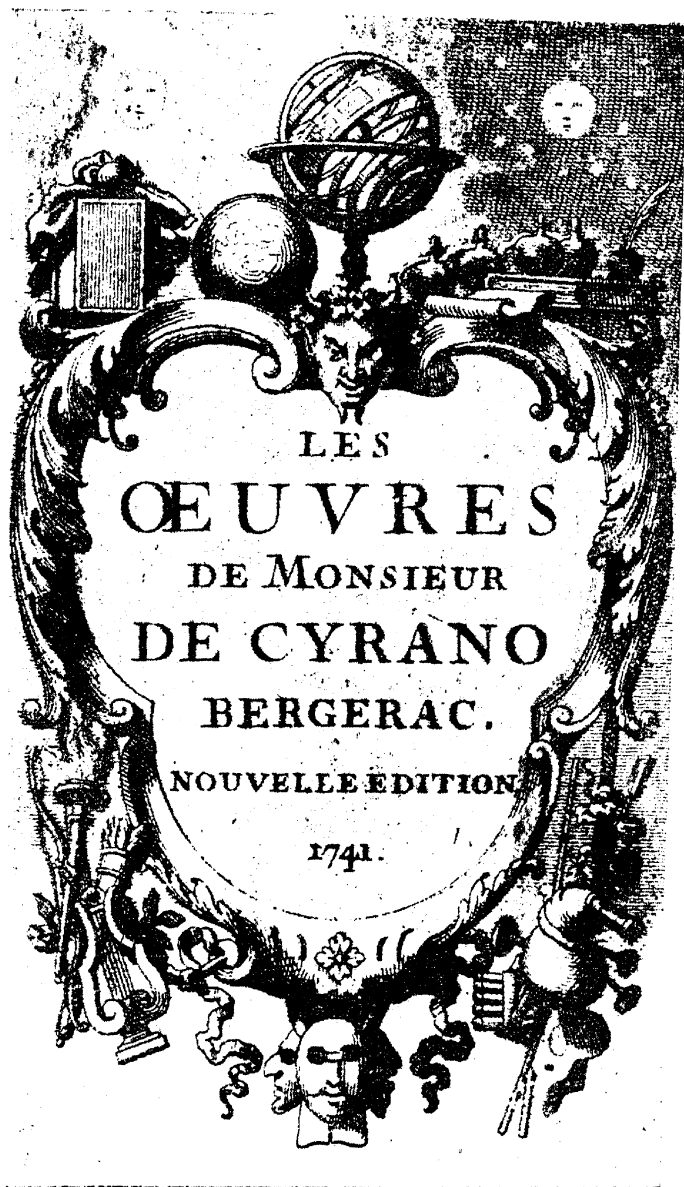
ГОСУДАРСТВА

и империи

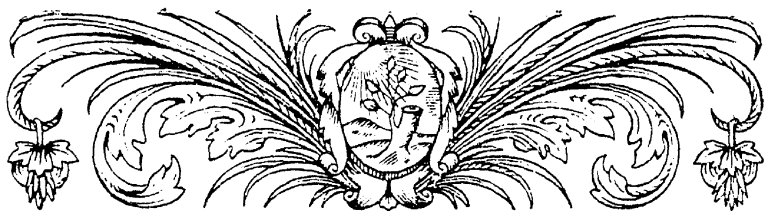
ЛУНЫ

Фронтиспис к сочинениям Сирано де Бержерака.
(Из издания 1741 г.).

СВЕТИЛА полная луна, небо было ясно и уже пробило девять часов вечера, когда я и четверо моих друзей возвращались из одного дома в окрестностях Парижа. Наше остроумие очевидно отточилось о камни мостовой, ибо в какую сторону оно ни обращалось, всюду оно заострялось, и как далеко ни была луна, она не могла от него сластись.

Наши взоры утопали в великом светиле; один принимал его за небесное слуховое окно, сквозь которое просвечивало сияние блаженных, другой, убежденный в истинности старых басен, воображал, что быть может это Вахх³¹ там вверху содержит таверну и полную Луну повесил как вывеску; третий утверждал, что это гладильная доска, на которой Диана разглаживает воротнички Аполлона,³² наконец четвертый, что это быть может само Солнце, что оно совлекло с себя одеяние своих лучей и в халате выглядывает сквозь отверстие на то, что творится на свете в его отсутствии.

Что касается меня, воскликнул я, то желая присоединить свои восторги к вашим и не восхищаясь тем острием изнуренного воображения, которым вы погоняете время, чтобы заставить

его двигаться быстрее, я думаю, что луна это такой же мир как и наш и что земля в свою очередь служит ей луной. Мои спутники ответили мне на это громким взрывом хохота. Точно также, быть может, продолжал я, там на луне смеются теперь над тем, кто утверждает, что этот земной шар есть мир. Но сколько я ни ссылался на то, что Пифагор,³³ Эпикур,³⁴ Демокрит,³⁵ а в наши дни Коперник³⁶ и Кеплер,³⁷ придерживались такого же мнения, они только громче и громче хохотали.

Однако, эта мысль, смелость которой нравилась моему нраву, еще сильнее укрепилась во мне благодаря противоречию и так глубоко в меня запала, что в продолжении всего остального пути я вынашивал в себе тысячу различных определений луны, однако, никак не мог разрешиться ими. По мере того как я подкреплял в себе эту шутливую мысль почти серьезными доводами, я сам чуть было не поверил в нее.

Но послушай, читатель, какое чудо или какая случайность помогли провидению или судьбе утвердить меня на этом пути: вернувшись с прогулки, я вошел в свою комнату, чтобы там отдохнуть, и увидел на столе открытую книгу, которую я туда не клал. Я увидал, что эта книга моя, и потому спросил у своего лакея, на каком основании он принес ее из кабинета; я в сущности спросил его только для формы, ибо это был толстый лотарингец, душа которого не выполняла никаких иных функций чем те, которые выполняет душа устрицы в своей раковине. Он мне поклялся, что сюда ее мог доставить только я или чорт, что касается меня, я хорошо знал,

что я не прикасался к этой книге уже более года.

Я снова взглянул на нее: это была книга Кардана ³⁸ и хотя я не намеревался ее читать, однако, мои глаза как-то невольно упали на то самое место, где у этого философа мы находим такой рассказ: он пишет, что, занимаясь однажды вечером при свете сальной свечи, он увидел входивших сквозь закрытые двери двух высоких стариков; после многих расспросов с его стороны старики ему сказали, что они обитатели луны, и в ту же минуту исчезли.

Я был так удивлен, как тем, что увидел книгу, которая сама себя принесла, так и тем, на какой странице она оказалась открытой и в какую минуту все это произошло, что все это сцепление обстоятельств я считал за внушение свыше, требовавшее от меня, чтобы я разъяснил людям, что луна обитаемый мир. Как, думал я, после того, как я целый день проговорил об одном предмете, книга, может быть единственная в мире, где специально трактуется об этой материи, летит из моей библиотеки на стол, становится способной рассуждать, открывается на том самом месте, где описано столь чудесное происшествие, насильно притягивает к себе мой взор, внушает моей фантазии нужные соображения, а моей воле нужные намерения. Без сомнения, размышляя я дальше, мою книгу переложили те же старики, которые появились перед этим великим человеком; они же открыли ее на этой странице чтобы избавить себя от труда держать мне те же, речи, которые держали Кардану. Но, прибавил я, как же мне разъяснить себе эти сомнения иначе,

как поднявшись на луну? И почему же нет, тотчас же отвечал сам себе. — Ведь восходил же Прометей³⁹ на небо, чтобы похитить огонь. Разве я менее отважен, чем он? И какие же у меня основания не надеяться на такую же удачу?

За этими вспышками горячечного бреда последовала надежда, что мне удастся совершить это чудное путешествие.

Чтобы довести дело до конца, я удалился в довольно уединенный дом в деревне, где, предавшись моим мечтаниям и обдумав несколько возможностей их осуществить, я поднялся на небо и вот каким образом.

Я прежде всего привязал вокруг себя множество стклянок, наполненных росой; солнечные лучи падали на них с такой силой, что тепло, притягивая их, подняло меня на воздух и унесло так высоко, что я оказался дальше самых высоких облаков. Но так как это притяжение заставляло меня подниматься слишком быстро и вместо того, чтобы приближаться к луне, как я рассчитывал, я заметил, наоборот, что я от нее дальше, чем при моем отбытии, я стал постепенно разбивать стклянки одну за другой, пока не почувствовал, что тяжесть моего тела перевешивает силу притяжения и что я спускаюсь на землю.

Я не ошибся, и скоро я упал на землю; судя по тому времени, когда я начал свое путешествие, должен был наступить полдень. Между тем я увидел, что солнце стоит в своем зените и что там, где я нахожусь, полдень. Вы можете себе представить мое изумление! Оно действительно было таково, что, не зная чему приписать такое чудо, я возымел дерзкую мысль, что я

в честь моей отваги вновь пригвоздил солнце к небесам, дабы оно могло освещать столь благородное предприятие. Мое изумление, однако, достигло еще большей степени, когда я оглянулся вокруг себя и не узнал местности, в которой находился. Мне казалось, что, поднявшись вверх по совершенно прямой линии, я должен был спуститься на то самое место, откуда я начал свое путешествие.

Все в том же странном уборе я направился к какой-то хижине, заметив поднимавшийся из нее дым; я едва дошел до нее на расстояние пистолетного выстрела, как увидел себя окруженным множеством совершенно голых людей. Мне показалось, что вид мой чрезвычайно их удивил, ибо я был первый человек, одетый бутылками, которого им когда-либо приходилось видеть; они заметили кроме того, что когда я двигаюсь, я почти не касаюсь земли, и это противоречило всему тому, чем они могли бы объяснить мой наряд: ведь они не знали, что при малейшем движении, которое я сообщал своему телу, зной полдневных солнечных лучей поднимал меня и всю росу вокруг меня, и что если бы моих стклянок было достаточно, как в начале моего путешествия, я мог бы на их глазах быть вознесен на воздух. Я хотел к ним подойти и заговорить с ними, но страх, казалось, обратил их в птиц; в одно мгновение они разлетелись по соседнему лесу. Мне, однако, удалось поймать одного из них, ноги которого, повидимому, изменили его сердцу. Я спросил его, произнося слова с большим трудом (ибо задыхался), каково расстояние отсюда до Парижа, с каких пор народ

ходил голым во Франции и почему они с таким ужасом бежали от меня. Человек, с которым я говорил, был старик с оливковым цветом лица, он сперва бросился на колени и, подняв руки кверху над головой, открыл рот и закрыл глаза. Он долго что-то бормотал сквозь зубы, но я не мог разобрать ни одного членораздельного звука и принял его речь за хриплое шепетание немого.

Некоторое время спустя я заметил приближение отряда солдат, которые шли с барабанным боем; двое из них отделились и подошли ко мне для рекогносцировки. Когда они были достаточно близки, чтобы расслышать мои слова, я просил их сказать мне, где я нахожусь. — Вы во Франции, отвечали они, но какой чорт привел вас в такой вид, и почему же мы вас не знаем? Разве корабли прибыли? Собираетесь ли вы сообщить об этом господину губернатору? И почему вы разлили вашу водку в такое множество бутылок? — На все это я возразил, что в такой вид привел меня не чорт, что не знают они меня потому, что им не могут быть известны все; что я не знал, что по Сене ходят корабли в Париж; что мне нечего сообщать Господину де Монбазону,⁴⁰ что я нагружен не водкой. «Ого, сказали они, и взяли меня под руки, вы еще хорохоритесь? Господин губернатор-то вас узнает». — Они повели меня туда, где стояла их часть, и здесь я узнал, что я действительно во Франции, но не в Европе, ибо это была Новая Франция.⁴¹ Некоторое время спустя я был представлен вице-королю господину Монманны;⁴² он спросил меня, из какой я страны, каково мое

имя и мое звание; я ответил на все его вопросы и рассказал о приятном и успешном исходе моего путешествия; поверил ли он мне или сделал только вид, что поверил, я не знаю; как бы то ни было, он был так любезен, что приказал отвести мне комнату в своем собственном доме. Для меня было большим счастьем встретить человека, способного к возвышенным мыслям, который притом не выразил никакого удивления, когда я ему сказал, что земля очевидно вращалась, пока я поднимался, ибо, начав свое воздушное путешествие в двух милях от Парижа, я упал по линии, почти перпендикулярной, в Канаде. Вечером, когда я уже собрался ложиться спать, он вошел в мою комнату и сказал: «Я бы не стал нарушать вашего покоя, если бы я не думал, что человек, обладающий такой тайной силой, мог совершить столь длинный путь в полдня должен также обладать способностью не уставать. Но вы не знаете, прибавил он, какой забавный спор у меня только что был по вашему поводу с нашими отцами иезуитами.⁴³ Они настаивают на том, что вы колдун, и самое большое снисхождение, на которое вы можете рассчитывать с их стороны, это то, чтобы сойти за обманщика. Действительно, то движение, которое вы приписываете земле, разве это не удачный парадокс? Что касается меня, скажу вам откровенно, почему я не разделяю ваших взглядов. Ведь выехав из Парижа вчера, вы могли бы прибыть сюда сегодня, хотя бы земля и не вращалась; не должно ли было привести вас сюда солнце, поднявшее вас при помощи ваших бутылок, так как, согласно Птоломею,⁴⁴ Тихо-Браге⁴⁵

и современным философам, оно движется наискось от того пути, которое вы приписываете земле. А затем, почему вы считаете правдоподобным представление, что солнце неподвижно, когда мы видим, как оно движется? И почему вы предполагаете, что земля вращается с такой, быстротой, когда мы чувствуем, как она неподвижна под нашими ногами?» — «Государь мой, возражался, вот приблизительно те доводы, на основании которых мы догадываемся обо всем том. Во-первых, самый здравый смысл говорит за то, что солнце помещается в центре вселенной, ибо все тела, существующие в природе, нуждаются в его животворном огне, что оно обитает в самом центре подвластного ему государства, чтобы немедленно удовлетворять всем его потребностям, и что первопричина жизни находится в центре всех тел, чтобы действие ее могло распространяться на них легко и равномерно. Точно так же мудрая природа поместила детородные органы человека в середине его тела, зернышко в сердцевине яблока, косточки в середине плода, точно так же луковица сохраняет под защитой сотни окружающих ее кожиц драгоценный росток, из которого миллионы новых луковиц почерпнут свое существование. Ибо это яблоко само в себе маленькая вселенная, а зернышко, содержащее в себе больше тепла, чем остальные его части, и есть солнце, распространяющее вокруг себя тепло, хранителя целого яблока; росток с этой точки зрения тоже маленькое солнце этого мирка, согревающее и питающее растительную соль этого маленького тела. Исходя из этого предположения, я говорю, что земля,

нуждаясь в свете, в тепле и в воздействии этого великого источника огня, вращается вокруг него, чтобы получить от него силу, сохраняющую ее жизнь и необходимую ей равномерно для всех ее частей. Было бы одинаково смешно думать, что это великое светило станет вращаться вокруг точки, до которой ему нет никакого дела, как было бы смешно предположить при виде жареного жаворонка, что вокруг него вертелась печь. Иначе, если бы солнцу приходилось выполнять эту работу, надо было бы думать (пришлось бы сказать), что медицина нуждается в больном, что сильный должен подчиняться слабому, знатный служить простолюдину и что не корабль плывет вдоль берегов, а берега движутся вокруг корабля. Если вам непонятно, каким образом может вращаться такая тяжелая масса, скажите мне, пожалуйста, разве менее тяжелы светила и небесный свод, который вы считаете таким плотным? Еще скорее можем мы, убежденные в том, что земля есть шар, заключить о ее движении на основании ее формы. Но почему вы предполагаете, что небо также имеет форму шара, когда знать вы этого не можете, и когда ясно, что если оно не обладает именно этой формой, оно не может вращаться. Я несколько не укоряю вас за ваши эксцентрики, концентрики и ваши эпициклы, но относительно них вы будете в состоянии дать мне лишь самые смутные объяснения, я же исключаю их из своей системы. Будем говорить только об естественных причинах этого движения. Ведь вам, картезианцам,⁴⁶ приходится прибегать к предположению о разумных существах, движущих ваши сферы и управляю-

щих имп. Но я, не нарушая покоя верховного существа, который, без сомнения, создал природу совершенной и по мудрости своей завершил ее создание так, что, сделав ее совершенной для одной цели, он не мог ее оставить не совершенной для другой, я, повторяю, нахожу в самой земле те силы, которые заставляют ее вращаться! Потому я говорю, что солнечные лучи и исходящее из них действие, ударяя по земле, заставляют ее вращаться, как мы заставляем вращаться шар, ударяя его рукой; точно так же испарения, постоянно поднимающиеся из недр земли с той ее стороны, на которую светит солнце, задержанные холодным воздухом среднего пояса и отраженные от него, падают на нее обратно и имея возможность ударить ее только вкось, по необходимости заставляют ее вращаться вокруг самой себя. Объяснение остальных двух движений еще менее сложно. Вдумайтесь, пожалуйста...» На этих словах вице-король меня остановил: «Я предпочитаю, сказал он, освободить вас от этого труда; я кстати читал об этом предмете несколько книг Гассенди,⁴⁷ зато вы должны выслушать, что мне ответил однажды один из наших отцов, поддерживающий вашу точку зрения: «Действительно, говорил он, я представляю себе, что земля может вращаться, однако, не по тем причинам, которые приводит Коперник, а потому что огонь ада заключен в центре земли, как нас учит об этом священное писание, и души осужденных на вечные мучения, спасаясь от страшного пламени, карабкаются вверх, удаляясь от него в направлении против земного свода, и таким образом

заставляют землю вращаться, подобно тому как собака, когда бежит, заставляет вращаться колесо, на нее надетое».

Мы стали расхваливать рвение почетного священника, а, окончив свой панегирик, господин де Монманны сказал, что его очень удивляет, почему же система Птолемея, столь мало правдоподобная, была так распространена. «Большинство людей, отвечал я, которые судят только на основании своих чувств, поверили свидетельству своих глаз, и подобно тому, как тот, кто, сидя на корабле, плывущем вдоль берега, думает, что он сам неподвижен, а движется берег, точно так же и люди, вращаясь вместе с землей вокруг неба, думали, что само небо вращается вокруг них. Присовокупите к этому еще всю невыносимую гордость человека, который убежден, что природа создана лишь для него, как будто есть сколько-нибудь вероятия в том, что солнце, огромное тело, в четыреста тридцать четыре раза больше земли, было зажжено для того, чтобы созрел его кизил и кочанилась капуста. Что касается до меня, то я далек от того, чтобы сочувствовать дерзким мыслям, и думаю, что планеты—это миры, окружающие солнце, а неподвижные звезды—точно такие же солнца, как наше, что они также окружены своими планетами, т. е. маленькими мирами, которых мы отсюда не видим в виду их малой величины и потому что их отраженный свет до нас не доходит. Ибо, как же по совести представить себе, что все эти огромные шаровидные тела—пустыни, и что только наша планета, потому что мы по ней ползаем, была сотворена для дюжины

высокомерных плутов. Неужели же, если мы по солнцу исчисляем дни и года, это значит, что солнце было сотворено для того, чтобы мы в темноте не стучались лбами об стену. Нет, нет! Если этот видимый бог и светит человеку, то только случайно, как факел короля случайно светит проходящему по улице вору».

«Но, возразил он, если, как вы утверждаете, неподвижные звезды, это те же солнца, и сколько на небе неподвижных звезд, столько и солнц, из этого можно вывести заключение, что мир бесконечен, ибо с достаточной вероятностью можно предположить, что обитатели миров, окружающих неподвижную звезду, которую вы принимаете за солнце, откроют над собой другие неподвижные звезды, недоступные отсюда нашему взору, — и так до бесконечности.

«В этом нет никакого сомнения, отвечал я; подобно тому, как бог создал бессмертную душу, он мог создать и бесконечный мир, если правда, что вечность не что иное, как беспредельное время, а бесконечность — безграничное пространство. Кроме того если предположить, что мир не бесконечен, нужно предположить, что и бог конечен, ибо он не может быть там, где ничего нет, и не может увеличить обширность мира, не прибавив и к собственной пространственности, начиная быть там, где его до сих пор не было. Поэтому нужно думать, что подобно тому, как мы отсюда видим Юпитера и Сатурна,⁴⁸ точно так же, как находясь на той или другой планете, мы открыли бы множество миров, которых отсюда не видим, и что именно так и построена вселенная до бесконечности.

«По чести! возразил он, что бы вы ни говорили, я совершенно не способен понять, что такое бесконечность. — «А скажите мне, отвечая, понимаете ли вы, что представляет из себя ничто, находящееся за пределами этого мира? Вовсе не понимаете, ибо когда вы думаете об этом, то это ничто всетаки представляете себе по меньшей мере в виде ветра или воздуха, а это уже есть нечто. Но если вы не можете обнять бесконечность в целом, вы можете представить ее себе по частям, ибо не трудно вообразить себе землю, огонь, воду, воздух, звезды, небеса; бесконечность же — это не что иное, как беспредельная ткань всего этого. Если вы меня спросите, каким образом были сотворены все эти миры, ибо священное писание говорит только об одном мире, созданном богом, я вам отвечу, что оно говорит только об нашем мире, потому что это единственный из миров; который бог взял на себя труд сотворить собственной рукой, все же остальные миры, развешанные по лазури вселенной, как те, которые мы видим, так и те, которых не видим, это только пена, выбрасываемая светилами, которые себя очищают. Действительно, как бы могли существовать эти огромные источники огня, если бы они каким-то образом не были связаны с той материей, которая их питает. И точно так же, как огонь гонит далеко от себя золу, которая бы его заглушила, как золото, расплавленное в горниле, отделяется, очищаясь от колчедана, уменьшающего его вес, как сердце освобождается при помощи рвоты от несваримых материй, давящих его, — так и солнце каждый день выбрасывает из себя остатки

материи, питающей его пламя, и очищается от нее. Но когда вся эта материя, которая его поддерживает, сгорит до конца, не сомневайтесь, что оно разольется во все стороны, будет искать новой пищи и бросится на все миры, им же некогда созданные, особенно на те, которые к нему всего ближе, и тогда этот великий огонь смешает и расплавит все эти тела, а затем разгонит их во все стороны, как и раньше; постепенно очистившись, он таким образом опять будет служить солнцем этим маленьким мирам, которые он породил, вытаскивая их вон из своей сферы. Вероятно, это и вызвало предсказание пифагорейцев о всемирном пожаре, что вовсе не есть забавная выдумка, и Новая Франция, в которой мы находимся, доставляет нам весьма убедительное тому доказательство. Ведь Америка, этот обширный материк, представляет из себя половину всей суши, однако, он долго не был открыт нашими путешественниками, хотя они тысячу раз переплывали через океан, и неудивительно, ибо его еще не существовало, точно так же, как не существовало многих островов, полуостровов и гор, которые появились на нашем земном шаре, когда солнце, очищая себя от ржавчины, отбросило ее далеко от себя; сгустившись в тяжелые, плотные клубки, она была притянута к центру нашего мира, может быть, постепенно мелкими частями, а может быть, сразу целой массой. Эта мысль вовсе не так безрассудна, и святой Августин,⁴⁹ наверное, одобрил бы ее, если бы открытие Америки произошло при нем, ибо этот великий человек, ум которого был просвещен святым духом, утверждает, что в его время земля была

плоская, как кухонная плита, и что она плавала над водой, как апельсин, разрезанный пополам. Но если я когда-либо буду иметь честь видеть вас во Франции и доставлю вам возможность наблюдать небо через превосходную трубу, вы увидите, что некоторые темные места, которые отсюда кажутся пятнами — это целые миры, еще строящиеся».

Мои глаза совершенно смыкались, когда я кончал эту речь, и это заставило господина де Монмани со мной проститься. Как на другой день, так и в следующие, мы продолжали вести разговоры на ту же тему, но вскоре затруднения, осложнившие управление провинцией, отразились и на наших философских беседах, и я все более и более стал задумываться над тем, как бы мне подняться на луну. Как только она восходила, я отправлялся в лес и там принимался мечтать о своем предприятии, и о том, как бы довести его до благополучного конца; наконец вечером, накануне Иванова дня, в то самое время, когда в форте шел совет и разрешался вопрос о том, следует ли оказать помощь дикарям против Ирокезов,⁵⁰ я ушел один на склон небольшой горы, поднимавшейся за нашим домом, и вот как я осуществил свое намерение. Уже раньше я соорудил машину, которая, как я рассчитывал, могла поднять меня на какую угодно высоту; думая, что в ней уже есть все необходимое, я в нее уселся и сверху скалы пустился на воздух. Однако, я очевидно, не принял всех нужных мер предосторожности, так как я тяжело свалился в долину. Хотя я и был очень помят от падения, однако, я не потерял

мужества, вернулся в свою комнату, достал мозг из бычачьих костей, натер им все тело, ибо я был разбит от головы до ног. Подкрепив свое сердце бутылкой целебной настойки, я отправился на поиски своей машины, но не нашел ее, так как кучка солдат, которых послали в лес нарезать сучьев для праздничных костров,⁵¹ случайно набрела на нее и принесла ее в форт. Долго рассуждали они о том, что бы это могло быть, наконец напали на изобретенную мною пружину; тогда стали говорить, что нужно привязать к машине как можно больше летучих ракет; благодаря быстроте своего полета, они унесут ее очень высоко; одновременно с этим под действием пружины начнут махать большие крылья машины и не найдется ни одного человека, кто бы не принял ее за огненного дракона.

Долго я не мог найти ее, наконец разыскал посреди площади Квебека, в ту минуту, когда собирались ее зажечь. Увидя, что дело моих рук в опасности, я пришел в такое отчаяние, что побежал и схватил за руку солдата в ту минуту, когда он подносил к ней зажженный фитиль; я вырвал фитиль из его рук и бросился к своей машине, чтобы уничтожить горючий состав, который ее окружал; но было уже поздно и, едва я вступил на нее ногами, как вдруг я почувствовал, что поднимаюсь на облака. Ужас, овладевший мной, однако, не настолько отразился на моих душевных способностях, чтобы я забыл все то, что случилось со мной в эту минуту. Знайте же, что ракеты были расположены в шесть рядов по шести ракет в каждом ряду и укреплены крючками, сдерживаю-

Автор летит на луну.

(Из издания 1710 года).

щими каждую полдюжину, и пламя, поглотив один ряд ракет, перебрасывалось на следующий ряд и затем еще на следующий, так что воспламеняющаяся селитра удаляла опасность в то самое время, как усиливала огонь. Материал, наконец, был весь поглощен пламенем, горючий состав иссяк и когда я стал уже думать только о том, как сложить голову на вершине какой-нибудь горы, я почувствовал, что хотя сам я совсем не двигаюсь, однако, я продолжаю подниматься, а что машина моя со мной растается, падает на землю.

Это невероятное происшествие исполнило мое сердце такой необычайной радостью и я был так счастлив, что избежал верной гибели, что я имел наглость начать по этому поводу философствовать. Итак в то время как я искал глазами и обдумывал головой, что же могло быть причиной всего этого, я увидел свое опухшее тело еще жирное от того бычачьего мозга, которым я натер себя, чтобы залечить раны, полученные при падении; я понял тогда, что Луна на ущербе (а в этой четверти она имеет обыкновение высасывать мозг из костей животных) — что она пьет тот мозг, которым я натерся и с тем большей силой, чем больше я к ней приближаюсь, причем положение облаков, отделяющих меня от нее, несколько не ослабляло этой силы.

Когда, по расчету, сделанному мною много времени спустя, я пролетел три четверти расстояния, отделяющего землю от луны, я почувствовал, что падаю ногами кверху, хотя я ни разу не кувыркнулся; я бы даже не заметил такого сво-

его положения, если бы почувствовал на голове своей тяжесть своего тела. Правда, я скоро сообразил, что не падаю на нашу землю, ибо хотя я находился между двумя лунами, я ясно понимал, что удаляюсь от одной по мере приближения к другой; я был уверен, что самая большая из этих лун земной шар, ибо после дня или двух такого путешествия она стала представляться мне лишь большой золотой бляхой как и другая луна, вследствие того, что отдаленное отражение солнечных лучей совершенно сгладило все различие поясов земли и контуров тел. Ввиду этого я предположил, что спускаюсь к луне и утвердился в этом предположении, когда вспомнил, что начал падать собственно только после того, как пролетел три четверти пути. Ведь эта масса, говорил я сам себе, меньше чем масса нашей земли, поэтому сфера ее воздействия тоже должна охватывать меньшее пространство, вследствие чего я позднее почувствовал на себе силу ее притяжения.

Я очевидно очень долго падал, о чем могу только догадываться, так как быстрота падения мешала мне что-либо замечать, и самое первое, что я могу вспомнить, это то, что я очутился под деревом, запутавшись в трех или четырех толстых ветках, которые треснули под ударом моего падения, и что лицо мое было мокро от расплющенного на нем яблока.

К счастью это место было, как вы вскоре узнаете, земным раем,⁵² а дерево, на которое я упал, оказалось деревом жизни.⁵³ Итак, вы понимаете, что не будь этого счастливого случая, я бы был тысячу раз убит. Часто впоследствии

я думал о распространенном в народе представлении, будто, бросаясь с очень высокого места, человек умирает от удушения прежде чем коснется земли; из случившегося со мной происшествия я заключил, что это ложь, или же, что живительный сок плода, который потек мне в рот, вернул в тело мою душу, так как она еще не была далеко от него, и оно не успело еще остыть и отвыкнуть от своих жизненных функций. Действительно, как только я очутился на земле, всякая боль у меня прошла даже раньше того, чем она исчезла из моей памяти, а о голоде, от которого я раньше сильно страдал, я вспомнил только потому, что перестал ощущать его. Когда я поднялся, я едва успел рассмотреть самую широкую из четырех больших рек, которые, сливаясь, образовывали озеро, как мое обоняние исполнилось самым сладостным ароматом от разлитого по этой местности благоухания незримой души трав. Я узнал также, что подорожный камень здесь неровен и тверд лишь на вид и становится мягким под шагами.

Прежде всего я увидел перекресток, где скрещивалось пять великолепных аллей, обсаженных деревьями, которые по своей необычайной высоте, казалось, поднимались до самого неба в виде высокоствольного леса. Оглядывая их от корня до самых верхушек и еще раз спускаясь взором от верхушек до подножья, я усомнился в том, несет ли их земля или сами они несут землю, прицепившуюся к их корням; их гордые вершины, казалось, тоже гнулись под тяжестью небесных сводов, бремя которых они несли лишь с тяжелыми стонами. Их ветви,

распростерты к небесам, казалось, обнимали их, моля светила небесные осенить их благосклонным и очищающим своим воздействием, и о том, чтобы воспринять его еще чистым и не утратившим своей девственности от смешения с земными элементами. Здесь со всех сторон цветы, единственный садовник которых, природа, издают сладостный, хотя и дикий аромат, который возбуждает и радует обоняние. Тут алый цветок шиповника, лазоревая фиалка, растущая под терновником, не оставляют свободы для выбора и одна вам кажется прекраснее другой; здесь весна не сменяется другими временами года, здесь не вырастает ядовитое растение, а если оно и появляется, то сейчас же погибает; здесь ручьи веселым журчаньем рассказывают камням о своих путешествиях; здесь тысячи пернатых певцов наполняют лес звуком своих мелодичных песен; сборище этих трепещущих божественных музыкантов так велико, что кажется, будто каждый лист этого леса превратился в соловья. Эхо так восхищается их мелодиями, что, слушая, как оно их повторяет, кажется, будто оно само хочет их выучить. Рядом с этим лесом видны две поляны, их сплошная веселая зелень кажется изумрудом, которому нет конца. Весна, рассыпая разнообразные краски по сотням мелких цветочков, смешивает их с восхитительной небрежностью и оттенки их перебрасывает с одного цветка на другой; и не знаешь, друг от друга ли бегут эти цветы, волнуемые летним зephyром, или же они убегают от него, чтобы спастись от шаловливых его ласк. Этот дуг можно было бы

даже принять за океан, ибо он безбрежен, как море, и мой взор, испуганный тем, что забежал так далеко и не увидел края, поспешил послать туда мою мысль; мысль же моя, сомневаясь в том, что это конец мира, хотела убедить себя, что красота этих мест быть может заставила небо соединиться с землей. Среди этого великолепного и обширного цветочного ковра серебряной струей пробивается ключ; трава, окаймляющая его, пестрит кувшинками, лютиками, фиалками и сотней других мелких цветов; они теснятся к воде, будто каждый из них спешит полюбоваться на свое отражение. Но ручей еще в колыбели; он только что родился и на его юном и гладком лице нет ни одной морщинки. Большие изгибы, которые он делает, по тысячу раз возвращаясь к месту своего рождения, показывают, что он очень неохотно покидает свою родину, и как бы устыдившись того, что его ласкают в присутствии матери, он журча отталкивает мою руку, которая хочет к нему прикоснуться. Животные, подходившие к ручью, чтобы утолить свою жажду, более разумные, чем животные нашей земли, выражали свое удивление тому, что с неба льется свет, между тем как они видят солнце в ручье; они не решаются склониться к краю воды из опасения упасть на небо.

Я должен вам признаться, что при виде стольких красот я ощутил то приятное и болезненное чувство, которое, говорят, испытывает эмбрион в ту минуту, когда вливается в него душа. Старые волосы упали с меня и уступили место другим, более густым и более

мягким. Я почувствовал, как загорелась во мне молодая кровь, мое лицо покрылось румянцем, моя естественная теплота незаметно и гармонически проникла все мое существо, одним словом я оказался помолодевшим на четырнадцать лет.

Я прошел приблизительно с пол-мили в лесу жасминов и мирт, когда заметил, что в тени что-то зашевелилось. Это был юноша, величественная красота которого заставила меня с благоговением пасть перед ним на колени. Он встал, чтобы помешать этому. «Не мне, сказал он, а богу ты должен поклоняться». — «Вы видите человека, сказал я, потрясенного этими чудесами настолько, что он не знает, что он должен прежде всего восхищаться, ибо, прибыв сюда из мира, который вы здесь, без сомнения, считаете луной, я предполагал, что попал в тот мир, которого мои соотечественники с своей стороны точно также называют луной; а между тем я очутился в раю, у ног божества, которое не хочет, чтобы ему поклонялись». — «Вы совершенно правы, за исключением того звания бога, которое вы мне приписываете, отвечал он, между тем я только его тварь, но эта земля действительно есть луна, которую вы видите с земного шара, а место, где вы сейчас находитесь, это земной рай, куда никто никогда не проникал за исключением шести человек, Адама, Евы, Эноха,⁵⁴ меня — я старый Илия,⁵⁵ — евангелиста Иоанна⁵⁶ и вас. Вам хорошо известно, как двое первых были отсюда изгнаны, но вы не знаете как они попали в ваш мир. Так знайте же, что после того, как они оба вкусили

запретного плода, Адам, боясь, что бог, гневаясь на его присутствие, усилит его наказание, стал думать о том, что луна, т. е. ваша земля, единственное убежище, где он может укрыться от преследований своего творца. В то время воображение человека, еще не развращенное ни распутством, ни грубой пищей, ни болезнями, было так сильно, что страстного, возгоревшегося в Адаме желания скрыться в этом убежище было достаточно для того, чтобы он был туда вознесен, тем более, что тело его, охваченное пламенем энтузиазма, сделалось совершенно легким; ведь мы имеем примеры того, как некоторые философы, воображение которых было напряженно направлено на одну мысль, были восхищены на небо в том состоянии, которое вы называете экстазом. Ева, которая по немощи, свойственной ее полу, была слабой и менее пламенной, вероятно не имела бы достаточно силы воображения, чтобы напряжением воли побороть тяжесть материи. Но так как прошло очень мало времени с тех пор, как она вышла из ребра своего мужа, симпатия, которая еще связывала эту часть с ее целым, увлекала и ее за ним, по мере того как он поднимался, точно так же как за янтареи тянется соломенка, как магнитная стрелка поворачивается к северу, откуда она была оторвана. Так и Адам притянул к себе эту часть самого себя подобно тому, как море притягивает к себе реки, которые из него же вышли. Прибыв на вашу землю, они поселились в местности между Месопотамией и Аравией. Евреи знали его под именем Адама, язычники под именем Прометей. О Прометее поэты

создали басню, будто он похитил огонь с неба, они при этом имели ввиду его потомков, которых он наделил душой столь же совершенной, какой была его собственная душа, данная ему богом. Итак, ради того чтобы обитать в вашей земле, первый человек оставил эту землю безлюдной. Но премудрый не захотел, чтобы такая прекрасная местность оставалась необитаемой: несколько веков спустя он допустил, чтобы Энох, наскучив обществом людей, которые стали развращаться, захотел их покинуть. Однако, одно только убежище казалось этому святому человеку могло спасти его от честолюбия его родичей, перерезывавших друг другу горло ради того, чтобы разделить между собою вашу землю — это убежище и была та благодатная страна, о которой ему так много рассказывал его предок, Адам. Однако, как туда подняться? Лестница Иакова⁵⁷ в то время еще не была изобретена. Но благодать всевышнего осенила его, и он обратил внимание на то, как небесный огонь нисходит на жертвоприношения праведных и тех, кто угоден господу, согласно слов из его уст: благоухание жертвы праведника дошло до меня. Однажды, когда это божественное пламя с ожесточением пожирало жертву, приносимую предвечному, он наполнил поднимавшимся от огня дымом два больших сосуда, которые герметически закупорил, замазал и привязал себе под мышки. Тогда пар, устремляясь кверху, но не имея возможности проникнуть сквозь металл, стал поднимать сосуды вверх и вместе с ними поднял этого святого человека. Когда он таким образом долетел до луны и оки-

нул взором этот чудный сад, наплыв радости, почти сверхъестественный, подсказал ему, что это то самое место, где когда-то жил его праотец. Он быстро отвязал сосуды, привязанные к его плечам на подобие крыльев, и сделал это так удачно, что как только он приблизился к луне на расстояние четырех саженей, он расстался со своими поплавками. Расстояние это, однако, было еще настолько велико, что при падении он мог бы сильно пострадать, но его спасла его широкая одежда, в которую врывался ветер, раздувая ее, а также сила его пламенной любви. Что касается его сосудов, то они поднимались все выше и выше, пока бог не вправил их в небо. И теперь они все еще там и составляют то, что называется созвездием весов;⁵⁸ каждый день мы ощущаем наполняющее их до сих пор благоухание от жертвы, принесенной праведником, и испытываем то благоприятное воздействие, которое они оказали на гороскоп⁵⁹ Людовика Справедливого,⁶⁰ родившегося под знаком их.

«Энох, однако, не сразу попал в этот сад, а только некоторое время спустя. Это было во время потопа, когда ваша земля исчезла под водами и сами воды поднялись на такую страшную высоту, что ковчег плыл в небесах на одном уровне с луной. Обитатели ковчега увидели ее через окно, но не узнали ее и подумали, что это маленький участок земли, почему-то не затопленный водой; это случилось потому, что солнечный свет, отраженный от этого огромного не прозрачного тела, казался им очень слабым ввиду близости ковчега к луне и ввиду того, что сам ковчег попал в сферу этого отра-

женного света. Только одна из дочерей Ноя, по имени Ахав,⁶¹ с криком и визгом настаивала на том, что это несомненно луна. Она вероятно заметила, как ковчег приближался к этому светилу по мере того, как поднимался на водах. Сколько ей ни доказывали, что, когда бросили якорь, в воде оказалось лишь пятнадцать локтей глубины, она все стояла на своем и отвечала, что якорь очевидно попал на хребет кита, которого и приняли за землю, она же со своей стороны совершенно убеждена, что они пристают именно к самой луне. Наконец, так как всякий соглашается с мнением себе подобных, все остальные женщины убедили друг друга в том же. И вот они, не обращая внимания на запрещение мужчин, спустили в море лодку. Ахав, как самая смелая из них, захотела первая испытать опасность. Она весело бросилась в лодку и к ней присоединились бы все остальные женщины, если бы поднявшаяся волна не отделила лодки от ковчега. Сколько ни кричали ей вслед, сколько ни обзывали ее лунатиком, сколько ни уверяли, что по ее вине всех женщин обвинят в том, что у них в голове четверть месяца, она только смеялась в ответ на все это. И вот она поплыла вон из мира. Звери последовали ее примеру и большинство птиц, с нетерпением переносивших первое заключение, ограничившее их свободу, и почувствовавших в своих крыльях достаточно силы, чтобы отважиться на это путешествие, вылетели вон и долетели до суши. Даже некоторые четвероногие животные, из самых храбрых, бросились вплавь. Их вышло около тысячи, прежде чем

сыновьям Ноя удалось закрыть двери хлевов и стойл, которые открыли настежь вырывавшиеся оттуда звери. Большинство из них доплыло до этого нового света. Что касается лодки, то она пристала к живописному холму; здесь вышла из нее прекрасная Ахав; узнав, что эта земля была действительно луной, она очень обрадовалась и не захотела возвратиться к своим братьям. Она поселилась в пещере, где и прожила некоторое время. Однажды, гуляя и раздумывая о том, жаль ли ей, что она потеряла общество своих, или же напротив рада этому, она вдруг увидела человека, сбивавшего жолуди. Восторг, вызванный этой встречей, заставил ее броситься к нему в объятия. Он также радостно стал ее обнимать, ибо прошло еще гораздо больше времени с тех пор, как он не видел человеческого лица. Это был Энох праведный. Они стали жить вместе, нажили потомство, и если бы не безбожный нрав его детей и не гордость его жены, которые заставили его удалиться в лес, они могли бы вместе закончить свои дни в том сладостном спокойствии и счастии, которые бог посылает супружеству праведников. Там каждый день, в самых диких и уединенных местах этих страшных пустынь, почтенный старец, очистившись духом, приносил в жертву богу свое сердце. Но вот однажды, с древа познания,⁶² которое, как вы знаете, находится в этом саду, упало яблоко и попало прямо в реку, на берегу которой оно растет. Унесенное волнами за пределы рая, оно доплыло до того места, где бедный Энох ловил рыбу, которой поддерживал свою жизнь. Чудный плод попал в сети, он его

стел; тотчас же он познал, где находится земной рай, и благодаря тайнам, которых вы не можете понять, не вкусив подобно ему плода от древа знания, он нашел рай и в нем поселился.

«Теперь я должен рассказать вам, каким образом я сюда попал; вы, я думаю, не забыли, что меня зовут Илия, как я вам уже говорил. Знайте же, что я находился в вашем мире и обитал на берегах Иордана с Елисеем, таким же евреем, как и я сам.⁶³ Там среди книг, я вел жизнь достаточно приятную, чтобы о ней не жалеть, хотя она быстро протекала. Однако, с увеличением моих знаний, все больше возрастало во мне сознание того, как мало я действительно знаю. Никогда наши священники не напоминали мне о знаменитом Адаме без того, чтобы воспоминание о том совершенном знании, которым он обладал, не вызывало во мне вздохов. Я уже совершенно отчаивался в возможности получить это знание, когда однажды, после того, как я совершил жертвоприношение в искупление немощей своего бренного существа, я заснул и ангел господень явился мне во сне; проснувшись, я тотчас же принялся за выполнение того, что он мне предписал. Я взял магнит, размером приблизительно в два квадратных фута, и положил его в горнило; когда он совершенно очистился от всякой примеси, осел и растворился, я извлек из него притягивающее вещество, раскалил всю эту массу и превратил в шар среднего размера.

«В дальнейшем ходе приготовлений я соорудил очень легкую железную колесницу, и

несколько месяцев спустя, когда все было готово, я сел в эту искусно придуманную повозку. Вы может быть спросите меня, для чего нужен был весь этот сложный снаряд. Так знайте же, что мне поведал ангел во время моего сна; он сказал, что если я хочу приобрести то совершенное знание, к которому стремился, я должен подняться в мир луны, где, в раю Адама, я найду древо знания и что как только я вкушу его плода, тотчас же моя душа просветится всеми теми истинами, которое способно вместить человеческое существо. Так вот для какого путешествия я соорудил свою колесницу. Наконец я вошел в нее, и когда я прочно уселся и утвердился на сиденьи, я бросил очень высоко в воздух свой магнитный шар. Тотчас же поднялась и железная машина, которую я нарочно в середине построил более тяжелой, чем по краям; она поднималась в полном равновесии, так как подталкивалась именно этой своей более тяжелой средней частью. Таким образом по мере того, как я долетал до того места, куда меня притягивал магнит, я тотчас же подхватывал магнитный шар и рукой гнал его вверх вперед себя».

«Но как же, прервал я его, удавалось вам бросать ваш шар настолько прямо над вашей колесницей, что никогда она не уклонялась в сторону?»—«Я не вижу в этом ничего удивительного, ведь магнитный шар, подброшенный на воздух, притягивал к себе железо по прямой линии, вследствие чего колесница не могла уклониться в сторону. Скажу вам более: даже в то время, когда я держал свой шар

в руке, я все-таки продолжал подниматься, так как колесница не переставала тянуться к магниту, который я держал над ней. Но толчки железных частей по направлению к моему шару были так сильны, что заставляли мое тело гнуться в три погибели, так что я уже не решился еще раз повторить этот опыт. Я должен сказать, что зрелище было необыкновенное: сталь этого летучего дома, которую я отшлифовал самым тщательным образом, отражала со всех сторон солнечный свет так ярко и резко, что мне самому казалось, что я возношусь в огненной колеснице. Наконец, после того, как я долго подбрасывал свой шар и продолжал лететь за ним, я, так же как и вы, долетел до такого места, с которого я начал падать на эту землю; но так как в эту минуту я крепко сжимал в руках свой шар, то моя колесница, сиденье которой, притянутое магнитом, давило меня, никак не могла от меня отделиться. Мне грозила опасность сломать себе шею; чтобы избавиться от нее, я стал от времени до времени подбрасывать свой шар с тем, чтобы замедлить движение машины и таким образом ослабить удар при падении. Наконец, когда я увидел себя на расстоянии двух или трех сажень от земли, я стал бросать шар во все стороны, то туда, то сюда, но так, чтобы он все время оставался на одном уровне с остовом колесницы, и продолжал это делать до тех пор, пока перед моими глазами не открылся земной рай. Тогда я сейчас же толкнул шар в этом направлении, моя машина полетела за шаром, а я начал падать и падать до тех пор, пока подо мной не ока-

зался песок; тогда я подбросил шар приблизительно на расстояние фута над своей головой; это значительно смягчило удар, так что при моем падении он был не сильнее того, как если бы я, стоя на земле, упал во весь рост. Не стану вам описывать удивления, охватившего меня при виде всех окружавших меня чудес, ибо оно было таково, как и то, которое, только что, как я видел, поразило и вас. Узнайте одно: на другой же день я нашел древо жизни, плоды которого сохраняют меня юным; змей был вскоре поглощен и должен был выйти вон в виде пара».

На этих словах я перебил его и спросил: «Почтенный и святой патриарх, я очень желал бы знать, что вы разумеете под этим змеем, который был поглощен?» С улыбкой он отвечал мне так: «Я забыл, о мой сын, открыть вам одну тайну, которая не могла быть вам известна. Так знайте же, что после того, как Ева и ее муж вкусили от запретного плода, бог, чтобы наказать змея, искусившего их, загнал его в тело человека. С тех пор не родилось ни одного человеческого существа, которое, в возмездие за грех, совершенный его предками, не питало бы в своем чреве змея, рожденного от этого первого змея. Вы называете это кишками и считаете их необходимыми для отправления жизненных функций. Но знайте же, что это не что иное, как змей, сложенный несколько раз двойными петлями. Когда вы слышите различные звуки в ваших кишках, знайте, что это шипение змея, по обжорливости своего нрава некогда побудившего первого человека объестся, точно

также он и теперь требует для себя пищи. Ибо бог, который хотел наказать вас тем, что сделал вас смертными, как и остальных животных, сделал вас в то же время одержимыми этими ненасытными животными, так что если вы будете кормить его слишком обильно, вы задохнетесь, если будете отказывать ему в пище, когда он голодный своими невидимыми зубами кусает вас за желудок, он станет кричать, бушевать, извергать из себя тот яд, который ваши доктора называют желчью, и так воспалит вас ядом, который прольет в ваши жилы, что вы скоро истлеете. Наконец, чтобы вы могли убедиться в том, что ваши кишки—это действительно змей, который живет в вашем теле, вспомните, что змея находили в гробницах Эскулапа,⁶⁴ Сципиона,⁶⁵ Александра,⁶⁶ Карла Мартелла⁶⁷ и Эдуарда, короля Англии,⁶⁹ и что эти змеи питались телом своих хозяев».

«Действительно, прервал я его, я заметил, что этот змей всегда старается вырваться из тела человека и потому видно, как его голова и тело вылезают из тела в нижней части живота. Но бог не захотел допустить, чтобы змей мучил одного только мужчину, он допустил, чтобы он ожесточился и на женщину и чтобы он бросал в нее свой яд, так что опухоль держится целых девять месяцев после укуса. И чтобы показать вам, что мои слова согласны с словом божьим, я вам напомним, как бог говорил змею, проклиная его, что сколько бы он ни заставлял женщину спотыкаться, идя против нее, она все же к концу концов заставит его склонить голову»... Я хотел продолжать эту чепуху, но Илия оста-

повил меня: «Подумайте о том, сказал он, что это место священо». Он немного помолчал, как бы для того, чтобы вспомнить, па чем он остановился, и затем продолжал:

«Я вкушаю плода от дерева жизни только раз в сто лет. Его сок по вкусу несколько напоминает винный спирт. Я думаю, что это яблоко, которое ел Адам, было причиной долгой жизни наших праотцев, ибо в их семя проникла часть его силы, которая затем исчезла в водах потопа. Дерево знания растет против него. Его плод покрыт кожей, которая вызывает неведение во всяком, вкусившем ее; под толщей этой кожицы сохраняются, однако, все духовные свойства этого ученого кушанья. Некогда бог, изгнав Адама из этой блаженной местности, боясь, чтобы он не нашел опять дорогу, ведущую сюда, натер ему десны этой кожей. С тех пор и в течение более пятнадцати лет, он заговаривался и до такой степени все забыл, что ни он, ни его потомки до самого Моисея ⁶⁹ даже и не вспомнили о сотворении мира. Но остатки свойств, присущих этой толстой коже, окончательно рассеялись благодаря пылу и ясности ума великого пророка. Мне к счастью попало одно из тех яблок, которые совершенно спели и потеряли свою кожу, и едва моя слюна смочила его, как тотчас же всемирное знание ударило меня прямо в нос: мне показалось, что бесконечное количество мелких глазков открылось в моей голове, и я познал, как говорить с богом. Когда, впоследствии, я стал обдумывать чудесное свое вознесение, я хорошо понял, что не

мог бы обойти бдительности серафима, поставленного богом у врат рая, чтобы охранять его, если бы я пользовался одними скрытыми силами материи; мне это удалось потому, что бог любит иногда действовать косвенными путями. Я думаю, что он внушил мне этот способ проникнуть в рай; точно так же, как он захотел воспользоваться ребрами Адама, чтобы создать жену ему, хотя он мог точно также сотворить ее из земли, как и его.

«Долго я гулял по этому саду, не имея никакого общества. Но, наконец, так как ангел при вратах сада был мой главный хозяин, мне пришло желание приветствовать его. После часа пути я дошел до цели своего путешествия, ибо по истечении этого времени я пришел к такому месту, где тысяча молний, сливаясь в одну, давали такой ослепительный свет, что при нем можно было даже видеть тьму. Я еще не совсем оправился от этого происшествия, когда передо мной предстал прекрасный юноша. «Я, сказал он, тот архангел,⁷⁰ которого ты ищешь. Я только что прочел мысль бога, что он внушил тебе средства попасть сюда и что он хочет, чтобы ты здесь ожидал дальнейшую его волю». Мы с ним беседовали о многих предметах и между прочим он сказал мне, что тот свет, который повидимому испугал меня, вовсе не страшен; что он загорается почти каждый день во время вечернего обхода ангела и вследствие того, что, во избежание неожиданных выходов со стороны колдунов, которые всюду проникают, ему приходится фехтовать своим огненным мечем и этот свет и есть молния,

вызванная игрой его стали. «Те молнии, которые вы видите из вашего света, вызываю я. Если иногда они кажутся вам очень отдаленными, это потому, что далекие облака, в которых они отражаются, отбрасывают к вам эти легкие огненные образы, точно так же, как облака, иначе расположенные, могут создать радугу. Я не буду просвещать вас дальше, тем более, что древо знания отсюда недалеко и когда вы съедите один из его плодов, вы будете так же учены, как и я. Но главное, бойтесь ошибаться: большинство плодов, висящих на этом дереве окружены такой коркой, что если вы ее попробуете, вы сойдете в состояние ниже уровня человека, тогда как, вкусив мякоть плода, вы подниметесь до высоты ангела».

На этом месте поучений серафима Илия остановился и (в это время) к нам подошел небольшого роста человек. «Это Энох, о котором я вам говорил», тихо сказал мой проводник. Едва он успел произнести эти слова, как Энох предложил нам корзину полную незнакомых мне плодов, похожих на гранаты, которые он впервые нашел в этот самый день в отдаленной рощице. Я положил несколько таких плодов в карман, по приказанию Илии, и тут Энох спросил его, кто я такой.

«Рассказ об этом приключении требует длинной беседы, отвечал мой проводник; сегодня вечером, когда мы удалимся на покой, он сам расскажет нам о чудесах и подробностях своего путешествия».

Когда он произносил эти слова, мы подходили к чему-то похожему на шалаш, построен-

ный из пальмовых ветвей, очень искусно переплетенных с ветками мирт и апельсиновых деревьев. Тут я увидел в маленьком чуланчике кучи пряжи, такой белой и тонкой, что ее можно было принять за самую душу снега. Я видел также разбросанные по разным местам пряжки, я спросил своего проводника, для чего они нужны. «Для того, чтобы прясть», отвечал он. Когда почтенный Энох хочет дать себе отдых от созерцания, он то расчесывает эту кудель, то крутит из нее нитку, то тклет полотно, которое идет на рубашки одиннадцати тысячам дев.⁷¹ Вы несомненно видели в вашем мире, как осенью, приблизительно во время посева, по воздуху летают какие-то белые нити. Крестьяне называют это «нитками богородицы». Это те очески, от которых Энох очищает лен, когда он его расчесывает».

Мы ненадолго остановились, чтобы проститься с Энохом, так как эта хижина была его кельей; нам пришлось его покинуть так скоро потому, что через каждые шесть часов он совершает свои молитвы и шесть часов уже прошло со времени совершения последней. По дороге я стал упрашивать Илию окончить историю вознесений на луну, которую он начал, и сказал ему, что он остановился, как мне помнилось, на святом евангелисте Иоанне.

«Если, сказал он, у вас не хватает терпения, подождать, пока плод от древа знания откроет вам все это лучше, чем я могу это сделать, я расскажу вам об этом. Так знайте же, что бог»!..

При этих словах не знаю, каким образом впутался сюда дьявол. Как бы то ни было, но

я не мог воздержаться от насмешек и прервал его: «Я вспоминаю, сказал я ему: богу как-то стало известно, что душа этого евангелиста настолько отрешилась от всего земного, что он удерживал ее в своем теле только тем, что крепко сжимал рот. Предвечная мудрость чрезвычайно была удивлена таким неожиданным случаем. «Увы, воскликнула она, он не должен вкушать смерти. Он предназначен к тому, чтобы во плоти быть вознесенным в земной рай! И однако час, когда по моему предвидению он должен был вознестись, почти уже прошел. Боже правый! Что скажут обо мне люди, когда узнают, что я ошибалась!» Итак в нерешительности предвечный был принужден, чтобы исправить свою ошибку, сразу его туда доставить, не имея времени заставить его потихоньку туда перебраться».

Во время всей этой речи Илия смотрел на меня глазами, которые, казалось, были способны меня убить, если бы я мог умереть от чего-либо другого, кроме голода. «Отвратительное существо, воскликнул он, отодвигаясь от меня, ты имеешь наглость глумиться над священными вещами! Получил бы ты наказание поделом, если бы премудрый не захотел оставить тебя назидательным примером своего милосердия перед людьми. Вон безбожник, вон отсюда! Пойди и объяви как в нашем маленьком мире, так и в другом, ибо ты предназначен к тому, чтобы туда вернуться — какую непримиримую ненависть бог испытывает ко всем атеистам».

Он едва произнес это проклятие, как схватил меня и силой потащил к воротам. Когда мы

подошли к большому дереву, ветви которого, отягощенные плодами, склонялись чуть не до самой земли, он сказал: «вот древо знания, от которого ты бы мог почерпнуть непостижимые познания, если бы не был неверующим».

Только успел он это произнести, как я, делая вид, что мне дурно, с намерением упал на одну ветку, с которой ловко сорвал одно яблоко, один плод. Мне нужно было сделать еще только несколько шагов и я был бы за пределами этого восхитительного парка. Однако, мною до такой степени владел голод, что я забыл, что нахожусь во власти разгневанного пророка. Поэтому я вынул одно из яблок, которыми набил свой карман и впился в него зубами, но вместо того, чтобы взять одно из тех, которые мне подарил Энох, моя рука упала на плод, который я сорвал с древа знания и который я к несчастию не очистил от кожи. Я только что успел отведать от него, как густой мрак окутал мою душу, я уже не видел перед собой ни яблока, ни Илии и никак бы не мог отыскать следов той дороги, которая меня сюда привела.

Обдумывая впоследствии все это чудесное происшествие, я рассудил, что вероятно корка от плода, который я вкусил, потому не лишила меня окончательно разума, что мои зубы, прокусывая ее, в то же время слегка коснулись и мякоти, живительный сок которой ослабил зловерное действие кожицы.

Я был чрезвычайно удивлен, увидя, что я совсем один и в совершенно неизвестной мне стране. Сколько я ни озирался кругом,

сколько ни оглядывал окружавшую меня местность, я не видел ни одного живого существа, которое радовало бы взор. Наконец я решил идти вперед, до тех пор, пока судьба не пошлет мне на встречу какое-нибудь живое существо или же смерть.

Судьба действительно исполнила мое желание и, пройдя четверть мили, я увидел перед собой двух больших и сильных зверей. Один из них остановился передо мной, другой с необыкновенной легкостью убежал по направлению к своему жилищу, по крайней мере я так предположил, ибо некоторое время спустя он вернулся в сопровождении более чем семи или восьми сот подобных же зверей, которые и окружили меня. Когда я мог их разглядеть поближе, я увидел, что они похожи на нас как лицом, так и сложением и ростом. Это приключение напомнило мне слышанные мною в былые времена рассказы моей кормилицы о сиренах, фавнах и сатирах.⁷² От времени до времени эти звери издавали такое бешеное гиканье, вызванное вероятно моим видом, который приводил их в восхищение, что я сам чуть было не поверил что, превратился в чудовище. Наконец, одно из этих существ, полу-людей, полу-зверей, ухватило меня за шиворот, так, как волк хватает овцу, перекинуло меня себе за спину и понесло меня в их город, где я был еще более удивлен, ибо увидел, что эти звери действительно люди, но что ни один из них не ходит иначе, как на четырех ногах.

Когда я проходил мимо толпы этих людей и они увидели, как я мал ростом (большин-

ство из них имеют в длину более двенадцати локтей), а также и то, что мое тело поддерживается двумя только ногами, они не хотели верить, что я человек, ибо считали, что если природа одарила человека, как и зверя, двумя руками и двумя ногами, он должен пользоваться ими также, как делают это они. И действительно, раздумывая впоследствии по этому поводу, я пришел к заключению, что такое положение вовсе не так нелепо: я вспомнил, что ведь дети ходят на четвереньках, пока единственной наставницей их является природа, и что они становятся на две ноги только по наущению своих нянек, которые сажают их в колясочки и привязывают их ремнями, чтобы помешать им вновь упасть на четвереньки,—единственное собственно положение, при котором человеческое тело естественно отдыхает.

Оказывается, они говорили (мне это разъяснили уже впоследствии), что я несомненно самка маленького животного королевы. В качестве ли этого животного, или чего-либо другого, меня повели прямо в городскую ратушу, где я понял из общего говора и из жестов как народа, так и членов магистрата, что они совещаются о том, чем бы я мог быть. После того, как они долго обсуждали этот вопрос, некий гражданин, на котором лежала обязанность охранять редких зверей, стал упрашивать городских старшин сдать меня ему на хранение, пока королева не придет за мной, чтобы соединить меня с моим самцом. Этому не встретилось препятствий и фокусник принес меня к себе в дом, где научил меня изобра-

жать шута, кувыряться строить гримасы; в послеобеденное время он брал деньги за вход и показывал меня желающим.

Наконец небо, разгневавшись на то, что оскверняется храм его владыки, сжалилось надо мной и однажды, когда шарлатан, привязав меня к веревке, заставлял меня через нее прыгать для развлечения праздной толпы, я вдруг услышал голос человека, который погречески спросил меня, кто я такой. Я крайне удивился, услышав, что в этой стране говорят так же, как у нас. Он стал расспрашивать меня, я ему отвечал и затем в общих чертах рассказал ему начало и счастливый исход своего путешествия. Он принялся меня утешать и я помню, как он мне сказал: «Что делать, сын мой, вы расплачиваетесь за слабости людей вашего мира. Как там, так и здесь есть пошлая толпа, которая не терпит ничего такого, что для нее необычно. Знайте, что вам отплачивают той же монетой, и что если бы кто-нибудь из этой земли попал в вашу землю и посмел назвать себя человеком, ваши ученые задушили бы его как чудовище». Он затем обещал мне осведомить двор о моем несчастье; он прибавил, что как только он увидел меня, его сердце тотчас же подсказало ему, что я человек, ибо некогда он сам путешествовал по тому миру, откуда я явился; что моя земля это луна, что я гал, что он жил в Греции, где его называли Демоном Сократа;⁷³ что после смерти этого философа он жил в Фивах,⁷⁴ где обучал Эпиминонда⁷⁵ и воспитывал его; что потом, когда он перешел в Рим, чувство справедливости

заставило его примкнуть к партии младшего Катона;⁷⁶ что после его смерти он отдался Бруту,⁷⁷ но когда после смерти всех этих великих людей на свете осталось только воспоминание о их добродетелях, он вместе со своими товарищами удалился из мира и жил то в храмах, то в уединенных и пустынных местах. Наконец, добавил он, народ, населяющий вашу землю, так поглупел и так огрубел, что у меня и моих товарищей совершенно пропала охота обучать его чему бы то ни было. Вы не могли о нас не слышать, ибо нас называли оракулами, нимфами, гениями, феями, пенатами, лемурами, ларвами, вампирами, домовыми, наядами, инкубами, тенями, призраками и привидениями.⁷⁸ Мы покинули ваш мир в царствование Августа,⁷⁹ немного спустя после того, как я явился Друзу,⁸⁰ сыну Ливии,⁸¹ который вел войну в Германии и запретил ему двигаться дальше. Не так давно я во второй раз вернулся оттуда; лет сто тому назад мне было поручено туда съездить; я долго бродил по Европе и разговаривал с людьми, которых вы может быть знавали. Однажды, между прочим, в то время, как он занимался, я научил его множеству вещей; он обещал мне в награду засвидетельствовать перед потомством о том, что я посвятил его во все эти тайны, о которых он намеревался написать. Я видел там Агриппу,⁸² аббата Тритемия,⁸³ доктора Фауста,⁸⁴ Лабросса,⁸⁵ Цезаря⁸⁶ и знал кружок молодых людей, которых непосвященная толпа знала под именем рыцарей ордена Розенкрейцеров;⁸⁷ я научил их множеству хитростей и

открыл им многие тайны природы, благодаря чему их, конечно, сочли бы за великих магов. Я знал также и Кампанеллу;⁸⁸ никто иной, как я посоветовал ему во время его заключения в тюрьме инквизиции⁸⁹ приучить свое тело и свое лицо к положению и выражению, которое принимали те, чьи тайные помыслы он хотел узнать, с тем, чтобы таким образом вызвать в себе те же мысли, которые это положение вызывало в них, и познав их душу, успешнее с ними бороться. По моей просьбе он начал писать книгу, которой мы дали заглавие: *De sensu rerum*. Я точно также посещал во Франции Ла-Мот-Ле-Вайе⁹⁰ и Гассенди. Этот последний пишет, как истинный философ, точно также как первый живет как таковой. Я знавал также множество других людей, которых ваш век считает проникнутыми божественной мудростью, но я ничего в них не усмотрел, кроме болтовни и большой гордости. Наконец, переезжая из вашей страны в Англию, чтобы изучить там нравы ее обитателей, я встретил человека, который служит позором своей родной страны. Действительно, разве это не позор, когда знать вашего государства, признавая всю добродетель, воплощением которой он является, в то же время не воздает ему должного, не преклоняется перед ним. Чтобы сократить свой панегирик, скажу, что он весь сердце, весь ум; сказать, что он обладает в полной мере этими двумя качествами, из которых одного было бы достаточно, чтобы сделаться героем, это значит называть Тристана Лермит.⁹¹ Я бы не стал называть его, так как уверен, что он не простит мне

этого; не рассчитывая больше вернуться в ваш мир, я хочу перед своей совестью засвидетельствовать истину. Правда, я должен сказать, что как только я увидел столь высокую добродетель, я тотчас же подумал, что она не будет признана, поэтому я старался убедить его принять от меня три стеклянки: первая была полна тальковым маслом, вторая порохом, третья жидким золотом, т. е. той растительной солью, которая по мнению ваших химиков дает вечную жизнь. Но он отказался от этого с более благородным презрением, чем Диоген⁹² отказался от предложения Александра, который посетил его в его бочке. Мне нечего добавить к похвалам этому великому человеку, как разве только то, что он единственный ваш поэт, единственный философ и что, кроме него, у вас нет ни одного истинно свободно мыслящего человека. Вот те значительные люди, которых я знавал; все остальные, по крайней мере, те, которых я встречал, стоят настолько ниже настоящего человека, что я видал животных, которые выше их. Впрочем я не происхожу ни из вашей земли, ни из этой; я родился на солнце. Но наш мир иногда бывает перенаселен вследствие продолжительности жизни его обитателей, а также и потому, что в нем почти не бывает ни войн, ни болезней; в виду этого наши власти от времени до времени посылают колонии в окружающие миры. Что касается меня, то я был командирован в ваш мир и был объявлен начальником того племени, которое было послано со мной. После того я перешел в этот мир по тем причинам, о которых я вам уже говорил;

я продолжаю здесь жить потому, что люди здесь любят истину, что нет здесь пелантов; что философы здесь руководятся только разумом и что ни авторитет ученого, ни авторитет большинства не преобладает здесь над мнением какого-нибудь молотильщика зерна, если этот молотильщик рассуждает умно. Одним словом, в этой стране безумцами почитаются лишь софисты и ораторы». Я спросил его, какова продолжительность их жизни, он мне отвечал: три или четыре тысячи лет и продолжал так: «если я хочу сделать себя видимым, как, например, теперь, но в то же время чувствую, что то тело, которое я заполняю, почти износилось, или что органы его уже не выполняют своих функций достаточно хорошо, я вдуваю свое дыхание в молодое тело, только что умершее.

«Хотя обитатели солнца не так многочисленны, как обитатели этого мира, однако солнце часто выбрасывает их вон из себя по той причине, что народ, его населяющий, одаренный горячим темпераментом, беспокоен и честолюбив и много ест.

«Все то, что я вам говорю, не должно казаться вам странным, ибо хотя наш солнечный шар очень велик, а ваш земной шар мал, хотя мы умираем только после трех или четырех тысяч лет жизни, а вы после полувека, знайте, что точно также как во вселенной больше песка чем камней, больше камней чем растений, больше растений чем животных, больше животных чем людей, точно также на свете не может быть меньше демонов чем людей, вследствие тех осложнений и затруднений, с которыми

сопряжено зарождение столь совершенных существ».

На мой вопрос, такие ли у них тела, как и у нас, он мне отвечал, что да, у них тоже есть тела, но не такие, как наши и непохожие на все то, что мы считаем телами; ибо мы обычно называем телом то, что мы можем осязать; что впрочем в природе нет ничего, что бы не было материей; и что хотя они сами состоят из материи, они принуждены, когда хотят сделаться для нас видимыми, принять телесный образ, соответствующий тому, что мы можем познать своими чувствами.

Я сказал ему, что все рассказы о существах, подобных ему, многие вероятно потому считают плодом воображения слабоумных, что они появляются только по ночам; он отвечал, что так как они сами бывают принуждены наспех соорудить себе тело, которое должно им служить, они часто не успевают создать ничего больше, как то, что может действовать на один какой-нибудь орган чувств, или на слух, как голос оракула, или на зрение, как привидения и призраки, или на осязание, как инкубы,⁹³ и так как их тела не что иное, как сгущение того или другого рода, то свет своей теплотой разрушает их, подобно тому, как он рассеивает туман.

Его интересные объяснения возбудили мое любопытство и побудили меня расспросить его о рождении и смерти жителей солнца; мне хотелось знать, происходит ли на солнце рождение человека через органы зарождения и умирают ли они вследствие разнузданности своего темперамента или вследствие разрушения своих

органов. «Между вашим сознанием и пониманием этих тайн — слишком мало общего, чтобы вы могли понять их. Вы, жители земли, представляете себе, что то, что вы не понимаете, имеет духовную сущность, или же что оно вовсе не существует; но этот вывод совершенно ложен; он доказывает только то, что во вселенной существуют миллионы вещей, для понимания которых с вашей стороны потребовались бы миллионы совершенно различных органов. Я, например, при помощи своих чувств, познаю причину притяжения магнитной стрелки к полюсу, причину морского прилива и отлива, понимаю, что происходит с животным после его смерти; вы же можете подняться до наших высоких представлений только путем веры, потому что вам не хватает перспективы; вы не можете охватить этих чудес, точно также, как слепорожденный не может представить себе, что такое красота пейзажа, что такое краски в картине или оттенки в цветке ириса; он будет воображать их себе или как нечто осязательное как пища, или же как как звук или запах. Во всяком случае, если бы я захотел объяснить вам то, что я познаю теми чувствами, которых у вас нет, вы бы представили это себе, как нечто, что можно слышать, видеть, осязать или же познать вкусом или обонянием, между тем это нечто совершенно иное».

Когда он дошел до этого места своей речи, фокусник заметил, что публике начинает надоедать мой разговор, которого она не понимала и который принимала за нечленораздельное хрюканье. Он стал вновь изо всей мочи дергать

мою веревку, чтобы заставить меня прыгать и продолжал это до тех пор, пока наконец зрители не разошлись каждый во свояси, досыта нахохотавшись и уверяя, что я почти также умен, как у них животные.

Жестокость дурного обращения моего хозяина умерялась для меня посещениями этого любезного демона, ибо не могло быть и речи о том, чтобы я мог вести какой-нибудь разговор с теми, кто приходил на меня посмотреть; помимо того, что они принимали меня за животное из категорий самых низких скотов, но ведь ни я не знал их языка, ни они не понимали моего; судите же, каково было между нами общение. Вы должны знать, что во всей стране принято два наречия: одно служит для знати, другое—в употреблении у народа.

Язык знатных не что иное, как различное сочетание нечленораздельных звуков, слегка напоминающих нашу музыку, когда к мелодии не присоединяется слов и конечно это изобретение в тоже время и приятное и полезное, ибо когда эти люди устали говорить, или же когда они не хотят более тратить горло для этой цели, они берут лютню или какой-нибудь другой инструмент, которым они владеют также хорошо, как и голосом для передачи своих мыслей, так что иногда их соберется целое общество в пятнадцать или двадцать человек и какой-нибудь богословский вопрос или сложный процесс обсуждается ими при помощи самого прекрасного концерта, который может ласкать ухо.

Другой язык, тот, который в употреблении у народа, осуществляется посредством движения

членов, но не так, как можно было бы думать, ибо движение некоторых частей тела уже прямо обозначает целую речь. Например, движение пальца руки, уха, губы, глаза, щеки составляет каждое в отдельности молитву или же целый период со всеми его членами. Другие движения служат только для того, чтобы обозначать отдельные слова, таковы, например, такие движения, как сморщивание лба, подергивание мускулов, поворот ладони кверху, хлопанье ногами, выворачивание рук, все эти движения выражают отдельные слова, потому что при существующем у них обычае ходить голыми и привычке жестами передавать свои мысли, когда они говорят, члены их находятся в таком непрерывном движении, что кажется, будто имеешь перед собой не человека, который говорит, а тело, которое дрожит.

Демон посещал меня почти ежедневно и его удивительные беседы делали то, что я мог без особенной скуки переносить тяготу своего жестокого заключения. Наконец, однажды утром в мою каморку вошел неизвестный мне человек; он стал меня сначала лизать, потом мягко схватил меня пастью под мышкой и одной из лап, которой меня поддерживал, чтобы я не ушибся, он перекинул меня себе на спину, где я почувствовал себя так мягко и так удобно, что, не смотря на скорбь, причиненную мне сознанием, что со мной обращаются, как со скотом, у меня не явилось желания бежать, да это было бы и бесполезно, так как эти люди, которые ходят на четырех ногах, движутся с совершенно иной быстротой, чем мы, и самые тяжеловесные из них могут догнать оленя на бегу.

Однако, я был очень огорчен, не имея никаких известий о своем любезном демоне, и вечером, во время первой своей остановки в пути, добравшись до места почлега, я разгуливал во дворе гостиницы в ожидании приготовлявшегося ужина, как вдруг принесший меня сюда человек, очень молодой и довольно красивый, бросил мне на шею свои ноги и расхохотался мне в лицо. Я внимательно его рассматривал и некоторое время спустя он воскликнул по-французски: «Как, неужели вы не узнаете своего друга?» Предоставляю вам судить о том, что со мной сделалось. Действительно я был так изумлен, что мне представилось, будто и луна и все, что со мной здесь случилось, все, что я тут увидел, все это одно только волшебство; а человека-зверь, тот самый, который привез меня сюда на своей спине продолжал: «Вы мне обещали, что все те услуги, которые я вам окажу, никогда не изгладятся из вашей памяти, а между тем теперь оказывается, что вы никогда меня не видели». Я продолжал настаивать на том, что действительно никогда его не видел. Наконец он мне сказал: «Я Демон Сократа, который развлекал вас во время вашего заключения. Я отправился вчера к королю, чтобы предупредить его, как я вам обещал, о вашем несчастье и с тех пор я сделал триста миль в восемнадцать часов; ибо прибыл сюда в двенадцать часов, ожидая вас». — «Но, прервал я его, как может все это быть, когда вчера вы были большого роста, а сегодня маленького; вчера у вас голос был слабый и разбитый, а сегодня сильный и чистый; вчера вы были старичком, покрытым сединой, а сего-

дня вы молодой человек? Как неужели же в противоположность тому, как у нас на земле, человек от рождения своего идет к смерти, в здешнем мире животные идут от смерти к рождению и молодеют по мере того, как стареют?» Он продолжал: «Как только я рассказал о вас королю, я получил приказание привести вас ко двору, но тут я почувствовал, что тело, форму которого я принял, настолько измождено, что все органы его отказываются исполнять свои обычные функции; тогда я справился о том, где помещается больница; войдя в нее, я нашел тело молодого человека, который только что испустил дух (вследствие очень странного несчастного случая весьма, впрочем, обычного в этой стране). Я подошел к нему, сделав вид, что вижу в нем какие-то признаки жизни, и стал уверять присутствующих, что он не умер, что его болезнь даже не опасна, что то обстоятельство, которому приписывали его смерть, не более, как летаргический сон и ловко, так чтобы этого не заметили, я вошел в него через дыхание. Мое старое тело тотчас же упало навзничь, я в этом молодом теле встал, как если бы встал этот молодой человек; присутствующие стали кричать, что совершилось чудо, а я, никому ничего не разъясняя, быстро побежал к вашему фокуснику, откуда я вас и взял».

Он бы продолжал свой рассказ, если бы нас не позвали к столу. Мой спутник повел меня в залу, великолепно убранную, где, однако, я не заметил никаких приготовлений к ужину. Такое отсутствие всего съестного, когда я совершенно изнемогал от голода, вызвало с моей стороны

вопрос, где накрыт стол? Огвета я уже не слушал, так как в эту минуту ко мне подошли трое или четверо юношей, детей нашего хозяина; они с большой учтивостью сняли все, что было на мне надето, до самой рубашки. Этот новый обряд меня до такой степени озадачил, что я не решился спросить у своих прекрасных слуг, для чего это делается, я даже не понимаю, как мой гид, на свой вопрос, с чего я хочу пачать, добился от меня ответа: с супа. Но едва я выговорил эти слова, как я почувствовал запах самого сочного навара, который когда-либо ласкал обоняние дурного богача. ⁹⁴ Я хотел встать, чтобы носом проследить, где же источник этих приятных испарений, но мой гид остановил меня. «Куда вы?» спросил он, мы скоро пойдем гулять, а теперь время еды, кончайте ваш суп, после этого мы закажем что-нибудь другое». — «Да где же, чорт возьми, этот суп?» гневно крикнул я, уж не побились ли вы об заклад издеваться надо мной весь сегодняшний день?» — «Я думал, возразил он, что в том городе, откуда мы пришли, вы видели, как ваш хозяин или кто-либо другой принимает пищу, потому я вам еще не говорил о том, как здесь питаются. Так знайте же, если это вам до сих пор не было известно, что здесь люди питаются одними испарениями. Все поваренное искусство состоит здесь в том, чтобы в большие сосуды, сделанные специально с этой целью, заключить те пары, которые выделяются из мяса во время его варки; когда наберется достаточное количество таких сосудов различных сортов и различного вкуса, то, в зависимости от аппетита гос-

тей, раскупоривают тот сосуд, в котором заключен требуемый запах, затем другой и так далее, пока общество не насытится.

«Если вы никогда не питались таким образом, вы не поверите, что один нос, без помощи зубов или гортани, может для питания человека заменить ему рот, но я хочу, чтобы вы убедились в этом по собственному опыту». Не успел он произнести этих слов, как зала стала постепенно наполняться таким приятным ароматом и таким насыщающим, что менее чем через несколько минут я почувствовал себя совершенно сытым. Когда мы встали, он вновь заговорил: «Это не должно вас особенно удивлять, не могли же вы прожить столько времени и не заметить, что в вашем мире повара и кондитеры, которые едят меньше чем люди других профессий, в то же время самые толстые. Откуда происходит их полнота, по вашему мнению, если не от тех испарений, которыми они постоянно окружены, которые проникают в их тело и питают их. Потому здоровье обитателей этого мира и гораздо крепче и не изменяет им, что питание их почти не вызывает выделений, являющихся причиной чуть ли не всех болезней. Вас может быть удивило то, что перед обедом вас раздели, так как это не принято в вашей стране, но здесь таков обычай и это делается ради того, чтобы тело легче могло проникаться испарениями».

«Сударь, отвечал я, то, что вы говорите, кажется мне вполне правдоподобным, тем более, что я сам отчасти уже испытал нечто подобное, но я должен вам признаться, что я не в си-

лах так скоро выйти из скотского состояния и был бы чрезвычайно рад почувствовать под зубами кусок чего-нибудь плотного». Он обещал исполнить мое желание, однако, только на следующий день, потому, сказал он, «что если вы будете есть так скоро после обеда, это вызовет у вас расстройство желудка». Мы побеседовали еще некоторое время, затем поднялись наверх, где были наши спальни.

На площадке лестницы нас встретил человек, который нас очень внимательно разглядывал, после чего он отвел меня в комнату, в которой пол был усыпан цветами апельсинового дерева на высоту в три фута; мой демон был отведен в другую комнату, наполненную гвоздикой и жасмином. Заметив, что такая роскошь меня удивила, он мне сказал, что это не что иное, как кровати, которые в употреблении в здешней стране. Наконец мы легли спать, каждый в своей келии; как только я улегся на своих цветах, я увидел при свете тридцати крупных светлячков, заключенных в хрустальном бокале (ибо здесь нет других свечей) тех же трех или четырех юношей, которые меня раздевали перед ужином; один из них стал щекотать мои ступни, другой бедра, третий бока, четвертый руки и все это так ласково и так нежно, что через минуту я уже заснул.

На другое утро ко мне вошел мой демон и вместе с ним влились в комнату солнечные лучи. «Я хочу исполнить свое обещание, сказал он, вы более плотно позавтракаете, чем вчера ужинали». При этих его словах я встал, и он повел меня за руку в сад, примыкавший

к нашему дому; там один из детей нашего хозяина ожидал нас, держа в руках оружие, напоминающее наши ружья. Он спросил моего руководителя, не хочу ли я дюжину жаворонков, потому что макаки (он думал, что я один из них) питаются этим мясом. Я едва успел ответить утвердительно, как раздался выстрел, и к нашим ногам упало двадцать или тридцать жареных жаворонков. «Вот, тотчас же подумалая, точь в точь как у нас говорится в пословице о стране, где падают с неба жареные жаворонки». Очевидно эта пословица пошла от кого-нибудь, кто вернулся отсюда. «Вы можете прямо приняться за еду, сказал мой демон, они настолько изобретательны, что умеют примешивать к пороху и к свинцу какой-то состав, который сразу убивает, ошпыливает, жарит дичь и приправляет ее». Я подобрал несколько жаворонков, попробовал их, как он мне советовал, и действительно я во всей своей жизни никогда ничего не ел более вкусного. После этого завтрака мы стали собираться в путь. Наш хозяин с тысячью гримас, которые здесь делают, когда хотят выразить свою привязанность, принял от демона какую-то бумагу. Я спросил его, не обязательство ли это на уплату за наше содержание. Он отвечал, что нет, что он ничего хозяину не должен и что это стихи. «Как стихи?» спросил я. Содержатели трактиров интересуются здесь рифмами?» — «Стихи, сказал он, это ходячая монета страны и расход, который мы здесь произвели, равен шестистишию, которое я ему и вручил. Я не боялся остаться у него в долгу, ибо если бы мы даже пировали здесь целую неделю, мы бы

не израсходовали больше сонета, а у меня их четыре, кроме того две эпиграммы, две оды и одна эклога». Ах, вот как, подумал я, это та самая монета, которой платят Гортенсию⁹⁵ во Франсионе Сореля. Он без сомнения отсюда это взял. Но от какого чорта мог он это узнать? Вероятно от матери, я слышал, что она была лунатиком. Я затем спросил своего демона, всегда ли бывает годна такая стихотворная монета, и достаточно ли стихи для этого переписать. Он отвечал, что нет и продолжал так: «Сочинив стихотворение, автор несет его в Монетный двор, где заседают присяжные поэты страны. Там эти официальные стихотворцы производят испытание ваших произведений и если будет признано, что они хорошей пробы, они оцениваются, но не всегда по твердой стоимости (т. е. сонет не всегда имеет стоимость сонета), а по достоинству вещи, таким образом здесь умирают с голоду только дураки, а умные люди всегда хорошо питаются». Я пришел от этих слов в совершенный восторг и восхищался мудрой политикой этой страны, а он продолжал: «Впрочем здесь существуют люди, которые содержат гостиницы еще на совершенно других началах: когда вы выходите от них, они требуют от вас согласно стоимости расходов вексель на тот свет. Получив его, они заносят его в большую книгу, которую называют счетом бога. Запись гласит приблизительно так: «Item — цена столькох-то стихов, врученных такого-то числа такому-то, имеющая быть мне возмещенной богом при получении им векселя из первой же имеющейся в наличности суммы. Когда

они чувствуют приближение смерти, они велят разрубить эти книги на мелкие куски, проглатывают их, считая, что если они не будут переварены, они не принесут никакой пользы».

Этот разговор не мешал нам продолжать наш путь, т. е. мой четвероногий возница шел подо мной, а я сидел верхом на нем. Я не буду останавливаться на разных приключениях, задерживавших нас в пути, который в конце концов привел нас к тому городу, где король имел свою резиденцию. Как только мы приехали, меня привели во дворец, где вельможи встретили меня с радостными восклицаниями, однако, более сдержанными, чем встречал меня народ, когда я проходил по улицам. Но вельможи пришли относительно меня к тому же заключению, как и народ, т. е. что я без сомнения самка маленького животного королевы. Так объяснял дело мой гид, однако, ему самому была непонятна эта загадка, и он не знал, что за животное было у королевы; вскоре все это разъяснилось; ибо через некоторое время король велел его привести. Полчаса спустя среди толпы обезьян, одетых в панталоны и широкие воротники, вошел небольшого роста человек, сложенный почти также, как и я, ибо он ходил на двух ногах; как только он меня увидел, от тотчас же стал кричать: «*criado de vuestra merced*»;* я отвечал на его приветствие почти в тех же выражениях. Но увы, когда они слышали, что мы разговаривали между собой, они еще более утвердились в своем предвзятом мнении, и

* Я слуга вашей милости

это не привело для нас ни к чему хорошему, ибо из всех присутствующих даже тот, кто горячее всех стоял за нас, утверждал, что наш разговор не что иное, как хрюканье, вызванное в нас естественным инстинктом и радостью, испытанной при свидании. Этот маленький человек рассказал мне, что он европеец, уроженец старой Кастильи, что он нашел средство при помощи птиц долететь до той луны, на которой мы теперь находимся; что он попал в руки королевы, что она приняла его за обезьяну, потому что здешние жители по случайному совпадению одевают своих обезьян в костюм испанцев; что, увидя его одетым в такой костюм, королева не усумнилась в том, что он принадлежит к той же породе.—«Надо думать, возразил я, что из всевозможных костюмов, которые они на них примеряли, они не нашли ни одного, который был бы смешней; поэтому они так и наряжают своих обезьян, которых держат только для забавы».—«Ваши слова показывают, сказал он, что вам незнакомо достоинство нашей нации, ради которой вселенная производит человечество, чтобы снабжать нас рабами и в которой природой не создано ничего, что могло бы служить предметом насмешки».⁹⁶ Он стал затем упрашивать меня, рассказать ему, каким образом я решился подняться на луну при помощи машины, о которой я ему говорил; я отвечал, что это произошло вследствие того, что он похитил птиц, на которых я собирался взлететь. Эта насмешка вызвала его улыбку и приблизительно четверть часа спустя король велел сторожам обезьян

увести нас, строго наказав им положить меня и испанца вместе для того, чтобы размножить наш род в его королевстве. Воля короля была исполнена в точности, чему я был очень рад, так как мне было приятно иметь около себя человека, с которым бы я мог разговаривать во время своего пребывания в заключении и на положении скотины. Однажды мой самец (меня принимали за самку) рассказал мне, что он объездил всю землю, но нигде не мог найти страны, где бы даже воображение могло быть свободно. Это и заставило его покинуть наш мир для луны. «Видите ли, сказал он, если вы не носите четырехугольной шапочки, клобука или рясы, и если ваши слова идут вразрез с принципами, которым учат эти суконные доктора, то как бы умно вы ни говорили, вы все-таки идиот, сумасшедший или атеист. У меня на родине меня хотели посадить в тюрьму инквизиции за то, что я утверждал в лицо педантам, что существует пустота и что ни одно вещество на свете не весит более другого вещества». Я спросил, его какие у него основания утверждать мнение, столь мало распространенное. «Для того, чтобы понять это, нужно предположить, сказал он, что существует только один элемент; ибо хотя мы видим воду, землю, воздух и огонь в отдельности, однако, нигде они не существуют в совершенно чистом виде, а всегда только в смешанном друг с другом. Когда, например, вы видите огонь, то знайте же, что это не огонь, а очень широко разлитой воздух; воздух не что иное, как сильно разреженная вода; вода — это растворенная земля,

а земля сильно сгущенная вода. Таким образом, если вы хорошенько вникните в то, что такое представляет из себя материя, вы познаете, что она едина, но что как великолепная актриса она только играет множество различных персонажей во всякого рода одеждах. Иначе пришлось бы допустить, что существует столько же элементов, сколько различных тел и если вы меня спросите, почему огонь обжигает, а вода холодит, хотя это одна и та же материя, я вам отвечу, что материя действует по симпатии в зависимости от того, в каком она находится состоянии в ту минуту, когда действует. Огонь, который есть не что иное, как земля в еще более разреженном состоянии, чем в том, в котором она составляет воздух, стремится по симпатии превратить в состояние подобное своему все то, что встречается ему на пути. Таким образом тепло, заключающееся в угле, будучи огнем самого тонкого свойства и наиболее способным проникать всякие тела, пробивается сквозь поры нашей кожи и сперва расширяет наше тело, так как это уже новая материя, нас проникающая, а затем выделяется из нее в виде пота; пот, расширяясь под влиянием огня, превращается в пар и становится воздухом; воздух, еще более нагретый и расплавленный жаром аггиперистаза или светил, его окружающих, называется огнем; частицы же земли, покинутые холодом и влагой, которые связывали части нашего тела, распадаются в прах. Вода, с другой стороны, хотя она и отличается от огня только тем, что более сжата, не жжет нас потому, что сама, будучи в более сжатом

состоянии, она по симпатии стремится к тому, чтобы привести в еще более сжатое состояние поднимающиеся ей навстречу тела; холод же, который мы ощущаем, не что иное, как съезживание нашего тела под влиянием соприкосновения с землей или водой, которые заставляют его им уподобляться. Этим объясняется, почему больные водянкой превращают в воду пищу, которую они принимают, почему больные желчью превращают в желчь всю ту кровь, которая образуется в печени. Итак, если предположить, что существует один только элемент, не подлежит никакому сомнению, что все тела, каждое в зависимости от своих свойств, одинаково притягиваются к центру земли.

«Но вы меня спросите, почему же железо, металлы, земля, дерево скорей падают к этому центру, чем губка, не потому ли, что она наполнена воздухом, который естественно стремится кверху? Причина этого совсем не та и вот как я вам отвечу: хотя скала падает с большей быстротой, чем перо, однако, и скала и перо имеют одинаковую склонность к этому путешествию; но пушечный снаряд, например, если бы он нашел в земле отверстие насквозь, устремился бы к центру с большей быстротой, чем пузырь, наполненный воздухом. Это происходит потому, что эта масса металла содержит в себе большое количество земли, сосредоточенное на маленьком пространстве, а воздух в пузыре содержит в себе очень малое количество земли на большом пространстве, ибо частицы материи, составляющие железо, взаимным своим сцеплением увеличивают свою силу

и так как они очень сжаты, их оказывается много для борьбы против немногих, объем же воздуха, по величине своей равный снаряду, не равен ему по количеству своих частиц, которые под натиском более многочисленных, чем они и столь же торопливых, уступают им дорогу. Не пытаюсь доказывать этого целым рядом доводов, ограничусь тем, что спрошу вас, каким же образом сабля, пика, кинжал могут нас ранить? Не потому ли, что сталь такое вещество, частицы которого теснее примыкают друг к другу и глубже друг друга проникают, нежели частицы вашего тела; мягкость его и имеющиеся в нем поры показывают, что оно заключает в себе очень мало земли, расположенной при том на очень большом пространстве; железное же острие, прокалывающее нас, состоит из бесчисленного множества частиц материи, направленных против очень небольшого количества материи нашего тела; оно заставляет последнюю уступать под напором силы, точно также, как тесно сомкнутый эскадрон легко прорывает ряды менее сомкнутого батальона, рассеянного притом на большом пространстве. И почему стальная плита, до бела раскаленная, горячее, чем горящий ствол дерева? Не потому ли, что в стали на малом пространстве сосредоточено больше огня, проникающего каждую частицу металла, чем в дереве, которое, будучи ноздреватым, заключает в себе много пустоты; пустота же есть отсутствие бытия, потому она не может принять формы огня. Но, возразите вы мне, вы говорите о пустоте, как будто считаете ее суще-

ствование доказанным, а именно об этом-то мы и спорим. Ну так я вам докажу ее существование и хотя это так же трудно, как развязать gordien узел, однако, руки достаточно сильны, чтобы стать в этом случае Александром.

«Пусть же ответит мне тот пошлый дурак, который думает, что он человек только потому, что ему было так сказано! Если предположить, что существует только одна материя, как я, кажется, достаточно убедительно это доказал, как же может быть, чтобы она по собственному желанию расширялась, или сокращалась? Почему комок земли, все более и более сжимаясь, превратился в камень. Неужели же частицы этого камня проникли одна в другую так, что там, где торчит одна песчинка, там же, т. е. в той же точке, торчит и другая песчинка? Этого не может быть по самому существу материи, так как тела непроницаемы друг для друга. Чтобы это могло случиться, нужно, чтобы материя сжалась, если хотите, чтобы она сократилась, и таким образом, чтобы заполнилось то пустое пространство в ней самой, которое раньше было не заполнено.

«Вы скажете: непонятно, чтобы в мире была пустота и чтобы мы сами отчасти состояли из пустоты. А почему же нет? Разве весь мир не окружен пустотой? Если вы признаете это, сознайтесь, что одинаково естественно предположить, что мир имеет пустоту в себе, как и вне и вокруг себя. Я предвижу, что вы меня спросите, почему вода, сжатая в сосуде в виде льда, разрывает этот сосуд, как не для того, чтобы помешать образованию пустоты? Я же

ответчу вам, что это происходит только потому, что воздух, который находится вверху и точно также, как земля и вода, устремляется к центру, встречает на своем прямом пути пустую гостиницу и размещается в ней; если окажется, что поры этого сосуда, т. е. дороги, ведущие в пустую комнату, слишком узки, слишком длинны или слишком искривлены, он разбивает сосуд, чтобы удовлетворить своему нетерпению и скорей добраться до жилья.

«Не останавливаясь на всех их возражениях, я смею утверждать, что не будь пустоты, не было бы движения, иначе пришлось бы признать проникаемость тел. Смешно было бы думать, что, когда муха крылом своим отталкивает частицу воздуха, эта частица отодвигает перед собой другую, эта другая третью, так что в конце концов движение пальца мушиной ноги вызывает горб по ту сторону вселенной. Когда им уже нечего сказать, они прибегают к выводу о разрежении воздуха, но говоря по чести, как может это быть, чтобы при разрежении тела, когда одна частица его отделяется от другой, между этими частицами не оставалось пустого пространства. Ведь иначе нужно было, чтобы отделившиеся друг от друга тела находились в одно и то же время на том же месте, где было и это третье тело, т. е. чтобы эти все три тела проникали друг друга. Я предвижу, что вы меня спросите: каким же образом возможно при помощи трубы, насоса или спринцовки заставить воду подниматься в направлении противоположном ее естественному устремлению? Я вам отвечу, что она это делает

поневоле; не страх пустоты заставляет ее свернуть с пути, но, соединившись незаметным образом с воздухом, она поднимается кверху вместе с тем воздухом, который ее охватывает.

«Это вовсе не так трудно понять тому, кому известно тончайшее переплетение элементов и законченный круг, который они совершают. Если вы внимательно рассмотрите тот ил, который образуется от соединения земли и воды, вы увидите, что это уже не вода и не земля, но что это некоторый посредник при договоре между этими двумя враждующими сторонами. Ведь вода и воздух, ради того, чтобы установить между собою мир, взаимно посылают друг другу туман, проникающий в самую сущность того и другого; воздух мирится с огнем при посредстве испарений, служащих между ними связью, объединяющих их».

Думаю, что он хотел продолжать свою речь но нам принесли наш корм и так как я был голоден, то я закрыл свои уши и открыл желудок для принятия тех явств, которые нам предлагали.

Помню, как-то в другой раз, когда мы философствовали, ибо ни тот ни другой из нас не любил вести разговора на низкие темы, он мне сказал. «Меня очень огорчает, когда я вижу, что ум такого высокого калибра, как ваш, заражен заблуждениями невежественной толпы. Так знайте же, что вопреки педанту Аристотелю, мнения которого повторяет вся Франция без различия классов — все есть во всем, т. е. в воде, например, есть огонь, в огне — вода; в воздухе есть земля, а в земле есть воздух. Хотя такие

слова заставляют ученых таращить глаза, как солонки, однако легче это доказать, чем в этом убедить. Я прежде всего их спрошу, не родит ли вода рыбу и если они будут это отрицать, я им скажу: выройте канаву, наполните ее из кувшина водой, которую пропустите сквозь сито для муки, чтобы оградить себя от возражений со стороны слепцов, и если через некоторое время в канаве не появится рыба, я готов выпить всю воду, которую туда вылили; если же рыба там окажется, в чем я не сомневаюсь, это будет убедительным доказательством того, что в воде есть соль и огонь. Найти после этого воду в огне уже не трудное дело. Если даже выбрать форму огня, наиболее свободную от материи, как, например, комету, то и в этом огне все-таки будет много материи; ибо если бы то маслянистое вещество, которое порождает огонь, превращенное в серу жаром антиперистаза, зажигающего его, не встречало препятствий своему порыву со стороны влажной прохлады, умеряющей этот порыв и борющейся против него, комета сгорела бы в одно мгновение на подобие молнии. Дальше, что в земле есть воздух, они никак не могут отрицать, или же они никогда не слыхали о страшных содроганиях, которые потрясают горы в Сицилии. Кроме того мы видим, что вся земля пориста вплоть до песчинок, из которых она состоит. Однако, никогда никто не утверждал, что эти поры заполнены пустотой и вы легко согласитесь с тем, что воздух мог устроить себе там жилье. Мне остается доказать, что в воздухе есть земля. Но я не хочу даже давать себе

этого труда, так как вы убеждаетесь в этом всякий раз, как на вашу голову падают легионы атомов столь многочисленных, что в них теряется сама арифметика. Но перейдем от простых тел к сложным; примеры, относящиеся к самым обыденным предметам, помогут мне доказать вам, что во всем есть все и не так, чтобы одно тело превращалось в другое, как об этом щебечут ваши перипатетики, ⁹⁸ ибо я утверждаю им в лицо, что элементы смешиваются, разделяются и вновь смешиваются, так что то, что было сотворено мудрым создателем мира, как вода, всегда остается водой; я не утверждаю, как они это делают, ни одного положения, которое я не мог бы доказать.

«Итак, возьмите, пожалуйста, полено, или какое-либо другое сгораемое вещество и зажгите его; когда оно запылает, ваши ученые скажут, что то, что было деревом, стало огнем. Я же утверждаю, что и тогда, когда все полено пылает, в нем не больше огня, чем до того, как к нему поднесли спичку, но что в нем все тот же огонь, который раньше заключался в нем в скрытом виде и которому мешали проявиться холод и влага; когда же на помощь этому огню пришло пламя, поднесенное со стороны, то он собрал все свои силы и направил их против того застоя, который его душил и овладел пространством, занятым его врагом — теперь уже нет ему препятствий и он торжествует над своим тюремщиком. Разве вы не видите, как из обоих концов полена выбегает вода, еще горячая и пылающая от только что выдержанного ею боя? Пламя, которое вы ви-

дите сверху, это огонь, самый тончайший, более всего свободный от материи и потому скорей всего готовый вернуться на свое прежнее место. Он впрочем поднимается на некоторую высоту пирамиды, чтобы прорвать вплотную влажность воздуха, который ему сопротивляется; но так как огонь, по мере того как поднимается, все более и более освобождается от враждебных ему прежних своих хозяев, он наконец пускается в открытый путь, не встречая никаких препятствий; однако, это легкомыслие часто является для него причиной нового заключения, ибо на своем одиноком пути он иногда заблуждается и попадает в облака. Если он встретит там еще много других огней, то они объединятся, чтобы вместе противостоять окружающим их испарениям и тогда они разразятся громом и смерть невинных людей бывает последствием грозного гнева этих мертвых элементов. Если же, оцепенев от холода в средних поясах воздуха, он уже не будет иметь достаточно силы, чтобы защищаться, он отдаст себя во власть туче, которая вследствие своей тяжести должна упасть на землю и увлечь с собой своего пленника; тогда этот несчастный, заключенный в капле воды, может быть очутится у подножья дуба, живительный огонь которого привлечет к себе бедного странника и пригласит его поселиться с ним; таким образом он возвратится к тому же состоянию, из которого вышел за несколько дней перед тем.

«Но посмотрим теперь, какова судьба других элементов, из которых состоит это полено. Воздух возвращается на свое место, хотя он все еще

смешан с парами, потому что огонь, в гнев своем, грубо смешал их. Он служит ветру раздувательным мехом, дает дыхание животным, наполняет пустоту, которую образует природа, и, может быть, окутанный в каплю росы он будет впитан и переварен жаждущими влаги листьями того дерева, куда удалился наш огонь. Вода, которую пламя выгнало из этого ствола, поднятая теплом до небесного стола, падет вновь дождем на наш дуб, также как и на другие деревья, а земля, обратившись в золу, исцеленная от бесплодия теплом кучи навоза, куда ее бросили, или же растительной солью какого-нибудь соседнего дерева, или же плодородною водою рек, может быть, тоже очутится около того же дуба, который притянет ее и превратит в часть своего целого.

«Таким образом, все эти четыре элемента постигнет одинаковая судьба и они возвращаются в то же состояние, из которого вышли за несколько дней перед тем. В виду этого можно сказать, что в человеке есть все что нужно, чтобы образовать дерево, а в дереве все что нужно, чтобы образовать человека. Наконец, таким образом все есть во всем, но нам не хватает Прометея, который извлек бы из недр природы и сделал бы для нас осязательным то, что я называю первичным веществом».

Вот приблизительно те беседы, в которых мы проводили время, ибо у этого маленького испанца был привлекательный ум. Мы, однако, беседовали только по ночам, потому что с шести часов утра и до вечера нам мешала огромная толпа народа, которая приходила на нас смо-

треть. Некоторые бросали нам камни, другие орехи, третьи траву. Только и было разговоров, что о животных короля. Нас каждый день кормили в определенные часы, и король и королева часто брали на себя труд ощупывать мне живот, чтобы посмотреть, не наполняется ли он, ибо они сгорали желанием положить начало роду этих маленьких животных. Потому ли, что я был более внимателен к издаваемым ими звукам и к их гримасам, чем мой самец, но я раньше его научился понимать их язык и с грехом пополам его коверкал; вследствие этого на нас стали смотреть иначе, чем до тех пор и тотчас же по всему королевству распространился слух, что появилось двое диких людей, меньшего роста, чем остальные, вследствие дурного питания, доставленного им природой, и передние ноги которых вследствие изъятия в семени отца были не достаточно сильны, чтобы они могли на них опираться. Это мнение стало распространяться и даже укрепляться, если бы этому не воспрепятствовали жрецы той страны; они говорили, что верить в то, что не только животные, но и чудовища принадлежат к той же породе как и они, это ужасающее нечестие. Было бы гораздо естественнее думать, прибавляли наименее страстные из них, что домашним животным, родившимся в нашей стране, дано участвовать в привилегиях дарованных человеку, а следовательно и в бессмертии, скорее чем какому-то чудовищному зверю, который утверждает, что родился где-то на луне. «А затем обратите внимание на то, какая разница между ними и нами. Мы

ходим на четырех ногах, ибо бог не хотел доверить столь драгоценный сосуд менее устойчивому положению и побоялся, что если человек будет ходить иначе, с ним случится несчастье; вот почему он взял на себя труд утвердить его на четырех столбах, дабы он не мог упасть. Строением этих двух скотов он пренебрег и предоставил его игре природы, которая, не беспокоясь о возможной гибели такого ничтожества, утвердила его только на двух ногах».

«Даже птицы, говорили они, не так обделены, как обделены они, так как получили перья взамен слабости своих ног, для того, чтобы взлететь на воздух, когда мы прогоним их от себя; тогда как природа, отняв две ноги у этих уродов, отняла у них возможность бежать, чтобы спастись от нашего правосудия.

«Обратите также внимание на то, как у них голова обращена к небу. Ведь она так поставлена вследствие той скудости, с которой бог оделил их во всем, ибо это умоляющее их положение показывает, что они жалуются небу на своего создателя и умоляют его позволить им воспользоваться теми отбросами, которые остаются после нас. А посмотрите на нас, мы совсем другое дело, у нас голова склоняется книзу, чтобы мы могли созерцать те блага, которыми мы владеем, и еще потому, что на небе нет ничего, чему бы мы могли в нашем счастье завидовать».

Каждый день я слышал в своей конуре, как жрецы рассказывали эти басни, или другие, им подобные; они так хорошо овладели умами населения по этому вопросу, что было постано-

влено считать меня в лучшем случае попугаем без перьев, и тех, кто уже был в этом убежден, они продолжали убеждать в том, что, как и у птицы, у меня только две ноги. Все это кончилось тем, что меня посадили в клетку по чрезвычайному приказу Верховного совета.

Ко мне ежедневно приходил птицелов королевы, на которого была возложена обязанность учить меня насвистывать, на подобие тому как здесь учат снигирей; в клетке я был по правде сказать счастлив, потому что у меня не было недостатков в корме. Между тем прислушиваясь к той чепухе, которую несли люди, приходившие на меня смотреть, и от которой у меня уши вяли, я научился говорить как и они. Когда я достаточно напрактиковался и научился выражать на их языке большинство своих мыслей, я принялся им рассказывать всякие небывлицы. В обществе только и было речи, что о прелести моих остроумий и о моем уме. Дело дошло до того, что жрецы были принуждены опубликовать декрет, по которому запрещалось верить, что у меня есть разум; в то же время был издан очень строгий приказ, относившийся одинаково ко всему населению без различия звания и положения, на основании которого все умные мои поступки должны были быть приписаны инстинкту.

Между тем вопрос о том, что же я в конце концов и как определить мою сущность, разделил город на две партии. Партия, стоявшая за меня, росла со дня на день и наконец, несмотря на все анафемы, которыми жрецы старались устрашить народ, мои приверженцы стали тре-

бовать собрания штатов, чтобы разрешить этот религиозный спор. Долго не могли договориться относительно того, кто будет иметь право голоса, но третейский суд примирил враждующих, уравнивая число заинтересованных лиц обеих сторон. Меня трепещущего отвели в зал суда, где со мной обращались так сурово, как только возможно себе представить. Экзаменаторы стали между прочим ставить мне вопросы по философии, я совершенно чистосердечно рассказал им то, чему научили меня мои учителя; но им не стоило ни времени, ни труда опровергнуть все это очень убедительными доводами. Когда я уже совершенно не знал, что им возражать, я прибегнул как к последнему оплоту к Аристотелю, однако, его принципы так же мало помогли мне, как и софизмы, ибо они в двух словах раскрыли мне всю ложность их. Этот Аристотель, говорили мне, ученость которого вы так превозносите, очевидно прилаживал свою философию к принципам, вместо того, чтобы выводить принципы из философии; во всяком случае он должен был бы прежде всего доказать, что его принципы более разумны, чем принципы других сект, о которых вы нам рассказывали. А потому, пусть этот господин остается в покое. В конце концов они убедились, что ничего другого они от меня не услышат, как только то, что они не более учены, чем Аристотель и что мне запрещено спорить против тех, кто отрицает его принципы, и единогласно вынесли решение, что я не человек, но быть может порода страуса, в виду того, что как и страус я держу голову кверху, хожу на

двух ногах; после этого птицелову было приказано вновь отнести меня в клетку. Я проводил там время довольно приятно, так как вполне усвоил их язык, и болтовней моей забавлялся весь двор, а прислужницы королевы, между прочим, всегда совали какие-нибудь остатки в мою корзину, та же из них, которая была милее других, прониклась ко мне любовью и приходила в величайший восторг, когда я, сидя в заключении, рассказывал ей о нравах и развлечениях людей нашего света, особенно же о наших колоколах и других музыкальных инструментах; она со слезами на глазах уверяла меня, что если когда-либо я буду иметь возможность полететь и вернуться в наш мир, она охотно последует за мной.

Однажды рано утром я был разбужен неожиданным шумом и увидел, что она постукивает по решетке моей клетки. «Радуйтесь, сказала она, вчера в Совете было решено объявить войну великому королю. Я надеюсь, что во время суматохи военных приготовлений и во время отсутствия нашего монарха и его подданных мне удастся устроить так, дабы вас спасти». — «Как война?» прервал я ее. «Разве между королями вашего мира возникают такие же споры, как между нашими? Вот как! Так пожалуйста, расскажите мне, как же они ведут войну». — «Третейский суд, отвечала она, избранный с согласия обеих сторон, определяет время, которое предоставляется для вооружения, и время, назначенное для похода, а также число людей, которые должны участвовать в сражении, наконец, день и место боя и все это с таким рас-

четом уравниения сил враждующих сторон, чтобы ни в той ни в другой армии не было ни одного лишнего человека. Кроме того, все искалеченные солдаты с своей стороны набираются в отдельные роты. Приступая к бою, предводители принимают меры к тому, чтобы выставить искалеченных тоже против искалеченных, с другой стороны во главе великанов идут колоссы, во главе фехтовальщиков ловкачи, во главе доблестных отважные, во главе немощных слабые, во главе нездоровых больные, во главе крепких сильные, и если кому-нибудь вздумается ударить другого, а не указанного ему врага, он осуждается как трус, если только не будет доказано, что это произошло по ошибке. По окончании сражения подсчитывают раненых, убитых, пленных; что касается беглецов, то их не бывает; если потери обеих сторон равны, то бросают жребий и по вытянутой соломинке решают, кому объявить себя победителем.

«Но даже в том случае, если одно государство разобьет своего противника в честном бою, это ничего еще не значит, ибо есть еще другие, более многочисленные армии ученых и умных людей и от диспутов между ними окончательно зависит торжество или порабощение государств.

«Один ученый противопоставится другому ученому, один умный человек—другому умному человеку, один рассудительный человек—другому. Впрочем торжество одного государства над другим в этой области считается за три победы, одержанные открытой силой. После провозглашения победителей собрание закрывается и народ-победитель избирает своим королем или

своего собственного короля, или короля своих врагов».

Я не мог не рассмеяться этому совестливому способу вести войну; и в пример гораздо более сильной политики я стал приводить обычай государств нашей Европы, где монарх тщательно заботится о том, чтобы не упустить ни малейшего из своих преимуществ для достижения победы; и вот как она мне отвечала:

«Скажите мне, пожалуйста, не ссылаются ли ваши короли на свое право, когда вооружают свою военную силу?» — «Конечно, отвечал я, а также и на правоту своего дела». — «Почему же они не изберут третейского суда, которому доверяют и который мог бы их примирить? Если же окажется, что права этих королей равны, почему они не поставят город или провинцию, о которой спорят, на ставку случайного хода игры в пикет? Между тем они допускают, что пробиваются головы четырем миллионам людей, которые стоят гораздо больше, чем они, в то время как сами сидят у себя в кабинетах, посмеиваются, рассуждая об обстоятельствах, при которых происходит избиение этих простаков; однако, не следует мне порицать доблесть ваших добрых собратьев; надо же им умирать за родину. Дело такое важное: быть вассалом короля, который носит широкий воротник, или того, который носит брызжи».

«Но зачем вам нужны все эти осложнения в ведении сражения? Не достаточно ли того, чтобы в армиях было одинаковое количество людей?» — «Вы рассуждаете очень необдуманно, отвечала она. Можете ли вы, победив своего врага в поле один на один, по чести сказать,

что вы победили его в честном бою, если на вас была броня, а на нем нет, если он был вооружен только кинжалом, а вы шпагой, наконец, если у него была только одна рука, а у вас две? В то же время со всем тем равенством, которое вы предписываете вашим гладиаторам, они никогда не бывают равны в бою; один высокого, другой маленького роста; один ловок, другой никогда не держал в руках шпаги; один силен, другой слаб, и хотя бы даже между ними не было неравенства в этих отношениях и один был бы так же силен и так же ловок, как и другой, все же они никогда не будут равны, ибо один из них может быть храбрее другого, хотя бы потому, что эта скотина не признает опасности, потому что он желчен, потому что в нем сильнее играет кровь, потому что сердце у него более крепкое, одним словом потому, что он обладает всеми теми качествами, которые создают храбрость, как будто это не такое же орудие, как шпага, которой нет у врага. И вот он осмеливается без оглядки броситься на него, пугает его и отнимает жизнь у этого несчастного, который предвидит опасность, пыл которого заглушен его жиром и сердце которого слишком обширно, чтобы собрать воедино дух, необходимый для того, чтобы пробить лед, именуемый трусостью. Вы хвалите этого человека за то, что он убил своего врага, одержав над ним победу, и, восхваляя его храбрость, вы хвалите его за противоестественный грех, ибо его отвага ведет к разрушению.

«По этому поводу я вам скажу, что несколько лет тому назад военному совету было сделано

замечание и предъявлено требование ввести для сражений регламент более добросовестный и более тщательно обдуманный. Философ, который по этому поводу высказывал свое мнение, говорил так.

«Вы воображаете, господа, что уравнивали преимущества вражеских сторон, когда выбрали обоих противников рослыми, проворными и храбрыми; но этого недостаточно; для того, чтобы победить, нужны еще ловкость, сила и счастье. Если один из противников побеждает ловкостью, это значит, что он ударил своего врага туда, куда тот не ожидал, или скорей, чем можно было ожидать; или же, делая вид, что он нападает с одной стороны, он ударил его с другой; все это значит хитрить, обманывать, изменять, а обман и измена не достойны поистине благородного человека. Если человек восторжествовал над своим врагом благодаря своей силе, будете ли вы считать, что его враг побежден, раз над ним произведено было насилие? Конечно нет, точно также как вы не скажете, что человек был побежден, если на него свалилась гора и он не мог одержать над ней победы. Точно также и нельзя сказать, что и этого человека одолел враг, потому что он в эту минуту не был в таком состоянии, что мог противостоять напору своего противника.

«Если тот случайно поверг во прах своего врага, приходится восхвалять судьбу, а не его, он сам тут не при чем; наконец, побежденный не более достоин порицания, чем игрок в кости, который сам выкидывает семнадцать очков, тогда как его противник выкидывает восемнадцать.

«Они признали, что он прав, но считали в то же время, что человеческому разумению, повидимому, нет возможности внести в это дело полную справедливость, и что лучше мириться с одним небольшим злом, чем терпеть сотню других, более значительных».

На этот раз она больше со мной не разговаривала, потому что боялась, как бы ее не застали вдвоем со мной так рано поутру. Не то, чтобы в этой стране нецеломудренность считалась преступлением, наоборот, за исключением осужденных преступников, всякий мужчина имеет здесь власть над всякой женщиной, точно так же как всякая женщина может призвать к суду мужчину, который бы отказался от нее. Но она не решалась открыто посещать меня, потому что в последнем заседании Совета было высказано мнение, что главным образом женщины всюду кричат, что я человек, чтобы прикрыть под этим предлогом страстное свое желание соединиться со скотом и без стыда совершить со мной противоестественное преступление. В виду этого я ее долго не видел и не только ее, но ни одну из других женщин.

Однако, повидимому, кто-то продолжал подогревать споры, касающиеся определения сущности моего существа, ибо в то время, когда я уже стал думать только о том, чтобы умереть в своей клетке, за мной еще раз прислали, чтобы сделать мне допрос. В присутствии множества придворных мне ставили вопросы, касающиеся физики, и мои ответы, поскольку я мог судить, не удовлетворили никого из них, ибо председательствующий очень внушительным тоном стал

высказывать мне свою точку зрения на строение мира; его мысли показались мне остроумными, пока он не коснулся вопроса о начале мира, который он считал вечным и находил, что его философия гораздо более разумна, чем наша. Но как только я услышал, что он утверждает идею, столь противоречащую тому, чему учит нас вера, я его спросил, что он может противопоставить авторитету такого великого патриарха, как Моисей, который определенно сказал, что бог создал мир в шесть дней. В ответ на это этот невежда только рассмеялся, тогда я не выдержал и сказал ему, что если до того дошло, то я опять начну верить, что их мир не больше, как луна. «Но, сказали они все, — вы же видите на ней землю, реки, моря; что же все это может быть?» — «Это ничего не значит, отвечал я. Аристотель утверждает, что это только луна; если бы вы стали это опровергать в тех школах, где я учился, вас бы освистали». Тут они разразились громким смехом. Нечего и говорить, что это произошло от их невежества, тем не менее меня отвели в мою клетку. Когда жрецы узнали, что я смею говорить, что та луна, откуда я явился, есть мир, а их мир только луна, они увидели в этих словах достаточно справедливый предлог, чтобы присудить меня к воде: это их способ истреблять безбожников. С этой целью они в полном составе подали жалобу королю; он обещал им правый суд и приказал вновь посадить меня на скамью подсудимых. И вот в третий раз меня вывели из клетки. Слово взял старейший из жрецов, который стал меня обвинять. Я совершенно не помню его речи, так как

я был слишком испуган, чтобы по порядку воспринимать звуки его голоса, а также и потому, что для произнесения этой речи он пользовался инструментом, шум которого меня оглушал: это была труба, которую он выбрал нарочно для того, чтобы этими мощными воинственными звуками возбудить страсти и настроить судей на казнь, вызывая в них чувства, которые помешали бы рассудку исполнить свое дело, подобно тому, как это происходит в наших войсках, где трубные звуки и барабанный бой мешают солдатам размышлять о значении своей жизни. Когда старейший кончил говорить, я встал, чтобы произнести речь в свою защиту, но был избавлен от этого происшествием, которое я вам сейчас расскажу. Едва я успел открыть рот, как человек, с большим трудом пробравшийся сквозь толпу, пал к ногам короля и долго лежал на спине перед ним. Этот образ действий меня не удивил, ибо я знал, что они принимают эту позу тогда, когда хотят говорить публично. Я вложил в ножны свою собственную речь, и вот та, которую мы слышали от него.

«Судьи праведные, выслушайте меня! Вы не можете осудить этого человека, эту обезьяну или этого попугая за то, что он говорил, будто луна — это тот мир, откуда он явился; ибо если он человек и если бы он даже не явился с луны, раз человек вообще свободен, не свободен ли он также воображать себе, что ему вздумается? Как? Разве вы можете его заставить видеть то, что вы видите? Вы можете его заставить говорить, что луна не мир, но он все-таки этому не поверит; ибо для того, чтобы он мог чему-нибудь

поверить, нужно, чтобы его воображению представились некоторые доводы и больше доводов за, чем против; и если вы не доставите ему таких правдоподобных доводов, или если они сами по себе не придут ему в голову, он хотя и скажет вам, что верит вам, однако, это не значит, что он действительно поверит.

«Теперь я докажу вам, что он не должен быть осужден, если вы отнесете его к категории зверей. Ибо, предположив, что он животное, лишенное разума, было ли бы с вашей стороны разумно обвинить его за то, что он согрешил против разума? Он говорит, что луна — это мир; но ведь животные действуют только по инстинкту, которым одарила его природа. Следовательно, через него говорит природа, а не он сам. Было бы крайне смешно думать, что эта мудрая природа, которая сотворила мир и луну, не знает, что такое она сама, и что вы, которые свои знания имеете от нее, понимаете что-либо лучше, чем она сама. Но если бы даже страсть заставила вас отказаться от основных ваших убеждений и вы бы предположили, что природа не руководит животными, вы по крайней мере должны были бы покраснеть от стыда за те страхи, которые вам причиняют причуды этого животного. Действительно, господа, если бы вы встретили человека зрелого возраста, который следил бы за порядком в муравейнике, исполнял там роль полицейского, то давая пощечину муравью, который свалил свою ношу, то сажая в тюрьму того, который похитил хлебное зерно у своего соседа, то отдавая под суд того, кто покинул свои яйца, не сочли ли бы вы такого человека

безумцем за то, что он заботится о вещах, стоящих настолько ниже его, и за то, что он хочет подчинить разумным требованиям животных, разумом не обладающих. Чем же, почтенное собрание, можете вы оправдать интерес, который в вас возбуждают причуды этого маленького животного? Судьи праведные, я сказал».

Как только он произнес эти слова, громкие и мелодические аплодисменты наполнили залу. После того в течение очень долгого времени обсуждались мнения присутствующих; наконец, король вынес такое постановление: отныне я буду почитаться человеком, как таковому мне будет предоставлена свобода, и казнь посредством потопления будет заменена позорным наказанием (ибо в этой стране нет почетных наказаний). Это наказание должно было состоять в публичном покаянии с моей стороны; я должен был отречься от того, что когда-либо утверждал, что луна есть мир, в виду той смуты, которую это новшество могло внести в слабые умы. После того, как был вынесен этот приговор, меня вывели из дворца; ради большего позора меня облекли в роскошную одежду, возвели на высокое сидище великолепной колесницы; колесницу везли четыре принца, на которых надели ярмо, и вот что заставили меня провозгласить на всех перекрестках города.

«Народ, объявляю тебе, что эта луна не луна, а мир; что этот мир не мир, а луна, вот во что ты должен веровать по воле жрецов». После того, как я прокричал это на пяти главных площадях города, я увидел своего адвоката, который протягивал мне руки, чтобы помочь мне сойти с коле-

сницы. Я был очень удивлен, когда, взглядевшись в него, узнал в нем своего демона. Целый час мы обнимались. — «Пойдемте же ко мне, сказал он, ибо если вы вернетесь ко двору после постыдного наказания, на вас посмотрят косо. Впрочем я должен вам сказать, что вы продолжали бы жить среди обезьян, как вы, так и испанец, ваш товарищ, если бы я всюду не расхваливал во всеуслышание остроту и силу вашего ума и не добивался бы в вашу пользу покровительства знатных против пророков». Мы уже подходили к его жилищу, а я все еще продолжал изливать ему свою благодарность. До самого ужина он мне рассказывал о тех пружинах, которые он пустил в ход, чтобы заставить жрецов выслушать его, не смотря на все доводы, которыми они обольщали народ. Мы сидели перед пылающим огнем, так как время года было холодное, и он, вероятно, хотел продолжать рассказ о том, что он сделал, пока я его не видел, но нам пришли сказать, что ужин готов; тут он мне сообщил, что приглашен на следующий вечер двух профессоров из академии этого города, которые и должны были ужинать с нами. «Я наведу их на разговор о той философии, которую они преподают в этом мире, прибавил он; вы кстати увидите сына моего хозяина. Этот молодой человек так умен, что я не встречал ему равного, он был бы вторым Сократом, если бы умел пользоваться своими знаниями и не топил бы в пороке те дары, которыми господь бог его непрестанно осыпает, и не прикидывался бы безбожником из какого-то тщеславия и желания прослыть умным человеком.

Я поселился здесь, чтобы пользоваться всяким удобным случаем на него воздействовать».

Он замолк как бы для того, чтобы предоставить и мне свободу поговорить, затем он подал знак, чтобы с меня сняли позорный наряд, в котором я все еще красовался.

Почти тотчас после этого вошли те два профессора, которых мы ждали, и мы все четверо пошли в комнату, где был приготовлен ужин и где мы застали молодого человека, о котором мне говорил мой демон. Он уже принялся за еду. Профессора низко ему поклонились и вообще оказывали ему такой же почет, как рабы своему господину. Я спросил своего демона, почему это так делается, и он мне отвечал, что причина тому его возраст, так как в этом мире старики оказывают всякого рода уважение и почтение молодым, и, более того, родители повинуются детям, как только те, согласно постановления Сената философов, достигают разумного возраста. «Вы удивляетесь, продолжал он, обычаю, столь противоречащему обычаям вашей страны? Однако это не противоречит здравому смыслу, ибо по совести скажите, когда человек молодой и горячий уже может думать, рассуждать и действовать, не более ли он способен управлять семьей, чем шестидесятилетний дряхлый старик, несчастный безумец, с воображением, застывшим под снегами шестидесяти зим, который в своем поведении руководится тем, что вы называете опытом прежних успехов. Между тем, эти успехи не что иное, как простая случайность, возникшая вопреки всяким правилам экономии и благоразумия. Что касается здравого смысла,

у старика тоже его немного, хотя толпа в вашем мире считает его принадлежностью старости. Но в этом легко разубедиться; нужно только знать, что то, что в старике называется благородием, это не что иное, как панический страх, которым он одержим, и безумная боязнь что-либо предпринять. Поэтому, если он не рискнул пойти навстречу какой-нибудь опасности, от которой погиб более молодой человек, это не потому, что он предвидел катастрофу, но потому, что в нем нехватало огня, чтобы зажечь эти благородные порывы, которые делают нас дерзновенными, между тем, как удалство молодого человека являлось как бы залогом успеха его предприятия, ибо его побуждал к действию тот пыл, от которого зависит и быстрота и легкость выполнения всякого дела. Что касается вопроса о действии, то я бы не дооценивал ваш ум, если бы стал пытаться вам это доказать. Вы знаете, что только молодость способна к действию, а если вы не совсем в этом убеждены, скажите мне, пожалуйста, не за то ли вы уважаете смелого человека, что он может отомстить за вас вашим врагам или тем, кто вас притесняет; а по какому соображению, как не по простой привычке, вы будете его уважать, если батальон из семидесяти январей заморозил его кровь и поразил холодом все благородные порывы к справедливости, которые разжигают сердце молодого человека. Когда вы оказываете почтение сильному, не потому ли что у него есть перед вами обязательство одержать победу, которую вы не можете у него оспаривать. Зачем же подчиняться старику, когда лень размягчила

его мускулы, ослабели его жилы, когда испарился его ум и высох мозг его костей? Если вы поклоняетесь женщине, то не за ее ли красоту? Зачем же продолжать ей поклоняться после того, как старость превратила ее в отвратительный призрак, напоминающий живым только о смерти? Наконец, когда вы любили умного человека, не за то ли, что, благодаря живости своего ума, он разбирался в сложном деле и распутывал его, забавляя своим остроумием общество самого высокого качества; не за то ли, что одним порывом мысли он охватывал всю науку, и что страстное желание походить на него наполняло всякую прекрасную душу? Между тем вы продолжаете оказывать ему почет и тогда, когда его прекрасные органы сделали его слабоумным, тяжеловесным, скучным в обществе и когда он более похож на фигуру божества покровителя очага, чем на здравомыслящего человека. Сделайте отсюда тот вывод, мой сын, что лучше, чтобы управление семьей было возложено на молодых людей, а не на стариков. Было бы очень не умно с вашей стороны думать, что Геркулес, Ахиллес, Эпаминонд, Александр и Цезарь,⁹⁹ которые почти все умерли моложе сорока лет, не заслужили никакого почета, а заговаривающемуся старику вы должны воскуривать фимиам только потому, что солнце восемьдесят четыре раза колосило его урожай. Но скажете вы, все законы нашего мира глубоко проникнуты сознанием того уважения, которое мы обязаны оказывать старикам. Это верно, но ведь устанавливали законы всегда старики, которые боялись, чтобы молодые, и вполне

справедливо, не отняли у них тот авторитет, который они себе насильственно присвоили. Поэтому они, как и законодатели ложных религий, создали тайну из того, чего они не могли доказать. Да, скажете вы, но ведь этот старик — мой отец, а небо обещает мне долгую жизнь, если я буду его почитать. Если ваш отец, о мой сын, не приказывает вам ничего противоречащего внушениям всевышнего, я с вами соглашусь; но иначе топчите чрево отца, который вас породил, утробу матери, которая вас зачала. Я не вижу никакого основания верить в то, что то низкопоклонство, которое порочные родители навязали вашей слабости, было бы настолько приятно богу, чтобы он за это продлил вашу жизнь. Как этот глубокий поклон, которым вы только поощряете гордость вашего отца и которым льстите ей, поможет ли он прорваться нарыву в вашем боку, исцелит ли он вашу гуморальную природу, залечит ли он рану шпаги, пронзившей ваш желудок, растворит ли камень в вашем пузыре? Если это так, то напрасно доктора не прописывают против оспы вместо отвратительных микстур, которыми отравляют человеческую жизнь, трех поклонов на тощак гранмерси после обеда и двенадцати «добрый вечер, мой отец и моя мать» на ночь. Вы мне ответите, что без него вас бы не было на свете. Но ведь и его не было бы на свете без вашего деда и не было бы вашего деда без вашего прадеда, а без вас у вашего отца не было бы внуков. Когда природа произвела его на свет, она сделала это с тем условием, чтобы он возвратил то, что получил взаймы. Поэтому, когда

он произвел вас на свет, он ничего вам не дал, он только отдал свой долг! Да я бы хотел еще знать, думали ли ваши родители о вас в ту минуту, когда они вас зачинали? Увы, вовсе нет! А вы все-таки думаете, что вы обязаны им подарком, который они сделали, совершенно о вас не думая. Как! Потому что ваш отец был так похотлив, что он не устоял против прекрасных глаз неведомого ему дотоле существа, потому что он за деньги удовлетворил свою страсть, потому что изо всей этой грязи произошли вы, вы почитаете этого сладострастника, как одного из семи греческих мудрецов!¹⁰⁰ Как! только потому, что этот скупой приобрел богатое имущество своей жены тем, что сделал ей ребенка, то этот ребенок должен говорить с ним не иначе, как на коленях? Если так, то хорошо, что ваш отец был похотлив и что этот другой был скуп, ибо иначе ни вас, ни сына того скупца никогда бы не существовало. Но интересно знать: если бы он был уверен, что его пистолет попадет в крысу, он не выстрелил бы... Боже правый, в чем только не уверяют людей вашего мира!

«От вашего смертного архитектора вы получили только тело. Ваша душа пришла с небес и могла попасть в другой футляр. Ваш отец мог родиться вашим сыном, а вы его отцом. А почему вы знаете, не помешал ли он вам унаследовать корону? Ваша душа, может быть, покинула небеса с тем, чтобы в утробе императрицы одухотворить тело короля римского;¹⁰¹ по пути она случайно встретила ваш эмбрион и вселилась в него, может быть, ради того, чтобы сократить свое путешествие. Нет, нет, господь

бог, конечно, не вычеркнул бы вас из числа живых, если бы ваш отец умер еще в детстве. Но кто знает, не были ли бы вы сегодня потомком какого-нибудь храброго полководца, который присоединил бы вас к своей славе, так же как и к своему богатству? Поэтому вы можете быть не более обязаны своему отцу той жизнью, которую он вам дал, чем были бы обязаны ему тому морскому разбойнику, который заковал бы вас в кандалы, но кормил бы вас. Я допускаю даже, что он родил бы вас принцем или родил бы вас королем, но подарок совершенно теряет всякую цену, если делается без согласия того, кто его получает. Убили Цезаря, убили и Кассия,¹⁰² но Кассий обязан своею смертию рабу, у которого он ее вымолил, а Цезарь не обязан ей убийцам, ибо они заставили принять ее от них. Разве отец ваш советовался с вами, когда обнимал вашу мать? Разве он спрашивал вас, нравится ли вам этот век, или вы желаете дожидаться другого? Согласны ли вы быть сыном глупца, или вы настолько честолюбивы, что хотите происходить от порядочного человека? Увы! вы, которого единственно касалось это дело, вы были единственный, мнение которого не было спрошено. Может быть, если бы вы были скрыты не в утробе матери природы, а где-либо в другом месте и если бы ваше рождение зависело от вашего выбора, вы сказали бы Парке:¹⁰³ «милая девица, возьми нитку другого: я уже давно пребываю в пустоте и предпочитаю не существовать еще сто лет, чем начать существовать сегодня, чтобы завтра же в этом раскаяться!» Тем не менее вам пришлось пройти

через это, и сколько бы вы ни пищали и ни требовали, чтобы вас вернули в тот длинный и черный дом, откуда вас вырвали, все делали вид, будто думают, что вы хотите сосать грудь.

«Вот, о мой сын, приблизительно причины того уважения, с которым здесь родители относятся к своим детям. Я сознаю, что уклонился в сторону детей несколько больше, чем это требует справедливость, и что я говорил в их пользу даже против своей совести. Но желая покарать ту гордость, которую некоторые отцы противопоставляют слабостям своих детей, я должен был поступить так, как поступают те, кто, желая выпрямить кривое дерево, тянет его в противоположную сторону с тем, чтобы оно росло прямо между двумя искривлениями. Итак, я воздал отцам то деспотически снисходительное отношение, которое они себе присвоили, но отнял у них в то же время много того, что им принадлежало по праву, но я сделал это ради того, чтобы другой раз они довольствовались тем, на что имеют право. Я знаю, что этой апологией молодых людей я обидел всех стариков; но пусть они вспомнят, что и они были детьми, прежде чем сделались отцами, и поймут, что я говорил точно так же и за них. Ведь не под капустным листом они были найдены. Но, в конце концов, что бы ни случилось и если бы даже за мои слова мои враги ополчились против моих друзей, от меня останется только добро, ибо я служил всему человечеству и не угодил только половине».

После этих слов он замолчал, а сын нашего хозяина заговорил так: «Позвольте мне, сказал

он, прибавить несколько слов к тому, что вы сказали, так как благодаря вам я знаком с происхождением, с историей, с обычаями и с философией мира, откуда явился этот маленький человек; я хочу доказать, что дети не обязаны своим родителям своим рождением, потому что их отцы по совести должны были произвести их на свет. Самое узкое из всех философских учений, господствующих в мире, признает, что лучше умереть, чем вовсе не существовать, потому что для того, чтобы умереть, нужно прежде пожить. Не сообщая жизни этому небытию, я его ставлю в положение худшее, чем смерть, и я буду более виновен, если не произведу его на свет, чем если бы я убил его. Ты бы считал, о маленький человек, что совершил убийство, которое никогда тебе не простится, если бы ты зарезал своего сына. Это преступление было бы ужасно, конечно, но гораздо более чудовищно преступление не дать жизни тому, кто мог бы иметь ее; ибо это дитя, у которого ты навсегда отнимаешь жизнь, имело бы удовлетворение некоторое время наслаждаться ею. Правда, мы знаем, что он лишен ее только на несколько веков; и это хорошо; но когда дело идет о сорока малышах, из которых ты мог бы создать сорок хороших солдат твоему королю, то можно сказать, что ты злобно мешаешь им явиться на свет и даешь им гнить в своих чреслах, рискуя ударом паралича, который тебя убьет. Пусть мне не возражают, ссылаясь на преимущества девственности. Все это один только дым, призрак. И в сущности весь почет, которым толпа окружает девство, не обозначает

ничего другого, как совет; но не убивать, не делать своего сына более несчастным, чем мертвеца, — это заповедь. — Почему же, — и это меня удивляет, — если в том мире, где вы живете, воздержание ставится выше размножения во плоти, почему же бог не выводит вас из капли весенней росы, подобно грибам, или по крайней мере, из жирного ила земли, разогретой солнцем, подобно крокодилам? Между тем, он посылает к вам евнухов только случайно; он не вырывает детородных органов ни у монахов, ни у священников, ни у кардиналов. Вы мне скажете, что их дала им природа, да, но он господин природы. И если бы он считал, что этот орган может помешать спасению людей, он приказал бы им отрезать его, как в ветхом завете он приказал евреям обрезать крайнюю плоть. Но все это смешные вздорные идеи. По чести, можете ли вы сказать, что на вашем теле есть места более священные или более проклятые, чем другие? Почему я совершаю преступление, если я прикасаюсь средней частью своего тела, а не тогда, когда чешу себе ухо или пятку? Потому ли, что тут есть щекотание? Так я не должен очищать себя, потому что и это не делается без некторого чувства сладострастия; и благочестивые люди не должны подниматься до созерцания бога, потому что их воображение испытывает при этом удовлетворение? Я удивляюсь, сказать по правде, что при том, насколько противосестественны ваши верования, священники не запрещают у вас людям чесаться в виду той приятной боли, которая при этом испытывается; я кроме того заметил, что преду-

смотрительная природа располагала всех великих людей, храбрых и умных, к ногам любви, пример тому Самсон, Давид, Геркулес, Аннибал, Карл Великий.¹⁰⁴ Разве они вырывали у себя орган этих наслаждений ударом серпа? Увы, природа дошла до того, что под кадкой развратила Диогена худого, безобразного и вшивого и заставила его из ветра, которым он дул на свою морковь, сочинять стихи Лаисе.¹⁰⁵ Конечно, она действовала так из опасения, чтобы не перевелись на свете честные люди. Заключим из этого, что ваш отец был по совести обязан выпустить вас на свет и когда бы он даже воображал, что оказал вам большую услугу, создав вас своим щекотанием, он в сущности вам подарил только то, что последний бык дает своим телятам каждый день по десяти раз ради своего же удовольствия».

«Вы не правы, отвечал мой демон, что хотите учить божественную мудрость. Правда, бог запретил нам злоупотреблять наслаждениями любви. Но как можете вы знать, не потому ли он сделал это, чтобы трудности, которые мы встречаем при борьбе с этой страстью, не заставили нас заслужить славу, которую он нам уготовал? Как можете вы знать, не хотел ли он запрещением их сильнее возбудить желание? Как можете вы знать, не предвидел ли он, что, если молодежь будет предоставлена своим страстям, слишком частое соитие ослабит семя и потомков первого человека приведет к концу мира? Как можете вы знать, не хотел ли он помешать тому что бы плодородная земля не оказалась недостаточной обширной для удовлетворения нужд мно

жества голодных? Наконец, как можете вы знать, что он не захотел этого сделать вопреки разуму, дабы вознаградить всех тех, кто против всякой разумной видимости положился на его слово?»

Этот ответ повидимому не удовлетворил нашего молодого хозяина, ибо он три или четыре раза качал головой на эти слова, но наш общий наставник замолчал, потому что ужин уже готов был улететь.

Мы улеглись на очень мягких матрасах, покрытых большими коврами, и молодой слуга взял самого старого из наших философов и увел его в отдельную залу, куда мой демон крикнул ему вслед, чтобы он вернулся к нам как только поест. Он нам это обещал. Эта фантазия принимать пищу в одиночестве заинтересовала меня и мне захотелось узнать причину этого поступка. «Он не любит, отвечали мне, запаха мяса, ни даже запаха растений, если они погибли от насильственной смерти, потому что считает их способными страдать». — «Меня не удивляет, отвечал я, что он воздерживается от мяса и от всего того, что при жизни обладало чувствами, ибо в нашем мире Пифагорейцы и даже некоторые святые анахореты придерживались такого же режима; но не решаться разрезать кочан капусты из опасения его ранить, это мне кажется совсем смешным». — «А я, сказал демон, нахожу, что его мнение имеет много за себя. Скажите мне, пожалуйста, этот кочан капусты, о котором вы говорите, не есть ли он так же, как и вы, существо, созданное богом? Не одинаково ли бог и воздержание были матерью и отцом как ему, так и вам? Не думал

ли бог извечно о рождении как вас, так и его? Ведь может даже казаться, что он более позаботился о снабжении всем необходимым растения, чем разумного существа; ибо он предоставил зарождение человека капризу его отца, который может по желанию родить его или не родить; однако, он не захотел такую же строгость применить к кочану капусты; и вместо того, чтобы предоставить доброй воле отца произвести сына, и как бы опасаясь гибели рода капусты более чем рода человеческого, он заставляет капусту волей неволей давать жизнь другим существам и не так, как человека, который в лучшем случае может народить их двадцать, между тем как капуста может произвести их четыреста тысяч из одного кочана. Сказать, однако, что Природа любит человека больше, чем капусту, это значит шекотать наше воображение забавными представлениями: неспособный к страсти бог не может ни любить, ни ненавидеть, а если бы он и был способен к любви, то скорей почувствовал бы нежность к капусте, о которой вы говорите, и которая не может его оскорбить, чем к человеку, который, как он предвидел, будет его оскорблять. Прибавьте к этому, что человек не может родиться без греха, будучи сам часть первого человека, который сделал его грешным, но мы хорошо знаем, что первый кочан капусты не навлек на себя гнева своего создателя в земном рае. Говорят, что мы созданы по образу и подобию первоначального существа, а капуста нет. Если бы это и было так, мы давно утратили это подобие, заняв свою душу, которая

одна только могла быть ему подобна,—ибо нет ничего более противного богу, чем грех. Итак, если наша душа уже не представляет из себя его образа, мы не более уподобляемся ему ногами, руками, ртом, лбом и ушами, чем эта капуста своими листьями и цветами, своим стеблем и кочерыжкой. Не думаете ли вы, что если бы это бедное растение могло говорить, оно бы не сказало, когда стали бы его резать: «Человек, дорогой брат, что я сделала такого, за что я заслужила смерть? Я расту только в огородах, меня нет в диких местах, где я бы жила в безопасности; я пренебрегала всяким другим обществом, кроме твоего; как только меня посеят в твоём огороде, я, чтобы выразить тебе свою благодарность, тотчас же вырастаю, протягиваю к тебе руки, отдаю тебе своих детей в виде семян, а в награду за мою учтивость ты меня обезглавливаешь». Вот та речь, которую повел бы этот кочан капусты, если бы он мог говорить. Как! Неужели потому, что он не может жаловаться, мы имеем право применять ему то зло, которому он не может помешать? Если я увижу несчастного бедняка связанным, неужели я имею право его убить, и это не будет преступлением, потому что он не может защищаться. Наоборот, его беззащитность еще усугубит мою жестокость, ибо как бы это несчастное существо ни было бедно и лишено всех наших преимуществ, однако, оно незаслуживает смерти. Из всех жизненных благ, которыми одарено живое существо, капуста обладает только тем, что может производить ростки, и мы отнимаем у нее и это последнее. Не так велик грех

убить человека, ибо он когда нибудь возродится, как грех разрезать кочан капусты и отнять у него жизнь, когда он не может надеяться на другую. Вы уничтожаете душу капусты, убивая ее, тогда как убивая человека, вы только заставляете его переменить место жительства. Я скажу больше того: так как бог, общий отец всего существующего, проникнут одинаковой любовью ко всем своим созданиям, то не разумно ли предположить, что он равномерно распределил свои благодеяния между нами и растениями. Правда, что мы родились раньше их, но в семье господ бога нет права старшинства; поэтому, хотя капуста не имеет, подобно нам, участия в уделе бессмертия, на ее долю вероятно выпало какое-нибудь другое преимущество, которое может быть вознаграждает за кратковременность ее жизни; может быть, это всеобъемлющий разум или совершенное познание всех вещей в их первопричине; потому-то мудрый двигатель вселенной не снабдил ее органами подобными нашим, из которых мы черпаем свое слабое и часто обманчивое рассуждение, но другими в высшей степени искусно выделанными, более сильными и многочисленными, которые ей служат для ведения отвлеченных разговоров. Вы быть может спросите меня, какие из своих великих мыслей капуста когда-либо сообщала нам? Но скажите, пожалуйста, чему же большему научили нас ангелы? Подобно тому, как нет ни соразмерности, ни связи, ни гармонии между тупыми способностями человека и способностями этих божественных существ, точно также, сколько бы ни старалась эта интеллектуальная капуста объяс-

нить нам тайную причину этих чудесных явлений, мы не могли бы их понять, потому что нам недостает органов, способных воспринять эту высокую материю. Моисей, самый великий из философов, который черпал познание природы из нее самой, выражал именно эту истину, когда говорил о древе познания, этой притчей он без сомнения хотел научить нас тому, что растения преимущественно перед нами обладают совершенным знанием. Помни же, о, самый гордый из всех зверей, что хотя капуста, которую ты режешь, молчит и не говорит ни слова, она тем не менее мыслит. Бедное растение не имеет органов, которые позволили бы быть, как воете вы, у него нет органов ни для того, чтобы плакать, рук, чтобы трепетать; однако, у него есть такие органы, при помощи которых оно может жаловаться на зло, которое вы ему причиняете и призывать на вас мщение небес. Наконец, если вы будете настаивать на том, откуда я знаю, что у капусты такие высокие мысли, я вас спрошу, а почему же вы знаете, что у нее их нет, и почему вы думаете, что тот или другой кочан не скажет, наподобие вас, вечером, закрывая свою дверь: «остаюсь, сударыня кудрявая капуста, вашей покорнейшей слугою — кочанная капуста».

На этих словах его речь была прервана тем молодым человеком, который увел нашего философа и который теперь привел его обратно. «Как! уже пообедали?» воскликнул мой демон. Тот отвечал, что пообедал, но не ел десерта, тем более, что физионом разрешил ему попробовать нашего. Молодой хозяин не

стал ожидать с моей стороны просьбы разъяснить ему эту загадку. «Я вижу, сказал он, что этот образ действий вас удивляет. Так знайте, что хотя в вашем мире вы склонны небрежно относиться к уходу за здоровьем, однако, здешним режимом никак не следует пренебрегать. В каждом доме есть физионом, который содержится всем обществом на счет государства; он представляет из себя приблизительно то, что вы называете врачом, с той однако разницей, что он занимается только здоровыми людьми; различные способы лечения, которые он применяет, он определяет на основании пропорции, форм и симметрии членов, на основании черт нашего лица, окраски тела, тонкости кожи, гибкости членов, тембра голоса, цвета, степени тонкости и мягкости волос. Вы не обратили внимания на человека невысокого роста, который вас только что пристально рассматривал? Это физионом здешнего дома. Будьте уверены, что в зависимости от того, как он определил ваше сложение, он разнообразил испарения для вашего обеда. Посмотрите, как далеко от наших кроватей положен матрац, который вам предназначен: очевидно он нашел, что ваш темперамент сильно отличается от нашего, и побоялся, чтобы запах, испаряющийся из отверстий под нашим носом, не распространился до вас, или чтобы испарения от вас не проникли к нам. Вы увидите сегодня вечером, что он будет выбирать цветы для вашей постели с такой же тщательностью.

Во время этого разговора я делал знаки своему хозяину, прося его привести философов

на разговор о какой-нибудь из отраслей той философии, которой они обучали. Он слишком дружественно ко мне относился, чтобы тотчас же не отозваться на мою просьбу и не подать повода для такого разговора. Поэтому я не стану повторять ни тех речей, ни тех просьб, которые привели к исполнению моего желания, тем более, что переход от смешного к серьезному имел слишком незаметный оттенок, чтобы его можно было передавать. Как бы то ни было, читатель, тот из ученых, который вошел последний после многих слов, продолжал так:

«Мне остается доказать, что в бесконечном мире существует множество бесконечных миров. Представьте себе вселенную в виде огромного животного; представьте себе, что звезды — эти миры — каждый сам по себе живут в этом огромном животном, как другие животные, в свою очередь, служат мирами же для других народов, каковы, например, мы, наши лошади, слоны; представьте себе также, что мы в свою очередь являемся мирами по отношению к другим животным еще без сравнения меньшим, чем мы сами, каковы червяки, вши, клещи; что эти последние представляют из себя земной шар для других, совсем неуловимых глазом; и точно так же, как каждый из нас представляется этому мелкому народу обширным миром, очень может быть, что наше тело, наша кровь, наша душа — не что иное, как целая ткань из мелких животных, которые поддерживают друг друга, своим собственным движением сообщают нам движение и, как бы слепо отдаваясь руководству нашей воли, которая служит им кучером, в сущ-

ности ведут нас сами и сообща вызывают то явление, которое мы называем жизнью. Ибо, скажите мне, пожалуйста, неужели трудно поверить тому, что вошь может принять ваше тело за мир и тому, что, когда одна из них путешествует от одного вашего уха к другому, ее товарки могут сказать, что она обошла землю от края до края, или что побывала на другом полюсе. Да, без сомнения, этот маленький народ принимает ваши волосы за леса, поры, наполненные потом, за водоемы, прыщи за озера и пруды, гнойные нарывы за моря, опухоли за наводнения; и когда вы расчесываете свои волосы и свою бороду, они принимают это волнение за прилив или отлив океана. Разве зуд не подтверждает мои слова? Клещ, вызывающий его, не есть ли что иное, как одно из этих маленьких животных, которое отказалось от образованного общества и утвердилось тираном в своей стране? Если вы меня спросите, почему же они больше ростом, чем другие неуловимые для глаза существа, я вас спрошу, в свою очередь, почему слоны больше нас, ирландцы больше испанцев? Что касается образовавшегося волдыря и корки, причина которых неизвестна, они должны были появиться или вследствие разложения тех врагов, которых убили эти маленькие великаны, или вследствие того, что чума, вызванная отбросами пищи, которой до отвала объелись восставшие, оставила в поле кучи разлагающихся мертвых тел, или же наконец потому, что этот тиран, прогнав от себя своих товарищей, которые своими тедами закупоривали поры нашего тела, обра-

зовал таким образом проход для жидкости; она излилась из сферы нашего кровообращения и потому загноилась. Меня может быть спросят, почему один клещ производит так много других? Это не трудно понять, ибо точно так же, как одно восстание вызывает другие, точно также эти мелкие народцы, возбуждаемые дурным примером своих восставших товарищей, стремятся овладеть властью, разнося повсюду войну, смерть и голод. Но, возразите вы, одни люди гораздо менее подвержены зуду, чем другие, между тем все люди одинаково полны этими маленькими животными, ибо они, по вашим словам, создают жизнь. Это верно; поэтому мы и замечаем, что флегматики менее подвергаются чесотке, чем желчные люди; это зависит от того, что народ находится в зависимости от климата, в котором живет; холодное тело более неповоротливо и медленно в своих движениях, наоборот, разжигаемое жарким климатом обитаемого им края, где все пышет и сверкает, тело становится само подвижным и беспокойным. Так как желчный человек обладает более нежным сложением, чем флегматик, потому что большое количество частей его тела обладает жизнью и так как его душа есть результат деятельности маленьких животных, населяющих его тело, он может воспринимать ощущения во всех тех частях своего тела, где копошится эта мелкая скотинка. Между тем как флегматик, обладая меньшим теплом, вызывает деятельность этого подвижного населения лишь в немногих местах своего тела; поэтому он и сам чувствителен лишь в немногих частях. Чтобы

еще больше убедиться в этой всемирной клещевидности, достаточно обратить внимание на то, как при нанесении раны кровь немедленно приливает к ней. Наши доктора говорят, что кровью руководит предусмотрительная природа, которая призывает ее на помощь заболевшим частям тела; из этого следовало бы заключить, что кроме души и духа в нас есть еще третья сущность, обладающая особыми функциями и органами. Потому я и нахожу гораздо более правдоподобным предположение, что эти маленькие животные, когда на них нападают, посылают к своим соседям просить о помощи; те прибывают со всех сторон, но страна не может выдержать такого наплыва людей; они или умирают от голода, или задыхаются в давке. Эта смертность наступает тогда, когда созреет нарыв; что животные в это время уже задохлись и погибли, вы видите из того, что отгнившие части тела становятся нечувствительными; потому-то так часто удается кровопускание, которое прописывают для того, чтобы отвлечь воспаление. Это происходит потому, что эти маленькие животные после того, как множество их погибло, пройдя через отверстие, которое они пытались заткнуть, отказываются помочь своим союзникам, так как сами в небольшой степени обладают силой защищаться каждый у себя».

Этимися словами он заключил свою речь; второй философ, заметив, что нашими взорами, устремленными на него, мы умоляем его в свою очередь взять слово, заговорил так: «Мужи, я вижу, что вы жалеете сообщить этому маленькому

животному, нашему ближнему, некоторые сведения из области той науки, которую мы преподаем; я диктую в настоящее время трактат, с которым был бы очень рад его познакомить, в виду того света, который он проливает на понимание физики; трактат объясняет вечное начало мира. Но так как я очень спешу заставить работать свои меха (ибо завтра город безотлагательно уезжает), вы уж простите мне, я при этом обещаю, что как только город приедет туда, где ему назначено быть, я вас удовлетворю».

При этих словах сын хозяина позвал своего отца, чтобы узнать, который час; получив ответ, что уже пробило восемь, он гневно выкликнул: «Подите сюда, негодяй! Разве я не приказал вам предупредить меня в семь часов. Вам известно, что дома завтра уезжают и что стены города уже уехали». — «Господин, отвечал старик, пока вы обедали, было опубликовано строжайшее запрещение уезжать раньше, чем в следующий за завтрашним день». — «Это все равно, возражал молодой человек, лягнув его, вы должны слепо повиноваться, не стараясь вникать в смысл моих приказаний и помня только мои распоряжения. Скорей подите, принесите ваше чучело». Когда его принесли, молодой человек схватил его за руки, стал его сечь и сек в продолжение четверти часа. «Вот вам, негодяй, кричал он, в наказание за ваше непослушание, я хочу, чтобы вы служили сегодня всеобщим посмешищем, поэтому приказываю вам остальную часть дня ходить на двух ногах».

Бедняга вышел из комнаты весь в слезах, а сын продолжал: «Господа, прошу вас простить проделки этого вспылчивого старика. Я надеялся, что смогу сделать из него что-нибудь путное, но он злоупотребляет моим хорошим отношением. Я с своей стороны уверен, что этот негодяй меня уморит, уже десять раз он меня доводил до того, что я был готов его проклясть».

Как я ни кусал себе губы, я с трудом воздерживался от того, чтобы не рассмеяться над этим миром вверх-ногами; чтобы положить конец этой смехотворной педагогике, от которой я бы разразился хохотом, я стал просить его рассказать мне, что он понимает под путешествием города, о котором он только что говорил.

Он мне отвечал: «Среди наших городов, дорогой чужестранец, есть оседлые и передвижные: передвижные, как, например, тот, в котором мы теперь живем, построены так. Архитектор строит каждый дворец, как вы это видите, из очень легкого дерева; под дворцом он размещает четыре колеса; в толщу самой стены он помещает десять больших раздувальных мехов, трубы которых проходят по горизонтальной линии сквозь верхний этаж от одного щипца до другого, так что, когда приходится перевозить на другое место города, которые пользуются переменной воздуха всякий сезон, каждый домохозяин развешивает перед мехами с одной стороны своего дома множество больших парусов, затем заводится пружина, которая заставляет меха выдувать воздух и с такой силой, что

в несколько дней дома уносятся далее, чем на сто миль. Что касается архитектуры тех городов, которые мы называем оседлыми, то их дома похожи на то, что вы называете башнями, с той только разницей, что они построены из дерева и что посередине, от погреба до самой крыши, сквозь них проходит большой винт для того, чтобы можно было их по желанию повышать и понижать. Земля же под зданием вырыта настолько же глубоко, насколько здание возвышается над землею и все оно построено так, чтобы дома могли быть ввинчены в землю, как только мороз начинает студить воздух; при помощи огромных кож, которыми они покрывают как самый дом, так и вырытую яму, они защищают себя от сурового холода. Но едва теплое дыхание весны смягчит воздух, дома поднимаются кверху при помощи того большого винта, о котором я вам говорил».

Он, кажется, хотел прекратить изливание своего красноречия, но я сказал: «по чести сударь, я никогда бы не подумал, что такой опытный каменщик может быть философом, если бы вы не послужили тому примером. Поэтому, раз сегодня город не уезжает, вы успеете объяснить нам вечное начало мира, о котором вы недавно упомянули. Я вам обещаю, продолжал я, что в награду за это, как только я вернусь на свою луну (а мой наставник — я указал на своего демона — подтвердит вам, что я явился оттуда), я распространю славу об вас и расскажу все, что от вас слышал. Я вижу, что вы смеетесь над этим обещанием, потому что вы не верите, что ваша луна — это мир и что я — ее

обитатель, но я могу вас с своей стороны уверить, что обитатели того мира, которые считают этот мир только луной, будут также надомной смеяться, когда я им скажу, что ваша луна есть мир, что на ней есть деревни и живут в них люди».

Он отвечал только улыбкой и заговорил так:

«Когда мы хотим дойти до начала великого Целого, мы бываем принуждены прибегнуть к трем или четырем нелепостям. Поэтому самое благоразумное, что мы можем сделать, это пойти по тому пути, на котором мы всего меньше будем спотыкаться. Итак, я говорю, что первое препятствие, которое нас останавливает—это понятие о вечности вселенной; ум человека недостаточно широк, чтобы обнять понятие вечности, но он в то же время не может себе представить, что эта великая вселенная, столь прекрасная, столь стройная, могла создаться сама собой; поэтому люди прибегли к мысли о сотворении мира; но подобно тем, кто бросается в реку, чтобы не намочнуть от дождя, они из рук карлика отдали себя в руки великана; однако и это их не спасает, ибо вечность, которую они отняли у вселенной, потому что не могли ее понять, они отдали богу, как будто ее легче себе представить по отношению к нему.

«Эта бессмыслица, или тот великан, о котором я говорил, это и есть сотворение мира. Ибо скажите мне, пожалуйста, разве мог кто-нибудь когда-нибудь понять, как из ничего могло возникнуть нечто. Увы, между ничем и

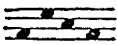
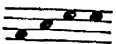
хотя бы атомом существует расстояние такое бесконечное, что самый изощренный ум не сумеет проникнуть эту тайну; чтобы выйти из безвыходного лабиринта, вы должны признать наряду с вечным богом и вечную материю. Но, возрадите вы, если даже и признать вечность материи, каким же образом можно представить себе, что этот хаос организовался сам по себе?— Я вам это сейчас объясню.

«Нужно, о мое маленькое животное, суметь в уме своем разделить всякое видимое тельце на бесконечное число еще меньших невидимых телец и представить себе, что бесконечный мир состоит из одних только этих бесконечных атомов, очень плотных, очень простых и совершенно неподдающихся разложению, из которых одни имеют форму куба, другие форму параллелограмма; одни круглые, другие многоугольные, третьи заостренные, некоторые пирамидальные; есть и шестиугольные, некоторые из них овальные, и все они действуют и движутся различно в зависимости от своей формы. А что это так, вы можете убедиться, положив круглый шар из слоновой кости на очень гладкую поверхность: малейший толчок, который вы ему сообщите, передаст ему движение и он будет безостановочно двигаться в течение нескольких минут. К этому я добавлю, что имей этот шар такую же абсолютно круглую форму, какой обладают некоторые из атомов, и будь поверхность его, на которой он движется, совершенно гладкой, он не остановился бы никогда. Итак, если искусство способно передать телу непрерывное движение, почему не представить себе, что это

может сделать природа? То же самое можно сказать и относительно других форм, из которых некоторые, как, например, квадрат, требуют вечного покоя, другие — движения вкось, некоторые — полу-движения, каково, например, трепетание; шар же, сущность которого есть движение, прикасаясь к пирамидальной фигуре, вызывает может быть то, что мы называем огнем, не только потому, что огонь без усталости находится в беспрестанном движении, но потому, что он легко все пронизывает и всюду проникает. Огонь производит, помимо этого, еще ряд других действий от широты и свойства углов, под которыми шар встречается с другими формами; так, например, огонь в перце есть нечто иное, чем огонь в сахаре, огонь в сахаре — нечто иное, чем огонь в корице, огонь в корице — иное, чем огонь в гвоздике, а этот последний совершенно иное, чем огонь в вязанке хвороста. И огонь, который есть и разрушитель и в то же время строитель как отдельных частей, так и всей вселенной, вырастил и собрал в дубе все многообразие форм, необходимых для того, чтобы образовался этот дуб.

Но, скажете вы мне, каким же образом мог случай собрать в одном месте все вещества необходимые, чтобы произвести этот дуб? Я вам отвечу, что вовсе не в том чудо, что материя, расположившись именно так, образовала этот дуб; чудо было бы гораздо больше, если бы при таком же расположении материи, не образовалось бы дуба; будь немного менее одних форм, вышел бы вяз, тополь, ива, бузина, вереск, мох; немного

более других форм — образовалась бы чувствующая мимоза, или устрица в раковине, червяк, муха, лягушка, воробей, обезьяна, человек. Если вы бросите на стол три игральных кости и у вас на всех трех выпадет одинаковое число двух, трех или четырех, пяти очков или, наконец, две шестерки и одно очко, вы уже не скажете: «О, великое чудо! На каждой кости оказалось одинаковое число очков, тогда как могло выпасть множество других чисел. О, великое чудо! Выпало трое очков два раза подряд. О, чудо великое! выпало два раза по шести очков и оборот еще одной шестерки». Я убежден, что, будучи умным человеком, вы никогда этого не скажете, ибо раз на кости есть только известное число очков, невозможно, чтобы не выпало какое-нибудь одно из этих чисел. И после этого вы удивляетесь, что эта материя, кое-как перемешавшись по прихоти случая, могла образовать человека, тогда как требуется так много для образования его существа. Вы очевидно не знаете, что миллион раз эта материя по дороге к образованию человека останавливалась по пути для создания то камня, то олова, то коралла, то цветка, то кометы и все это вследствие недостатка или вследствие излишества некоторых форм, которые были нужны или не нужны для того, чтобы мог образоваться человек. Таким образом нет никакого чуда в том, что при бесконечном разнообразии различных веществ, непрестанно движущихся и переменяющихся, эти вещества столкнулись так, что образовали те немногие животные, растения, минералы, которые мы видим; также мало чудесного и в том,

что из ста ходов игральными костями попадетс^я один, когда выкинется равное число очков и совершенно невозможно, чтобы из непрерывного движения не образовалось нечто, а это нечто всегда будет служить предметом восхищения какого-нибудь олуха, который не знает, как мало было нужно для того, чтобы это нечто не образовалось вовсе. Когда большая река вертит жернова мельницы, натягивает пружину часов, а маленький ручеек только и делает, что течет и иногда скрывается, вы не скажете, что река очень умна, потому что вы знаете, что она встретила на своем пути великое произведение человеческого искусства, ибо если бы мельница не оказалась на ее пути, она бы не могла превращать пшеницы в порошок; если бы на ее пути не стояли часы, она не показывала бы времени, а если бы маленький ручеек, о котором я говорил, имел бы те же встречи, то совершил бы те же чудеса. Совершенно то же самое происходит и с огнем, который движется сам по себе, так как, найдя органы, способные к колебанию, необходимому для того, чтобы рассуждать, он стал рассуждать; когда он нашел такие, которые оказались способными чувствовать, он стал чувствовать; когда нашел такие органы, которые могли только произрастать, он стал произрастать. Если бы это было не так, почему же человек, которому дает зрение огонь его души, перестает видеть, когда мы выколем ему глаза, точно также, как наши большие часы перестанут показывать время, если мы разобьем их механизм. Наконец, эти первые и неделимые атомы

образуют круг, по которому катятся без затруднений самые запутанные проблемы физики; даже деятельность органов чувств я могу объяснить легко при помощи маленьких телец, хотя до сих пор этого еще никто не мог понять.

«Начнем со зрения: оно заслуживает того, чтобы с него начать, так как этот орган чувств самый сложный и непонятный из всех. Человек видит тогда, как я себе представляю, когда сквозь оболочки глаз, отверстия которых подобны отверстиям в стекле, он выделяет ту огненную пыль, которая называется зрительным лучем, и когда этот луч, остановленный каким-нибудь непрозрачным предметом, отражается от него обратно; ибо тогда он встречает по дороге образ предмета, отразившего его, этот образ есть не что иное, как бесконечное количество мелких телец, непрестанно выделяющихся с поверхности, равной поверхности рассматриваемого предмета, который прогоняет луч обратно в наш глаз.

«Вы конечно не преминете возразить мне, что стекло есть тело не прозрачное и очень плотное, каким же образом оно, вместо того, чтобы оттолкнуть эти маленькие тельца, позволяет им проникнуть сквозь него? Но я вам отвечаю, что поры в стекле высечены по такой же форме, как и огненные атомы, которые через него проходят, что совершенно подобно тому, как решето для пшеницы не годится для овса, а сеялка для овса не годится для того, чтобы просеять пшеницу, точно также ящик из соснового дерева, как бы тонки ни были его стенки

и как бы легко он ни пропускал звуков, непроницаем для зрения, а хрустальный предмет, хотя и прозрачен и проницаем для зрения, но не проницаем для слуха». Тут я не воздержался и прервал его. «Один великий поэт и философ нашего мира, сказал я, говорил об этих маленьких тельцах почти в тех же выражениях, как вы и раньше него о них говорил Эпикур, а еще раньше Эпикура — Демокрит; поэтому ваши речи меня не удивляют, и я прошу вас продолжать их и сказать мне, как же вы объясняете на основании этих принципов отражение вашего образа в зеркале?» — «Это очень просто, отвечал он; представьте себе, что огни вашего глаза проникли сквозь зеркало и встретили за ним непрозрачное тело, которое их отражает; они возвращаются тем же путем, которым пришли, и встречая эти маленькие тельца, которые изошли из нашего тела и которые равными поверхностями шествуют по поверхности зеркала, они возвращают их нашему глазу, а наше воображение, более горячее, чем остальные способности нашей души, притягивает к себе тончайшие из них и создает себе образ в сокращенном виде.

«Не менее легко понять деятельность органа слуха. Чтобы быть более кратким, рассмотрим ее только по отношению к гармонии. Вот лютии, по струнам которых ударяет пальцами искусный музыкант.

«Вы меня спросите, как возможно, чтобы я слухом воспринимал на таком расстоянии от себя нечто, чего я не вижу. Разве из моих ушей выходит губка, которая всасывает эту

музыку, чтобы затем вернуть ее ко мне обратно? Или же этот музыкант, играющий на лютне, порождает в моей голове другого маленького музыканта с маленькой лютней, которому дан приказ напевать мне те же песни подобно эхо? Нет, это чудо происходит от того, что натянутая струна, ударяясь о те маленькие тела, из которых состоит воздух, этим самым гонит их в мой мозг, в который легко проникают эти мельчайшие атомы и в зависимости от того, насколько натянута струна, звук становится более высоким, потому что струна гонит атомы с большей силой; орган слуха, через который они таким образом проникают, доставляет воображению материал, из которого оно может построить себе картину; случается, что этого материала мало, и память наша не может закончить в себе создание всего образа, так что приходится несколько раз повторять одни и те же звуки, с тем, например, чтобы из тех материалов, которые доставляет музыка сарабанды, память могла присвоить их достаточно, чтобы закончить в себе образ этой сарабанды. Впрочем в этой стороне деятельности органа слуха нет ничего более чудесного, чем в другой его деятельности, когда через посредство того же органа звуки нас трогают или вызывают в нас то радость, то гнев, то жалость, то мечтательность, то горе. Это происходит в тех случаях, когда при своем движении одно тельце встречает в нас другое тельце, находящееся в том же движении, или же такие тельца, которые их форма делает способными воспринимать те же колебания. Тогда новые пришельцы по-

буждают и своих хозяев двигаться так, как они движутся. Таким образом, когда воинствующая мелодия сталкивается с огнем нашей крови, они вызывают в нем колебания, подобные своим, и побуждают его вырваться наружу. Это и есть то, что мы называли воинственным пылом. Если звук мягче и у него хватает силы только на то, чтобы вырвать колеблющееся пламя меньших размеров, то оно, прикасаясь к нервам, тканям и порам нашего тела, возбуждает в нас щекотание, которые мы называем радостью. То же происходит с воспламенением остальных наших страстей, которые зависят от большей или меньшей силы, с которой эти крошечные тельца бросаются на нас, от того колебания, которое им сообщается при встрече их с колебаниями других тел, и от того, что они найдут в нас такого, в чем могут вызвать движение; вот все, что я могу сказать по отношению к слуху.

«Доказать то же по отношению к осязанию не трудно, если понять, что всякая осязаемая материя непрерывно выделяет маленькие тельца и что, когда мы к ней прикасаемся, эти тельца выделяются в еще большем количестве, потому что мы выдавливаем их из самого предмета, как воду из губки, когда ее сжимаем. И тогда эти предметы дают органу осязания отчет о себе; твердые — о своей плотности, гибкие — о своей мягкости, шершавые — о своей шероховатости, ледяные — о своем холоде. И если бы это было не так, то мы уже не могли бы ощущать различия, ибо мы не так чутки: руки наши стали ко-
рузлыми от работы вследствие огрубелой мозо-

листой кожи, которая, не имея в себе ни пор, ни жизни, лишь с большим трудом может передавать эти эманации материи. Вам хочется узнать, где орган осязания имеет свое пребывание? Что касается меня, я думаю, что он распределяется по всей поверхности тела, так как чувство осязания передается посредством нервов, а наша кожа не что иное, как невидимое, но непрерывное сплетение этих нервов. Я представляю себе, однако, что чем ближе к голове тот член, которым мы ощупываем, тем лучше мы осязаем. Мы можем проверить это, ощупывая что-нибудь руками при закрытых глазах; мы легко угадываем, что это за предмет, тогда как, если бы мы ощупывали тот же предмет ногами, нам трудно бы было догадаться. Это происходит от того, что наша кожа повсюду покрыта мелкими отверстиями и ваши нервы, которые состоят из материала не более плотного, чем кожа, теряют множество этих атомов сквозь отверстия своей ткани, прежде чем дойдут до нашего мозга, являющегося конечной целью их путешествия. Мне остается только сказать еще несколько слов о вкусе и обонянии.

«Скажите, пожалуйста, когда я отведываю какого-нибудь плода, не от тепла ли моего рта он тает? Сознаться же, что раз груша заключает в себе соли, которые, растворившись, распадаются на множество мелких телец, обладающих другой формой, чем те, которые придают вкус яблоку, то очевидно эти тельца проникают в наше нёбо совершенно различным образом, точно так же как боль от раны, нане-

сенной острием штыка, который меня пронзает, не похожа на внезапную боль, причиненную пистолетной пулей, и эта же пистолетная пуля вызывает во мне совершенно иную боль, чем стальная прямоугольная стрела.

«О запахе я ничего не могу прибавить, так как сами философы признают, что он ощущается благодаря постоянному выделению мелких телец, которые отделяются от общей массы и по пути ударяют нам в нос.

«На основании этих начал, я вам сейчас объясню образование гармонии и действие небесных сфер, а также неизменное разнообразие метеоров».

Он хотел продолжать, но в эту минуту вошел старый хозяин и напомнил философу о том, что наступило время удалиться на покой. Он принес для освещения залы хрустальные сосуды, наполненные светляками, но эти огоньки очень ослабевают, когда светлячки не заново пойманы, а принесенные насекомые почти не освещали, так как уже десять дней находились в заключении. Мой демон, не желая, чтобы общество было этим обеспокоено, поднялся в свой кабинет и тотчас вернулся оттуда с двумя такими блестящими огненными шарами, что все удивились, как он не обжег себе пальцы. «Эти неугасимые светочи, сказал он, послужат вам лучше, чем ваши стеклянные шары. Это солнечные лучи, которые я очистил от жара, иначе губительные свойства этого огня повредили бы вашим глазам, ослепляя их. Я закрепил свет и заключил его в эти прозрачные бокалы, которые я держу в руках. Это не должно вас уди-

влять, так как для меня, родившегося на солнце, сгущать его лучи, которые являются пылью того мира, представляет не более труда, чем для вас собрать пыль или атомы, которые не что иное, как превращенная в порошок земля вашего мира».

После этого был произнесен панегирик детям солнца, а затем молодой хозяин послал своего отца проводить философов, и так как было темно, то к его ногам была подвешена дюжина стеклянных шаров. Что касается нас, т. е. молодого хозяина, моего наставника и меня, то по приказанию физионома мы отправились спать. Он уложил меня на этот раз в комнату, усыпанную лилиями и фиалками, и прислал по обыкновению молодых людей, которые должны были меня щекотать; на другой день в девять часов ко мне вошел мой демон и рассказал, что он только что вернулся из дворца, куда его вызывала одна из придворных девушек королевы, что она справлялась обо мне и настаивала на своем намерении сдержать данное ею мне слово, т. е. последовать за мной, если я только соглашусь увести ее в другой мир. «Я был особенно обрадован тем, продолжал он, что главным побуждением к совершению этого путешествия является ее желание стать христианкой. Поэтому я ей обещал притти на помощь в осуществлении этого желания всеми силами, находящимися в моем распоряжении, и изобрести с этой целью машину, которая в состоянии будет вместить одновременно трех или четырех людей и при помощи которой вы сможете подняться. Я сегодня же примусь за выполнение

этого намерения и потому, чтобы развлечь вас, пока меня с вами не будет, я вам оставляю книгу. Я ее когда-то привез из своей родной страны, она озаглавлена: «Государства и Мистерии на Солнце» с прибавлением: «История Искры». Я вам даю еще и другую, которую я ценю еще выше; это великое произведение философов, которое написал один из величайших умов на Солнце.¹⁰⁶ Он указывает здесь, что истина есть во всем и объясняет, каким образом можно одновременно признавать противоречивые истины, как, например, то, что белое есть черное, а черное есть белое; что можно одновременно быть и не быть; что может существовать гора без долины и долина без горы; что ничто есть нечто и, что все, что существует, в то же время не существует. Но заметьте, что все эти невероятные парадоксы он доказывает без каких бы то ни было софистических рассуждений и хитро-сплетений. Когда вам надоест читать, вы можете погулять или побеседовать с сыном нашего хозяина; в его уме есть много привлекательного; что мне в нем не нравится, это то, что он безбожник. Если случится, что он вас скандализировал, или каким-нибудь своим рассуждением поколеблет вашу веру, не преминьте тотчас же мне об этом сообщить, и я разрешу ваши сомнения. Другой приказал бы вам прекратить с ним сношения, но так как он чрезвычайно тщеславен, я убежден, что он принял бы ваше бегство за признание вашего поражения, и если бы вы отказались выслушать его доводы, он бы вообразил, что наша вера ни на чем не основана. Обдумывайте свободную жизнь».

Он ушел с этими словами, ибо они служат в здешнем мире прощальным приветом, точно так же, как после принятого у нас приветия: «господин—я ваш слуга»; также и при встрече здесь говорят: «Люби меня мудрец, ибо и я люблю тебя».

Он едва успел удалиться, как я принялся внимательно рассматривать свои книги и их ящички, т. е. переплеты, которые меня поразили своим великолепием: один был высечен из цельного алмаза, без сравнения более блестящего, чем наши; другой представлял собою огромную жемчужину, рассеченную на две половины. Мой демон перевел эти книги на язык, который употребляли в здешнем мире. Я не говорил еще о принятом у них способе печатания, потому я вам объясню, каковы были эти два тома.

Открыв ящик, я нашел в нем какой-то металлический непонятный предмет, похожий на наши часы. В нем была масса пружин и еле видимых машинок. Это книга несомненно, но книга чудесная; в ней не было ни страниц, ни букв; одним словом — это такая книга, что для изучения ее совершенно бесполезны глаза, нужны только уши. Поэтому тот, кто хочет читать, заводит при помощи огромного количества разного рода мелких ключей эту машину; затем он ставит стрелку на ту главу, которую желает слушать, и тотчас же из книги выходят как из уст человека или из музыкального инструмента все те отдельные разнообразные звуки, которые служат знатым жителям луны для выражения своих мыслей. Когда я подумал об этом

изумительном изобретении, я перестал удивляться, что в этой стране молодые люди в шестнадцать или восемнадцать лет обладают большими знаниями, чем у нас старики; они выучиваются читать одновременно с тем, как выучиваются говорить, и всегда могут читать в комнате, во время прогулки, в городе, во время путешествия, пешком, верхом на лошади; всегда они могут иметь у себя в кармане или привешенными к луке седла штук тридцать этих книг и им стоит завести пружину, чтобы услышать одну главу или несколько глав или же целую книгу, если им это вздумается. Таким образом здесь вас всегда окружают великие люди, живые и умершие, которые с вами как бы беседуют.

Более часа я занимался этим подарком, наконец, повесив эти книги себе на уши, в виде серег, я пошел в город, чтобы погулять. Едва я успел пройти по улице, находившейся против нашего дома, как увидел на другом конце довольно многочисленную толпу людей, имевших печальный вид.

Четверо из них несли на своих плечах нечто похожее на гроб и покрытое черным. Я спросил одного из стоявших на улице зрителей, что означает это шествие, напоминающее мне торжественные похоронные процессии в нашем мире; он мне отвечал, что накануне умер человек злой, заклеянный народом посредством щелчка по правой коленке, избитый в зависти и неблагодарности. Более двадцати лет тому назад он был осужден парламентом к смерти в своей кровати и после смерти к по-

гребению. Я рассмеялся его ответу, а он спросил меня, почему я смеюсь. «Вы меня удивляете, сказал я, когда говорите, что то, что в нашем мире является признаком благодарности, т. е. долгая жизнь, покойная смерть и пышное погребение, что все это в здешнем мире служит примерным наказанием». — «Как? вы считаете погребение за благословение», возразил мне этот человек. «Но по чести, можете ли вы себе представить нечто более страшное, чем мертвое тело, ползающее от множества червяков, которые в нем кишат, отданное на съедение жабам, которые грызут его, одним словом чуму, облеченную в человеческое тело. Боже милосердный! Одна только мысль о том, что, когда я умру, лицо мое будет покрыто простыней и надо мной будет лежать слой земли в пять локтей, уже отнимает у меня дыхание. Этот негодяй, которого несут перед вашими глазами, был приговорен не только к тому, чтобы его тело было брошено в могилу, но и к тому, чтобы во время похорон его сопровождало сто пятьдесят его друзей, а им было приказано в наказание за то, что они любили завистника и неблагодарного человека, явиться на эти похороны с печальным лицом; если бы судьи не сжалились над ними и не приписали его преступления недостатку его ума, то был бы отдан приказ, чтобы они на похоронах плакали. Здесь сжигают всех, кроме преступников; и это обычай очень пристойный и очень благородный, ибо мы думаем, что так как огонь отделяет чистое от нечистого, то тепло, исходящее из пламени, при сожжении по симпатии привлекает то естественное тепло,

которое составляло душу умершего, и дает ей силу, поднимаясь все выше и выше, достигнуть какого-нибудь светила, представляющего собою землю, обитаемую другим народом, более бесплотным и более интеллектуальным, чем мы, потому что его темперамент соответствует чистоте того светила, на котором он обитает, составляя его часть; и там это животворное пламя, еще более очистившееся благодаря утонченности элементов этого мира, создает нового гражданина этой огненной страны.

«И это еще не самый прекрасный из способов похорон, которым мы пользуемся. Когда кто-нибудь из наших философов достигает того возраста, когда он чувствует, что слабеет его ум и застывают его чувства, он собирает своих друзей на роскошный пир, разъясняет им все причины, заставляющие его принять решение проститься с жизнью, говоря, что он уже мало надеется что-либо прибавить к совершенным им уже деяниям; тогда ему или оказывают милость, т. е. позволяют ему умереть, или дают строгий приказ продолжать жить. Когда же, на основании решения, вынесенного по большинству голосов, ему отдают во власть его дыхание, он сообщает о назначенном для смерти месте и дне своим самым близким и дорогим. Эти последние очищают себя и воздерживаются от еды в течение двадцати четырех часов; затем, придя к жилищу мудреца, они входят в комнату, где благородный старик ожидает их на парадной кровати. Каждый из них по очереди и согласно своему положению подходит к нему и целует его; когда очередь дохо-

дит до того, кого он любит больше всех, то, нежно поцеловав его, он нежно прижимает его к своему животу и, прильнув своим ртом к его рту, он правой свободной рукой пронзает свое сердце кинжалом. Любящий друг не отрывает своего рта от рта умирающего любимого человека, пока не почувствует, что он испустил последнее дыхание; тогда он вынимает кинжал из его сердца и, закрывая рану своим ртом, глотает его кровь, которую высасывает сколько может; его сменяет другой, а первого уносят и укладывают на кровать; когда насытится второй, его тоже укладывают и он уступит место третьему; наконец, после того, как это проделает все общество, каждому приводят шестнадцати или семнадцатилетнюю девушку и в течение тех трех или четырех дней, которые они проводят в наслаждениях любви, они питаются только мясом умершего, которое должны есть в совершенно сыром виде с тем, что если от ста объятий уродится хотя бы одно существо, они могли бы быть уверены, что это ожил их друг». Я не дал себе злоупотреблять терпением этого человека и оставил его продолжать свою прогулку. Хотя я недолго гулял, однако, на эти зрелища и на посещение некоторых мест в городе я потратил столько времени, что когда я вернулся, обед ждал меня уже два часа. Меня спросили, почему я так запоздал. «Я не виноват, сказал я повару, который жаловался; я несколько раз спрашивал на улице, который час, но мне отвечали только открывая рот, сжимая зубы и поворачивая лицо в сторону».

«Как, воскликнуло все общество, вы еще не знаете, что этим они показывали вам который час?

«По чести, им бы долго пришлось выставлять на солнце свои длинные носы, прежде чем я бы это понял!» Это большое удобство, которое дает им возможность обходиться без часов, ибо зубы служат им самым верным циферблатом; когда они хотят кому-нибудь указать время, они раскрывают губы; и тень от носа, падающая на зубы, показывает как на солнечных часах то время, которое интересует любопытного. Теперь, чтобы вам было понятно, почему в этой стране у всех большие носы,¹⁰⁷ знайте, что как только женщина родила ребенка, матрона несет его начальнику Семинарии; а в самом конце года собираются эксперты; если его нос находят короче той определенной нормы, которая хранится у старшины, он считается курносым и его отдают в руки людей, которые его кастрируют. Вы спросите меня, какова причина этого варварства, и как возможно, что мы, для которых девство есть преступление, насильно производим девственников? Но да будет вам известно, что мы стали поступать так после того, как в течение тридцати веков наблюдали, что большой нос есть вывеска, на которой написано: вот человек умный, осторожный, учтивый, приветливый, благородный, щедрый; маленький же нос—признак противоположных пороков. Вот почему из курносых у нас делают евнухов: республика предпочитает не иметь детей, чем иметь таких, которые были бы на них похожи».

Он еще говорил, когда я заметил, что вошел совершенно голый человек. Я тотчас же сел и

надел на себя шляпу, чтобы оказать ему почет, ибо покрыть свою голову — это самый большой знак уважения, который можно оказать в этой стране. «Правительство, сказал он, желает, чтобы вы сообщили властям о своем отъезде в ваш мир, потому что один математик только что обещал Совету, что если только вы, вернувшись к себе, согласитесь построить одну машину, устройству которой он вас научит и которая будет соответствовать другой машине, которую он построит здесь, он притянет ваш земной шар и присоединит его к нашему». — «Скажите, же, пожалуйста, сказал я, обращаясь к своему хозяину, когда тот ушел, почему у этого посланного на пояс был мужской член из бронзы? Я наблюдал это уже несколько раз, пока сидел в клетке, но не решался об этом никогда спрашивать, потому что меня окружали прислужницы королевы и я боялся нарушить уважение, приличествующее их полу и званию, обратив их внимание на столь неприличный предмет». Он же мне отвечал: «Самки здесь, точно так же как и самцы, вовсе не так неблагодарны, чтобы краснеть при виде того, что их создало, и девушки не стыдятся того, что им нравится видеть на нас, в память своей матери природы, единственную вещь, которая носит ее имя. Знайте же, что пояс, данный этому человеку как знак отличия и на котором висит в виде медали изображение мужского члена, есть символ дворянина; это тот знак, который отличает человека благородного происхождения от простолюдина». Этот парадокс показался мне до такой степени странным, что я не мог воздержаться от смеха.

«Этот обычай представляется мне весьма странным, возразил я, ибо в нашем мире признаком благородного происхождения является право носить шпагу». Но хозяин, нисколько не смутившись, воскликнул: «О, мой маленький человечек! Как! Знатные люди вашей страны так стремятся выставить напоказ оружие, которое служит признаком палача, которое выковывается только с целью уничтожения, которое, наконец, есть заклятый враг всего живущего; и в то же время вы скрываете тот член, без которого мы бы не существовали: он есть Прометей всего живого и неутомимый исправитель ошибок природы. Несчастливая страна, где позорно то, что напоминает о рождении, и почетно то, что говорит об уничтожении. И вы называете этот член позорной частью тела, как будто есть нечто более почетное, чем давать жизнь, и нечто более позорное, чем ее отнимать». Во время всего этого разговора мы продолжали обедать, а тотчас после обеда отправились в сад подышать свежим воздухом. Происшествия дня и красота местности заняли наше внимание на некоторое время, но так как я все время был одушевлен благородным желанием обратить в нашу веру душу, стоявшую так высоко над уровнем толпы, я стал увещевать его, умоляя не допустить до того, чтобы погрязнул в материи блестящий ум, которым его одарило небо; я убеждал его освободить из-под звериных тисков свою душу, способную созерцать божество, и серьезно подумать о том, чтобы в будущем проводить свое бессмертие не в страдании, а в радости.

«Как, возразил он, расхохотавшись, вы считаете, что ваша душа бессмертна и что в этом ее преимущество перед душой животных? По правде сказать, ваша гордость очень дерзновенна и откуда заключаете вы, скажите, пожалуйста, об этом бессмертии, которым люди пользуются преимущественно перед животными? Из того ли, что мы одарены способностью рассуждать, а они нет? Во-первых, я это отрицаю и докажу вам, если вы хотите, что они рассуждают так же, как и мы. Но если бы даже было верно то, что разум есть преимущество, предоставленное исключительно человеческому роду, разве это значит, что бог должен одарить человека бессмертием на том основании, что одарил его разумом? На том же основании я должен был бы сегодня дать этому бедняку десять франков, потому что вчера дал ему пять. Вы сами видите, как ложен этот вывод, и что наоборот, если я справедлив, то вместо того, чтобы дать десять франков этому, я должен дать тому пять, так как он от меня ничего не получал. Из этого нужно вывести такое заключение, мой дорогой товарищ, что бог, который еще в тысячу раз более справедлив, чем мы, не мог излить всех своих благодеяний на одних, с тем чтобы другим не дать ничего. Если вы будете ссылаться на пример старших сыновей в вашем мире, которым выпадает на долю почти все имущество семьи, я вам скажу, что это происходит от немощи родителей, которые, желая сохранить свое имя, боятся, чтобы оно не погибло и не заглохло в бедности. Но бог, который не может ошибаться, конечно, так бы

не поступил и так как вечности у бога нет ни раньше ни после, то младшие сыновья у него не моложе старших».—Я не скрою, что эти рассуждения поколебали меня. «Вы мне разрешите прекратить разговор на эту тему, так как я не чувствую себя достаточно сильным, чтобы вам возражать. Я пойду к нашему наставнику и попрошу его разрешить все эти затруднительные вопросы».

Не ожидая его ответа, я тотчас же поднялся в комнату демона и, не теряя времени, сразу сообщил ему все возражения против бессмертия души, которые только что слышал, и он мне отвечал: «Сын мой, этот молодой ветреник страстно желает вам доказать, что нет никакого правдоподобия в том, чтобы душа человека была бессмертна; иначе бог был бы не справедлив, так как он, который признает себя общим отцом всего живущего, одарил бы преимуществами один вид существ, а всех остальных предоставил бы небытию или страданию. Эти доводы кажутся блестящими только издали. Я же его спрошу: почему он знает, что то, что кажется нам справедливостью, есть также справедливость в глазах бога? Почему он знает, мерит ли бог на наш аршин? Почему он знает, что наши законы и наши обычаи, которые были учреждены только для того, чтобы умиротворить наши раздоры, точно так же нужны всемогуществу божьему? Я не буду останавливаться на всех этих вещах, ни на тех божественных ответах, которые давали всему этому отцы вашей церкви, и открою вам одну тайну, которая еще никому не была открыта.

«Вы знаете, о мой сын, что из земли образуется дерево, из дерева свинья, из свиньи человек, и так как мы видим, что в природе все существа стремятся к усовершенствованию, не естественно ли думать, что все они стремятся к тому, чтобы стать человеком, ибо сущность человека есть завершение самого прекрасного смещения, выше которого нельзя себе ничего представить на свете: он один соединяет в себе жизнь животную и жизнь ангельскую. Нужно быть педантом, чтобы отрицать эти метаморфозы; разве мы не видим, что сливное дерево благодаря теплу, заключенному в его семени, всасывает в себя и затем переваривает ту траву, которая растет вокруг него; что свинья пожирает этот плод и превращает его в часть самой себя; что человек, съедая свинью, согревает эту мертвую плоть, присоединяет ее к себе и воскрешает это животное в более благородном виде, так что первосвященник, которого вы видите с митрой на голове, был может быть шестьдесят лет тому назад пучком травы в моем саду. И так бог, будучи общим отцом всех тварей, любит их одинаковой любовью, и не правдоподобно ли, что согласно этому учению о перевоплощении, более обоснованному, чем учение пифагорейцев, все, что чувствует, все, что произрастает, одним словом, вся материя, должна пройти через человека и после этого уже наступит тот великий день суда, который является у пророков завершительной тайной их философии».

Очень довольный разговором, я спустился в сад и стал пересказывать своему товарищу то;

чему научил меня наш учитель, но в это время пришел физионом и увел нас ужинать, а затем спать. Я не буду повторять подробностей этого, так как меня накормили, а затем уложили спать, так же как и накануне.

На другой день, как только я проснулся, я отправился к своему противнику и хотел его поднять с постели. «Видеть такой великий ум как ваш, погруженный в сон, это такое же великое чудо, как видеть пламя, которое бездействует». Ему был неприятен этот неудачный комплимент. «Но, закричал он с гневом, к которому примешивалась любовь, неужели вы никогда не отдаетесь от употребления таких слов, как чудеса? Знайте же, что употреблять эти слова значит клеветать на звание философа и что так как для мудреца нет на свете ничего такого, чего бы он не понимал или не считал доступным пониманию, то он должен ненавидеть все такие слова, как «чудеса», «сверхестественное», выдуманные глупцами, чтобы оправдать немощь своего разума».

Я счел тогда долгом своей совести взять слово, чтобы вывести его из заблуждения. «Хотя вы и не верите в чудеса, но я должен вам сказать, что они происходят и притом часто. Я видел их своими глазами. Я видел более двадцати больных, исцеленных чудом». — «Вы утверждаете, что они были исцелены чудом, сказал он, но вы не знаете, что сила воображения способна исцелять все болезни, благодаря существованию в природе бальзама целебного вещества, заключающего в себе все свойства, противоположные естеству болезней, на нас нападающих. Наше

воображение, предупрежденное болью, отправляется в поиски за специфическим средством, которое оно противопоставляет яду болезни и исцеляет нас. По той же причине умный врач вашего мира посоветует больному обратиться предпочтительно к невежественному доктору, который считается искусным, чем к очень искусному, который считается невежественным, ибо он знает, что наше воображение, работая на пользу нашего здоровья, вполне может нас исцелить если только ему сколько-нибудь приходится на помощь и лекарство. Он знает также, что самое сильное лекарство окажется бессильным, если воображение не будет его применять. Ведь вас не удивляет, что первые люди, населявшие вашу землю, жили несколько веков, не имея понятия о медицине.

«Здоровье их было еще в полной силе, точно также как этот всемирный бальзам еще не был рассеян по всем тем лекарствам, которыми вас пичкают ваши доктора; в то время, чтобы выздороветь, людям достаточно было этого сильно пожелать и представить себе, что они здоровы. Их фантазия ясная, мощная и напряженная, погружалась в этот жизненный элексир и применяла действительное к страдательному и почти в одно мгновение они чувствовали себя такими же здоровыми, как до болезни. И теперь иногда совершаются удивительные исцеления, но чернь приписывает их чуду. Я с своей стороны совершенно этому не верю и на том основании, что гораздо естественнее предположить, что ошибаются эти болтуны, чем допустить, что такое дело действительно совершилось. Я их спрошу:

не естественно ли то, что человек, выздоровевши от лихорадки, во время болезни, страстно желая исцелиться, давал обеты. По необходимости он должен был или умереть, или продолжать болеть, или же выздороветь. Если бы он умер, сказали бы, что бог вознаградил его за его страдания; с некоторой насмешливой двусмысленностью сказали бы даже, может быть, что по молитве больного бог исцелил его от всех недугов; если бы он продолжал болеть, сказали бы, что недостаточна была его вера; а так как он исцелился, то сказали, что это несомненное чудо. Не более ли естественно думать, что его воображение, возбужденное страстным желанием выздороветь, вызвало это выздоровление. Ибо я вполне допускаю, что он спасся от смерти. А сколь многие из тех, кто давали обеты во время болезни, погибли вместе со своими обетами?»

«Но, по крайней мере, возразил я, если правда то, что вы говорите об этом бальзаме, это есть признак разумности нашей души, ибо в этом случае, не пользуясь нашим рассудком и не опираясь на нашу волю, даже будучи как бы вне ее — она тем не менее сама по себе применяет действительное к страдательному. Если же, действуя независимо от нас, она действует разумно, необходимо признать, что она имеет духовную сущность; а если вы признаете, что она такова, я вывожу из этого заключение, что она бессмертна, ибо смерть животного наступает только вследствие изменения его форм, а оно возможно лишь в материи». Тут этот молодой человек привстал на кровати, усадил меня около себя, и заговорил так:

«Что касается души животных, которая телесного происхождения, то я удивляюсь тому, что она умирает, так как она быть может не что иное, как гармония четырех свойств, или сила крови, или же удачно приложенная соразмерность органов; но меня очень удивляет то, что наша душа, интеллектуальная, разумная, бесплотная и бессмертная, принуждена выходить из нашего тела по тем же причинам, как душа вола. Разве она заключила с нашим телом такой договор, что когда удар саблей пронзит его сердце и свинцовая пуля проникнет в его мозг, или штык проколет его мышцы, она тотчас же покинет свой продырявленный дом? Да и в таком случае ей бы пришлось часто нарушать свой договор, ибо одни умирают от той самой раны, от которой другие выздоравливают. Нужно было бы думать, что каждая душа заключила особый договор с своим телом. Очевидно эта душа, которая так умна, в чем нас все время хотят уверить, сильно стремится выйти из своего жилища, хотя она знает, что после этого ей будет приготовлено помещение в аду. Но если эта душа духовна и разумна сама по себе, как они говорят, если она способна рассуждать, когда она отделена от нашей плоти, точно также, как и в то время, когда облечена плотью — если все это так, скажите, пожалуйста, почему же в таком случае слепорожденный не может даже представить себе, что значит видеть, несмотря на все преимущества, которыми одарена эта душа. Почему глухой не слышит? Не потому ли, что смерть еще не лишила его всех чувств? Как! Неужели же потому, что у меня есть левая рука,

я не могу пользоваться правой? Желая объяснить, почему душа не может действовать помимо чувств, хотя бы она была и нематериальна, они приводят пример художника, который не может написать картину, если у него нет кистей. Да, но это не значит, что если бы этот художник вдобавок потерял краски и карандаши и полотно, он написал бы лучшую картину. Наоборот! Чем больше препятствий он встретит, тем менее возможной станет для него работа. И тем не менее они утверждают, что та же душа, которая может действовать весьма несовершенно, утратив в течении жизни одно из своих орудий, может действовать совершенно, когда после нашей смерти она потеряет все эти орудия. Если они будут повторять свой припев, что эти орудия ей не нужны и она без них будет выполнять свои функции, я им повторю свой припев, что нужно высечь тех слепых, которые притворяются, что они ничего этого не видят».

«Но, сказал я, если бы наша душа была смертной — а я вижу, что вы хотите вывести из вашей речи это заключение, — это значит, что то воскресение, которое мы ожидаем — одна лишь иллюзия? Ибо, если вы правы, то богу пришлось бы вновь создавать души, а это уже не было бы воскресением?»

«Эх, прервал он меня, качая головой, кто убаюкивал вас этими сказками?» — «Как! вы, я, моя служанка — мы все воскреснем?» — «Это вовсе не вымышленная сказка, это неоспоримая истина, которую я вам докажу». — «А я — сказал он — докажу вам противоположное. Для начала я сделаю предположение, что вы съели

магометанина. Вы, таким образом, превратили его в свою сущность. Этот переваренный магометанин превращается частью в плоть, частью в кровь, частью в спермы. Вы обнимаете вашу жену, а из семени, произошедшего целиком от умершего магометанина, вы производите на свет хорошенького маленького христианина. Я спрашиваю: получит ли магометанин свою плоть в воскресении? Если земля вернет ему эту плоть, то маленький христианин не получит своей, так как оно в целом есть только часть тела магометанина. Если вы мне скажете, что маленький христианин получит свою плоть, это будет значить, что бог отнял у магометанина то, что маленький христианин получил только от магометанина. Таким образом неизбежно, чтобы тот или другой остались без плоти. Вы мне возразите, быть может, что бог создает новую материю, чтобы дать ее тому, у кого ее нехватает. Да, но тут возникает новое затруднение: представьте себе, что воскресает проклятый магометанин и бог доставляет ему совершенно новое тело, так как его тело целиком украл христианин; но ведь не тело само по себе, ни душа сама по себе не составляют человека, а только соединение того и другого в одном существе, так как и тело и душа одинаково составляют его часть; поэтому, если бог даст магометанину другое тело, чем его прежнее, то будет уже не тот магометанин, а другое лицо. Таким образом бог осуждает на вечное мучение другого человека, а не того, который заслужил ад. Это тело развратничало, оно преступно злоупотребило всеми своими чувствами, и бог, чтобы

наказать его, подвергает в огонь другое тело, девственное, чистое, которое никогда не воспользовалось своими чувствами для совершения малейшего преступления. А еще смешней обстояло бы дело, если бы это тело одновременно заслужило и рай и ад. Ибо, как магометанин, он должен быть осужден; как христианин, он должен быть спасен; если бог поместит его в рай, он будет несправедлив, заменяя славой осуждение, которое это тело заслужило, как тело магометанина; если он ввергнет его в ад, он тоже будет несправедлив, заменив вечной смертью блаженство, которое заслужил христианин. Поэтому, чтобы быть справедливым, он должен одновременно вечно осуждать и вечно спасать этого человека».

Тут я заговорил такими словами: «я ничего не могу возразить на ваши софистические аргументы против воскресения. Но дело в том, что так сказал бог, а бог не может лгать». — «Не спешите, возразил он, — вы уже прибегаете к аргументу: так сказал бог; но прежде нужно доказать, что бог существует. Что касается до меня, то я отрицаю это совершенно».

«Я не стану терять времени на то, чтобы повторять вам те неопровержимые доказательства, которыми пользовались философы для того, чтобы установить существование бога. Пришлось бы повторить все то, что писали здравомыслящие люди. Я вас спрошу только, какому неудобству вы подвергнете себя, если поверите этому. Я уверен, что вы не можете мне указать ни одного; итак, если от веры в бога не может произойти ничего, кроме пользы, почему вам

себя в этом не убедить? Ибо, если бог есть, помимо того, что вы, не веря в него, ошибаетесь в своих расчетах, но вы еще ослушаетесь заповеди, которая требует от вас веры; а если его нет, то ваше положение не будет лучше нашего».

«Это неверно, возразил он, оно будет лучше вашего, ибо если бога нет, то вы и я в долгу не останемся. Если он существует — я все-таки не мог оскорбить то, о существовании чего я не знал, ибо для того, чтобы грешить, нужно или знать, что совершаешь грех или хотеть его совершить. Ведь не правда ли, человек даже не умный, не обиделся бы от того, если бы его оскорбил мошенник, если бы этот мошенник сделал это нечаянно или приняв его за кого-нибудь другого, или если бы его слова были вызваны вином. Тем более бог, непоколебимый и неуязвимый, не разгневается на вас за то, что мы его не познали, ибо он сам отнял у нас средства его познавать. Но скажите по чести, мое маленькое животное, если бы вера в бога была для нас необходима, если бы от нее зависела наша вечная жизнь, неужели сам бог не окружил бы нас светом, таким же ярким, как свет солнца, которое ни от кого не прячется. Ибо воображать, что он хотел играть с людьми в прятки, т. е. то надевать маску, то снимать ее, скрываться от одних и открывать себя другим, это значит создавать себе образ бога глупого или злого, ибо если я познал его благодаря силе своего ума, это его заслуга, а не моя, тем более, что он мог дать мне тупую душу или нечувствительные органы, так что я бы его

не познал. Если бы наоборот он дал мне ум неспособный его понять, это была бы не моя вина, а его, так как он мог дать мне острый ум, который бы его познал».

Эти смешные и дьявольские речи вызвали содрогание во всем моем теле. Я тогда стал рассматривать этого человека с большим вниманием, чем раньше и был изумлен, увидев на его лице что-то такое страшное, чего я раньше никогда не замечал. Его глаза были маленькие и сидели глубоко, цвет лица смуглый, рот огромный, подбородок волосатый, ногти черные. «О боже, подумал я, несчастный отвержен от этой жизни. А может быть это сам антихрист, о котором так много говорят в нашем мире».

Однако, я не хотел открывать ему своих помыслов, потому что очень ценил его ум, и действительно те благоприятные дары, которыми природа одарила его в колыбели, сделали то, что я проникся к нему некоторой любовью. Я не мог, однако, воздержаться настолько, чтобы не разразиться проклятиями, грозившими ему плохим концом. Но он еще более гневно воскликнул: «Да, клянусь смертью...» Я не знаю, что он собирался сказать, ибо в эту минуту кто-то постучал в дверь нашей комнаты и я увидел, как вошел человек высокого роста, черный и весь волосатый. Он подошел к нам и, ухватив богохульника поперек тела, унес его через трубу. Жалость к судьбе несчастного заставила меня ухватиться за него, чтобы вырвать из когтей Эфиопа. Но тот был так силен, что унес нас обоих, так что в одно мгновение мы были уже на облаках. Теперь я крепко сжимал его руки не

из любви к ближнему, но из страха упасть. После того, как много дней мне все казалось, что мы протыкали небо, и я не знал, что со мной будет, я, наконец, понял, что приближаюсь к земле. Я уже начал отличать Азию от Европы и Европу от Африки, но мои глаза, ввиду согнутого моего положения, не могли видеть ничего кроме Италии, когда сердце мое подсказало, что это навверное дьявол уносит в ад моего хозяина в духе и во плоти и что мы приближаемся к нашей земле, потому что ад помещается в центре ее. Однако, я совершенно забыл как это соображение, так и все то, что со мной случилось, с тех пор, как чорт был нашим возницею, от того страха, который я испытал, при виде горы, которая была вся в огне и которой мы чуть не коснулись. Это страшное зрелище вызвало крик из моей груди: Иисус, Мария! Едва я успел произнести последние буквы этих слов, как я уже лежал на вереске на склоне маленького холма; около меня стояло два или три пастуха, которые читали молитвы и говорили со мною по-итальянски. «О слава богу, воскликнул я, наконец-то я нашел христиан на луне. Скажите мне, друзья, в какой провинции вашего мира я теперь нахожусь?»

«В Италии», отвечали они.—«Как, прервал я их, разве на луне тоже есть Италия?» Я еще совершенно не успел обдумать случившееся со мной происшествие, но, еще сам того не замечая, говорил с ними по-итальянски, как и они со мной.

Когда я наконец окончательно был выведен из заблуждения и ничто уже не мешало мне

понимать, что я вернулся на землю, я позволил крестьянам увести меня, куда они хотели. Но не успел я еще дойти до ближайшего селения, как все местные собаки бросились на меня и если бы я от страха не спасся в дом, где я накрепко заперся от них, я был бы растерзан.

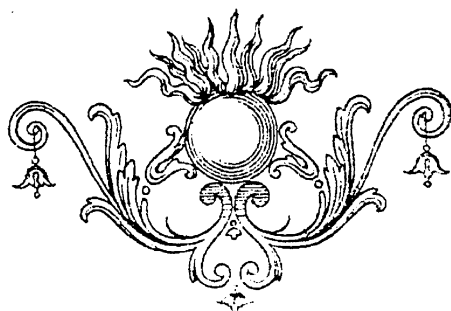
Четверть часа спустя, пока я отдыхал в этом помещении, вокруг дома устроили целый шабаш собаки чуть ли не со всего королевства; начиная от болонок и до догов, они были с таким бешенством, как будто праздновали годовщину своего первого предка.

Это происшествие чрезвычайно удивило всех, кто был этому свидетелем, но как только я оторвался от своих мечтаний и сосредоточил свои мысли на этом обстоятельстве, я тотчас же подумал, что остервенение этих животных против меня вызвано тем, что я появился с луны, ибо, говорил я сам себе, так как они привыкли лаять на луну за ту боль, которую она им издали причиняет, они конечно хотели броситься на меня, потому что от меня пахнет луной, а этот запах их раздражает.

Чтобы выветрить этот дурной запах, я совершенно голый уселся на террасе, на самом солнце. Я просидел так часа четыре или пять, после чего сошел вниз и собаки, не чувствуя более того запаха, который сделал меня их врагом, разошлись каждая во свояси.

В порту я справился о том, когда отплывает корабль во Францию, а с той минуты, как я сел на него, все мои мысли были исключительно заняты воспоминаниями о тех чудесах, которые я видел во время своего путешествия. Я восхи-

щался тем промыслом Божиим, который удалил этих людей, по природе неверующих, в такое место, где бы они не могли развратить избранных им и который наказал их за их самодовольство и гордость, предоставив их самим себе. Поэтому я не сомневаюсь в том, что он до сих пор не послал к ним с проповедью евангелия, потому что он знал, что они употребят его во зло и что это лишь усугубит кару, которая постигнет их на том свете.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ, написанное школьным товарищем Сирано, Николаем Лебре, к первому изданию «Государств Луны», представляет собою довольно неискусную апологию этого сочинения, направленную к тому, чтобы отвести от автора нападки в антирелигиозности. Следует добавить, что текст первого издания был искажен тем же Лебре и из него были вынуты некоторые рискованные по мнению Лебре места, напр., почти все разговоры с Энохом и Илией. Тем не менее это предисловие, при всей своей неуклюжести и даже глупости, характерно для эпохи, в которую жил Сирано, и может служить контрастом к самому сочинению, которое печатается нами по полному тексту.

2. **Петроний** — римский писатель I в. н. э., сочинение которого «Сатирикон» сохранилось только в отрывках.

3. **Гераклит** — греческий философ VI—V в. до н. э.

4. **Ксенофонт** (434—359 до н. э.) — афинянин, историк и государственный деятель, ученик Сократа.

5. **Анаксагор** — греческий философ V в. до н. э.

6. **Лукпан** — из г. Самоюты, греческий оратор и писатель II в. н. э. О влиянии Лукпана на Сирано — см. статьи В. И. Невского и Ю. Г.

7. Имеется в виду сочинение Годуина — см. статью Ю. Г.

8. **Марин Мерсенн** (1588—1640) — ученый монах, математик, переводчик трудов Гассенди, друг Декарта.

9. **Уильям Гильберт** — аский медик, ум. 1603.

10. **Леруа** (1598—1679) — философ и медик, последователь Декарта; **Франциск Патрицио**, ум. 1597, итальянский философ, жил главным образом в Ферраре и в Риме.

11. Перипатетики — см. прим. 98.

12. Иоганн Гевелиус, род. в 1611 г. в Данциге, друг и корреспондент Гассенди; его сочинение «Селенография», посвященное луне, вышло в 1687 г. в Данциге.

13. Гассенди — см. прим. 47 и статьи В. И. Невского и Ю. Г.

14. Олимп — гора в Фессалии, по мифологическим представлениям древних греков — местопребывание богов.

15. Феопил — автор комедий, сочинения которого дошли до нас только в немногих отрывках.

16. Нельские ворота в Париже находились на левом берегу Сены против Лувра.

17. Аристотель — см. прим. 97.

18. Пифагор — см. прим. 33.

19. Демокрит — см. прим. 35; Пиррон, греческий философ, ум. около 270 г. Сочинения его не сохранились; о его учении, характер которого совершенно верно передан Лебре, известно нам только из сочинений некоторых позднейших греческих писателей.

20. Согласно правилам ложно-классической драматургии, требовалось, чтобы все действие драмы, во имя внутреннего единства, разворачивалось и заканчивалось в течение 24 часов.

21. «История Искры» — сочинение Сирано, бесследно потерянное.

22. Перечисляя лиц, которых он считает друзьями Сирано, Лебре останавливается лишь на немногих литературных именах; остальные — это большей частью товарищи Сирано и Лебре по военной службе; наконец, Лебре подчеркнуто восхваляет тот семейный круг, пропитанный религиозным фанатизмом и ханжеством, от которого Сирано отмежевывался до последних дней своей жизни. Возможно, что к такому приему Лебре искусственно прибегнул в тех же целях восстановления репутации своего умершего друга перед церковными кругами и во избежание цензурных преследований издаваемого сочинения.

23. Фалес Милетский — греческий философ VII в. до н. э.

24. Дион Сиракузский (408—331 до н. э.) — ученик Платона.

25. Брут — см. прим. 77.

26. Эпикур — см. прим. 34; Лукреций, римский поэт I века до н. э. В своем сочинении «О природе вещей» Лукреций последовательно проводит идеи материалистического мировоззрения Эпикура.

27. Филолай — ученик Пифагора; Аристарх, философ III в. до н. э., последователь Пифагорейского учения.

28. Левкипп — греческий философ, учитель Демокрита; о жизни его почти ничего не известно.

29. Коперник — см. прим. 36.

30. Птолемей — см. прим. 44.

31. Вакх — бог вина и веселья у древних греков.

32. Диана — латинская богиня, которой были присвоены все атрибуты греческой богини Артемиды. Богиня луны Диана-Артемиды и божество солнца Аполлон по греческим мифам были родные брат и сестра, дети Зевса и Летоны.

33. Пифагор — один из знаменитейших греческих философов, живший в VI веке до н. э., сначала на о. Самосе, где пользовался покровительством тирана Поликрата; позднее Пифагор переселился в южную Италию, в то время носившую название Великой Греции, в г. Кротон, где основал сообщество своих учеников и последователей, известных под именем пифагорейцев. Вследствие враждебного отношения кротонцев к нему и его последователям, Пифагор переселился в одну из соседних с Кротоном греческих колоний, Метапонт, где и умер. После его смерти вражда против Пифагорейского союза усилилась во всей Великой Греции и в половине V века разразилась катастрофой: пифагорейцы были по большей части истреблены, а уцелевшие бежали в Грецию, куда перенесли учение и мистерии своего союза. Учение Пифагора не дошло до нас в подлиннике, а известно в передаче его последователей. Насколько можно судить, Пифагор был учредителем религиозно-философского союза, связанного с очень сложной обрядовой стороной. Пифагорейцы, признавая загробную жизнь, верили в пересе-

ление душ; мир они понимали как стройное целое, подчиненное законам «гармонии и числа». Фантастическая мистика, которой предавались пифагорейцы, не помешала им, однако, подвинуть вперед положительную науку. Пифагор и его ученик Архит считаются основателями научной механики; в астрономической системе Филолая, другого ученика Пифагора, можно видеть первые элементы гелиоцентрической системы.

34. Эпикур — создатель одной из самых значительных философских школ древней Греции. Родился в 342 до н. э.; в 306 г. переселился в Афины, где основал школу в купленном для нее саду и жил до конца жизни (270). Основы учения Эпикура сложились под влиянием Демокрита, у которого Эпикур заимствовал целиком его физику и некоторые отдельные мысли о нравственности. Однако, дух учения Эпикура совершенно иной. Интерес раннего атомизма направлен к рациональному механическому мирообъяснению. Эпикур отвергает науку вообще; математику он считает пустым делом, естествознание его не интересует, физика нужна только для устранения суеверных страхов и для понимания человеческой природы. Живя в своем саду, вдали от всяких общественных дел, Эпикур был учителем жизни для своих многочисленных последователей и сплотил их в тесную семью, которая неизменно в течение шести веков держалась его учения в ряде сменяющихся поколений. Несмотря на то, что учение Эпикура, признававшее верховным принципом своим удовольствие, вызвало наветы и даже клеветы со стороны главным образом школы стоиков, учение это и самая личность учителя представляются в самом выгодном свете: строгая умеренность и самообладание, широкое дружелюбие, словом полная согласованность с идеалом радостного и невозмутимого мира душевного, который ставили себе Эпикур и его последователи — вот основные черты учения Эпикура. Эпикур отказался от всякого умознания, даже от самого скептицизма. И то и другое — бесплодное умствование. Остается одно только чувственное восприятие. Теория познания Эпикура есть самый решительный и вместе с тем самый элементарный сенсуализм. Отсюда вытекают основные положения этики и физики Эпикура:

нет ничего сверхчувственного. Это и есть основание материализма Эпикура, в развитии которого он примыкает к Демокриту. Из всех мнений и мыслей те, которые касаются сверхчувственного мира, не встречаются никакого подтверждения. Предположения об атомах, наоборот, подтверждаются чувственным опытом, так как явления материального порядка легче всего объясняются атомистической гипотезой. Физика Эпикура освобождает от самого пагубного из заблуждений — от веры в сверхъестественное и от страха смерти. Нет сверхъестественных сил, которых человек мог бы бояться; нет следовательно и богов. Жизнь человека ограничена настоящей действительностью. Этика жизни должна заключать науку о благе в этой действительной жизни: эта последняя, а значит и истинная цель жизни, заключается в удовольствии, а истинное зло — в страдании. Удовольствие Эпикур видит в тишине и безмятежном спокойствии души мудрецов, господствующих над страстями и постигших суету человеческой жизни. Возрождением и истолкователем философии Эпикура в XVII в. был учитель Сирано Гассенди, под непосредственным влиянием которого стоит сам Сирано.

35. Демокрит — греческий философ, гражданин г. Абдеры, род. ок. 470, умер в 380 г. до н. э. Основатель теории атомизма. Весь мир по учению Демокрита состоит из бесконечного количества неделимых и незримых тел, атомов, движущихся в пространстве. Возникновение и уничтожение есть не что иное, как соединение и разъединение атомов. Атомы в различных местах безграничного пространства образуют несчетное количество разнообразных миров. Эти миры не вечны; они образовались соединением атомов, разъединение атомов их уничтожает. Душа, по мнению Демокрита, есть также атом, которым можно объяснить особенности душевной жизни, главнейшая из которых — движение. Цель жизни Демокрит видит в блаженстве, которое определяет как внутреннее спокойное состояние, независимое от внешних благ. Демокрит был первым последовательным материалистом среди греческих философов: на греческие божества он смотрел как на порождение фантазии; возникновение религии объяснял суеверными впечатлениями, которые должны были

производить на человека некоторые явления природы. Отдельными частями своего учения Демокрит оказал влияние на Эпикура.

36. Николай Коперник — польский астроном, преобразовавший основные положения этой науки. Родился в 1473 г. в г. Торне в городской буржуазной семье. Учился в Краковском университете, где одновременно изучал богословие, медицину и астрономию, затем путешествовал в Италии, где продолжал свое образование. По возвращении был некоторое время профессором в Кракове. В 1510 г., выйдя из университета, поселился в маленьком городке Фрауенбурге на Висле, где провел всю остальную жизнь, состоя каноником при местном костеле; здесь он непрерывно занимался астрономическими исследованиями и безвозмездно лечил население. Основным достижением Коперника является его учение о том, что не земля, а солнце является неподвижным центром вселенной. Этим Коперник порывал с официальным учением о земле, как центре мира, признававшемся католической церковью. Результаты исследований Коперника изложены в его трактате «*De revolutionibus orbium celestium*» («О вращениях небесных светил»), напечатанном в Регенсбурге в 1543 г. Свое сочинение в печатном виде Коперник увидел только на смертном одре, но это обстоятельство, может быть, избавило Коперника от преследований, которые католическая церковь воздвигла против всех последователей его учения в области астрономии.

37. Иоганн Кеплер — уроженец Вюртемберга, из бедной семьи, учился в Тюбингенском университете, где всецело предавался занятиям математикой и астрономией. В 1594 г., будучи профессором в Граце, выступил печатно с защитой теории Коперника. Религиозные преследования заставили Кеплера покинуть Грац. В 1601 г., по приглашению знаменитого астронома Тихо Брахе, он переехал в Прагу и очень скоро, по смерти Брахе, занял его место в качестве главного астронома или точнее астролога при дворе полупомещанного императора Рудольфа II. Здесь он издал важнейшие свои ученые трактаты, в которых изложены открытые им законы обращения планет вокруг солнца. После смерти

Рудольфа II Кешлер был некоторое время профессором в Линце; последние годы его жизни были очень тревожны вследствие бушевавшей во всех немецких землях тридцатилетней войны и вследствие того, что ему приходилось долгие годы защищать свою мать, обвиненную в колдовстве, что могло в то время повлечь за собою мученическую смерть на костре. Одно время Кешлер состоял астрологом при знаменитом полковнике Валленштейне. Он умер в 1630 г. в г. Регенсбурге.

38. Кардан, Джироламо Кардано, в латинизированной форме Карданус — итальянский ученый, математик, медик и философ, родился в Павии в 1501 г., учился в Павийском и Падуанском университетах, изучая медицину и математику. С 1534 г. был профессором математики в Милане и Болонье, продолжая заниматься врачеванием и составлением астрологических альманахов и гороскопов. В 1570 г. был посажен в тюрьму, подозреваемый в волшебстве, но в следующем году выпущен на свободу. Последние годы жил в Риме. Занимаясь составлением гороскопов, Кардан составил и свой собственный, в котором предсказал день своей смерти; чтобы оправдать свое предсказание, он, как рассказывали, уморил себя голодом в 1576 году. Кардан оставил многочисленные ученые трактаты. В математике его имя связано с открытием формул для решения уравнений 3-й степени. Философские воззрения его носят пантеистический характер; изложение их очень туманно и запутано.

39. Прометей — по греческой мифологии сын титана Кипета и предок мифических родоначальников отдельных греческих племен. В первоначальных представлениях Прометей является космическим божеством огня, родственником Гефесту (лат. Вулкану). Очень рано в мифах и сказаниях выступает значение Прометея как просветителя и благодетеля людей, научившего их пользоваться огнем. Позднее Прометей в представлении древних греков стал олицетворением человека во всеоружии его духовных дарований, человека, ищущего совершенства, истины и дерзающего в своем духовном совершенстве вступить в соперничество с богами. Прометей — идеальный тип человека в борьбе с природой, противопоставляющего ее слепым силам ум, изобрета-

тельность и хитрость. Сказания о Прометее переданы ранним греческим поэтом Гесиодом, жившим в VIII веке до н. э. В коротких словах они сводятся к следующему. Выступая посредником между богами и людьми в вопросе о почестях, которые последние должны были воздавать первым, Прометей стремился решить этот вопрос в пользу людей, обманув при этом Зевса. Последний открыл обман и в наказание лишил людей огня. Тогда заступник людей Прометей похитил огонь с очага Зевса на Олимпе и вернул его людям. В наказание Зевс приковал Прометея к скале, при чем орел ежедневно прилетал и клевал печень Прометея. От этих мучений Прометей был, однако, освобожден Гераклом. Борьба с богами и наказание за стремление сделаться равным с богами привело писателей гуманистов XV—XVI вв. к сближению Прометея с библейским Адамом. Эти мысли не чужды и Сирано в его трактате о «Луне».

40. Де Монбазон был губернатором Паризжа в 1649 г., когда Сирано писал свой трактат. Это имя восстановлено по сохранившимся рукописям. В первом печатном издании вместо имени Монбазон стояло имя маршала Лопиталя, к тому времени, кажется, уже умершего. Издатель критического текста «Государств Луны» Иордан полагает, что такая замена была сделана во избежание компрометирования живущих современников.

41. Новой Францией называлась теперешняя Канада, точнее земли, прилегавшие с севера и юга к реке св. Лаврентия. Название это было дано этой стране французским мореплавателем Жаком Картье, исследовавшим в 1534 г. течение реки св. Лаврентия и провозгласившим открытые им земли владениями Франции. Однако, попытки колонизовать Новую Францию эмигрантами из метрополии начались только в первые годы XVII столетия. Первым губернатором Новой Франции был Самуил Шамплен, основавший г. Квебек, сделавшийся главным городом колонии. С 1628 по 1674 г. Новая Франция находилась в ведении частных компаний, субсидируемых правительством, но с губернатором во главе. С 1674 г. колония получила окончательную организацию с некоторыми чертами самоуправления. Переселение французов в Канаду шло

очень медленно; в 1763 г. при переходе страны под власть Англии французское население достигло всего 60.000 чел. Очень рано стало сказываться враждебное отношение между Новой Францией и лежавшей к югу от нее Новой Англией, т. е. английскими колониями, составившими позднее основное ядро С.-А. С. Штатов. Вражда эта, объясняемая местными причинами и в то же время бывшая отголоском неприязненных отношений обеих метрополий, окончилась завоеванием Новой Франции англичанами в 1763 г.

42. Мальтийский рыцарь Шарль де Монмэньи был губернатором Квебека и Новой Франции в 1636 г. Это обстоятельство дало основание некоторым исследователям творчества Сирано думать, что начало его работы над трактатом о «Государствах Луны» относится еще к 30-м годам XVII в.

43. Иезуитский орден или «Общество Иисуса» — самый младший по времени основания монашеский орден католической церкви, учрежденный в 1534 г. по инициативе испанца Игнатия Лойолы со специальной целью вести борьбу со всеми врагами церкви и в особенности с отпавшими от нее протестантами всех направлений и толков. Орден очень быстро укрепился и сделался главным орудием так наз. католической реакции, охватившей во второй половине XVI в. большинство европейских стран и почти уничтожившей протестантизм в романских странах — Италии, Испании и отчасти Франции. В колониях иезуиты ставили себе задачей христианизацию туземного населения. Этим объясняется их проникновение в «Новую Францию» (Канаду) в XVII в., где они очень скоро приобрели могущественное и влиятельное положение настолько, что светская администрация колонии была всецело в их руках. Чрезмерное влияние католического духовенства и в частности иезуитов в Канаде не мало способствовало обострению вражды между французской колонией и соседними английскими, население которых состояло по большей части из крайних протестантов, выселившихся из Европы вследствие преследований со стороны католиков; это обстоятельство имело большое значение в процессе гибели Канады, как французской колонии.

44. **Птоломей** — знаменитый греческий математик, астроном, физик и географ, живший во II веке н. э. в Александрии. Новостью в астрономических идеях Птолемея было учение о том, что земля имеет форму шара и что такую же форму имеют солнце и звезды, которые кроме того имеют сферическое движение. Землю Птоломей считал неподвижным центром вселенной, вокруг которого вращаются все остальные небесные тела. Сочинения Птолемея были хорошо известны арабам и от них проникли в Европу, став основным кодексом астрономии вплоть до появления теории Коперника, которая, подтверждая учение Птолемея о шарообразной форме земли и о сферическом вращении небесных тел, навсегда покончила с успевшей сделаться традиционной мыслью о земле, как центре вселенной.

45. **Тихо Брахе** — датский астроном, родился в 1546 г., умер в Праге в 1601 г., один из основоположников современной астрономии наряду с Коперником и Кеплером. Учился в Копенгагенском университете. Обладая большими средствами и пользуясь поддержкой и покровительством датского короля Фридриха II, устроил близ Копенгагена на пожалованном ему королем острове Гвееен великолепную по тому времени обсерваторию «Ураниенбург». После смерти своего покровителя и друга Фридриха II Т. Брахе должен был удалиться из Дании и в 1597 г. переехал в Прагу в качестве придворного астронома и астролога императора Рудольфа II; после его смерти его место занял Кеплер. Т. Брахе оставил несколько сочинений, написанных по обычаю того времени на латинском языке. Его можно считать основателем практической астрономии; главные его заслуги заключаются в усовершенствовании инструментов для наблюдений и в чрезвычайной точности вычислений.

46. **Картезианцы** — последователи философии Декарта, фамилия которого, в латинизованной форме, была Картезий.

47. **Гассенди**, точнее Гассенд, Пьер — французский философ, учение которого имело особенно большое влияние на развитие философских идей Сирано, изложенных последним в его «Государствах Луны». Гас-

сенди родился в 1592 г. на юге Франции и был сначала преподавателем риторики в г. Дине (Digne), затем профессором философии в Эксе (Aix в Провансе). Свой курс он располагал таким образом, что сначала излагал учение Аристотеля, а потом доказывал его ошибочность. Открытия Коперника и знакомство с сочинениями знаменитого итальянского гуманиста Джордано Бруно окончательно убедили Гассенди в устарелости и непринемлемости Аристотелевой астрономии и физики. Результатом было сочинение против Аристотеля, напечатанное в Гренобле в 1627 г. Однако, Гассенди пришлось публично отказаться от этого сочинения, ибо в эти годы, когда во Франции господствовала всемогущая католическая реакция, нападать на Аристотеля, основные идеи которого были издавна признаны и допущены католической церковью, было не безопасно; столь же не безопасно было выступать защитником учения Коперника. Около этого времени Гассенди оставил университетское преподавание и жил частью в Дине, где был каноником кафедрального собора, частью в Париже, куда в начале 1640-х годов окончательно переселился и занял кафедру математики в Collège royal. В начале 30-х годов Гассенди ездил в Голландию, где познакомился с философом Гоббсом. Будучи профессором в Париже, Гассенди вступил в печатную полемику со знаменитым Декартом, дав краткий обзор учения последнего. Во второй половине своей жизни он особенно усердно изучал древнегреческую философию, усвоил учение Эпикура и сделался его приверженцем. Как раз в эпоху изучения Эпикура Гассенди читал private лекции кружку молодых людей, в числе которых был и Сирано. В конце жизни он издал два сочинения, специально посвященные любимому философу: «О жизни и учении Эпикура» (1647) и «Изложение учения Эпикура» (1649). Однако, основное сочинение Гассенди, являющееся изложением его собственного философского учения, проникнутого доктриной Эпикура (*Syntagma philosophicum*), увидело свет только после смерти автора. Гассенди умер в 1655 г. См. о нем также во вступительных статьях В. И. Невского и Ю. Г.

48. С а т у р н и Ю п и т е р — две самых больших планеты солнечной системы. В XVII веке они счита-

лись последними составными частями этой системы. Крайние планеты, входящие в ее состав — Уран и Нептун, были открыты Гершелем и Леверрье только в XIX столетии.

49. Аврелий Августин (354—430) — один из самых крупных деятелей ранней христианской церкви и один из самых замечательных христианских писателей. Вся жизнь и деятельность Августина протекала в сев. Африке, в то время одной из самых цветущих провинций римской империи, за исключением немногих лет, проведенных Августином в Италии. После молодости, проведенной в бурной светской жизни, Августин увлекся философией и новыми религиозными учениями; около 10 лет примыкал к очень распространенной в то время дуалистической секте Манихеев, а затем принял христианство и сделался одним из самых энергичных его последователей и проводников. Вторую половину своей жизни Августин был епископом г. Гиппона (ныне Бон в Африке). В своих многочисленных сочинениях, частью полемических и направленных против многочисленных христианских сект, частью догматических, Августин выступает как один из основоположников доктрины христианской церкви в том виде, как она определялась в эпоху, когда христианство стало религией господствующей.

50. Прокезы — общее название группы более или менее близких по языку племен краснокожих индейцев сев.-восточной части Америки. В XVII столетии это были очень сравнительно могущественные племена, составлявшие союз, известный у англичан и французов под именем «Пяти наций». Прокезы обитали к югу от озер Эри и Онтарио и реки св. Лаврентия до устьев Гудзона, т. е. до нынешнего Нью-Йорка, распространяясь с запада на восток от приморских колоний до верхней части бассейна Огайо. Политический союз, который они составляли, сложился, повидному, задолго до появления европейцев; основание его приписывалось легендарному вождю Гайавате. Сравнительно с другими туземными племенами прокезы отличались большим культурным развитием и организованностью. Очутившись как раз между английскими колониями на востоке и юго-востоке и французскими на севере, прокезы, веда

борьбу с теми и другими, были втянуты и в борьбу англичан с французами, чаще всего выступая на стороне первых. С точки зрения канадских французов того времени ирокезы обычно представлялись как элемент враждебный. Европейская колонизация вытеснила ирокезов с их старых мест жительства; небольшие уцелевшие их остатки сохранились в сопредельных местностях С. Штатов и Канады.

51. Рассказывая о кострах Ивановой ночи (24 июня), автор имеет в виду общераспространенный по всей Европе обычай, являющийся пережитком древнего язычества и перенесенный европейскими колонистами в Америку.

52. По библейским сказаниям земной рай находился в Месопотамии и был орошаем реками Тигром и Евфратом.

53. Древо жизни — по библейским сказаниям находилось в земном раю; его плоды, вкушаемые человеком, избавляли последнего от болезни и смерти.

54. Енох — по библейским сказаниям — потомок Сифа, сына Адама и Евы, седьмой патриарх, считал от Адама, и дед Ноя. О нем рассказывается, что он «ходил перед богом», т. е. стремился к высшей чистоте и святости; в награду за это он был освобожден от вызванной грехами прародителей смерти на земле и живым взят в рай.

55. Илия — ветхозаветный пророк, жизнь и деятельность которого излагается в 3-й и 4-й «Книгах Царств». Современник израильского царя Ахава Илия рисуется как ревностный защитник культа Иеговы против наводнявших Палестину финикийских культов. Сказания о нем говорят, что в конце жизни он был живым взят на небо на огненной колеснице.

56. Иоанн — один из 12 апостолов, пережил всех остальных своих товарищей и, после долгого заточения на острове Патмосе, умер в конце I века н. э. в г. Эфесе, где имел очень много учеников и последователей. Легенда о том, что он был взят живым в рай, распространилась значительно позднее, и вероятнее всего восходит к каким-нибудь апокрифическим сочинениям.

57. По библейским сказаниям еврейский праотец Иаков, внук Авраама и сын Исаака, видел во сне ле-

стницу, поднимавшуюся от земли на небо к престолу Иеговы.

58. В е с ы — одно из двенадцати зодиакальных созвездий.

59. Г о р о с к о п — предсказание о судьбе человека на основании данных астрологии. В общем смысле гороскопом называлось положение светил в момент рождения данного лица. Чтобы знать судьбу человека, надо было уметь определить его гороскоп. Для этого приходилось прибегать к очень сложным вычислениям, которые сами по себе не мало способствовали успехам астрономических знаний. Даже знаменитые астрономы XVI и XVII вв., напр., Тихо Брахе и Кеплер, занимались составлением гороскопов. В специальном значении слово гороскоп означало точку эклиптики, восходящую в момент рождения данного лица. Начиная от этой точки, небо делилось на 12 равных частей, именовавшихся «домами». Определив положение небесных светил в 12 «домах» в момент рождения человека, определяли, на основании этого положения, главнейшие факты жизни и время смерти человека.

60. Л ю д о в и к С п р а в е д л и в ы й — эпитет, прилагавшийся к королю Людовику XIII в официальных сочинениях панегирического характера. Сторонники мнения, что сочинение Сирано было задумано, и даже может быть частью написано, гораздо ранее 1650 г., ссылаются на это упоминание о Людовике XIII в подтверждение своих догадок.

61. А х а в — мифическое имя дочери Ноя, не встречающееся в книге Бытия.

62. Плоды древа «мудрости» или древа «познания добра и зла», росшего в земном раю, сообщали по библейским сказаниям вкушавшему их познание всех вещей

63. Е л и с е й — ветхозаветный пророк, деятельность которого относится к IX — VIII вв. до н. э. и изложена в 3-й «Книге Царств». Елисей был учеником и последователем Илии и продолжал его дело, ведя борьбу против последних царей израильского царства, преемников Ахава. С его именем связано развитие так наз. пророческих школ, в которых под руководством признанных и известных своей деятельностью народных

вождей — пророков воспитывались молодые люди, продолжавшие дело своих учителей.

64. Эскулап — греческое название Асклепий — древне-греческий бог врачебного искусства, культ которого проник в Рим в III в. до н. э. Как в Греции, так и в Риме Эскулапу были посвящены змеи, разводимые в его храмах. Отсюда, вероятно, и позднейшее предание, приводимое здесь.

65. Вероятно имеется в виду Публий Корнелий Сципион Африканский, победитель Ганнибала, умерший около 183 г. до н. э. и стоявший во главе культурного движения в сторону греческой образованности, или П. Корнелий Сципион Эмилиан (185—129 г. до н. э.), разрушитель Карфагена и представитель того же культурного направления.

66. Несомненно имеется в виду Александр Македонский (356—323 г. до н. э.). Происхождение предания о змеях загадочно и неясно.

67. Карл Мартелл — майордом или правитель франкских королевств Австразии и Нейстрии (Зап. Германии и Сев. Франции), с 715 до 741 г. известный своими победами над арабами, проникшими в 730-х гг. из Испании во Францию. Был очень нелюбим духовенством за крутую политику по отношению к высшим духовным лицам. Отсюда, может быть, следует объяснять возникновение легенды о змеях.

68. Эдуард Английский — неясно, о каком короле Англии здесь может идти речь; предположительно можно думать, что имеется в виду Эдуард II (1307—1327), приобретший при жизни сильную ненависть как со стороны дворянства, так, особенно, со стороны духовенства.

69. Моисей — еврейский вождь и пророк, с именем которого связаны еврейские предания о выходе из Египта. Жизнь его и деятельность следует относить к XIII—XII вв. до н. э. С именем того же Моисея связано предание о составлении 5 древнейших и основных частей Библии, так называемого «Пятикнижия» (Книги Бытия, Исход, Левит, Числ и Второзакония). В первой из этих записаны космогонические сказания евреев и сказания о последующих временах до переселения их в Египет. Это последнее обстоя-

тельство имеет в виду Сирано, шутливо говоря устами пророка Илии, что Адам и все его потомки, перезабывали все о сотворении мира и не помнили об этом до Моисея.

70. Архангел—привратник рая: имеется в виду архангел Михаил, по библейским сказаниям вождь небесного воинства в борьбе с темными силами ада; ему, между прочим, поручено было изгнание Адама и Евы из рая.

71. 11.000 дев. Иронический намек на 11.000 дев мучениц, время и обстоятельства жизни которых неизвестно, но которые были предметом особого почитания в Прирейнских странах и отчасти в восточной Франции.

72. Сирены, фавны, сатиры. Было бы, казалось, логичнее, если бы автор упомянул здесь не об этих мифических существах, созданных фантазией древних греков, а о кентаврах, представлявших по воззрению древних греков приблизительно такое же соединение лошади и человека, какое мы находим у изображаемых Сирано обитателей луны.

73. Демон Сократа. Понятие «демон» у древних греков вообще означало существо, обладающее сверхъестественной силой, принадлежащее к невидимому миру и имеющее влияние на жизнь и судьбу людей. В выражении одного из древнейших греческих философов — Фалеса, что «все полно демонов», можно видеть точное отражение взглядов первобытной религии всех народов, которая на стадии анимизма населяла весь мир такими сверхъестественными существами, частью почитая в них души умерших предков, частью олицетворяя в них силы природы. Дальнейшая эволюция понятия «демон» у греков стоит в тесной связи с общей эволюцией древнегреческой религии. С одной стороны, с обособлением понятий о высших олимпийских божествах, державших в своих руках судьбы мира, под демонами стали подразумевать различные низшие духи и полубожества. По Гесиоду, напр., демоны—это умершие люди золотого века: когда земля сокрыла их в своем лоне, воля всемогущего Зевса, рассеяв их по всему земному шару, сделала их хранителями смертных людей. С другой стороны, под демонами стали постепенно разуметь добрых или злых духов, непосредственно влияв-

ших на жизнь людей. Это представление вытекало из культа и почитания умерших. Потомки находятся под покровительством предков, ставших демонами; но если умерший был злым человеком, то он естественно превращался в злого демона и обратно, человек добрый по смерти становился добрым демоном. Замечаемое в жизни людей преобладание благополучия или несчастья привело к новому видоизменению идеи демона — к представлению об особом демоне, который при самом рождении дается человеку на всю его жизнь и своим характером определяет его судьбу; счастливый человек — тот, кто при рождении получил доброго демона. Греческая философия очень рано усвоила себе идею демонов и много способствовала дальнейшему ее развитию. Очень большое значение отводил демонам и Сократ, который признавал, что он сам находится под постоянным и непосредственным воздействием сосуществовавшего при нем демона. По свидетельству учеников Сократа, Платона и Ксенофонта, Сократ говорил, что «его демон» влиял не только на его волю, но и внешним ощутительным образом, в такой форме, которую может быть можно сравнить с тем, что в современных понятиях называется галлюцинациями. Все свидетельства о Сократе, сохраненные его учениками и последователями, сходятся в том, что «демон Сократа» по мнению самого философа, был постоянным и действенным спутником его жизни и его деятельности как философа. Об этом-то «демоне Сократа» и говорит Сирано, делая из него своего собственного покровителя в лунном мире.

74. Ф и в ы — главный город греческой области Беотии, получивший в IV веке перед македонскими завоеваниями на очень короткое время руководящее влияние на общие греческие дела.

75. Э п а м и н о н д — греческий полководец и политический деятель IV века до н. э., своею деятельностью доставивший родному городу Фивам, до тех пор не имевшему большого значения в общегреческих делах, первое и руководящее место среди греческих государств и сломивший вековую гегемонию Спарты. С его смертью в 362 г. значение Фив снова упало, благодаря чему открылся путь для прямого вмешательства Македонии во внутренние дела Греции.

76. Марк Порций Катон, обыкновенно называемый Младшим или Утическим, в отличие от своего прадеда, современника второй Пунической войны. Римский политический деятель, род. в 95 г. до н. э. всю жизнь оставался сторонником республиканской партии. Этим объясняется его упорная борьба против стремившегося к диктатуре Цезаря. В 44 г. до н. э. Катон, находясь в Африке, в городе Утике, лишил себя жизни, узнав о победе Цезаря над республиканским войском. Сирано делает демона Сократа руководителем Катона и после его смерти — другого республиканского вождя — Брута.

77. Марк Юний Брут (79—42 до н. э.), зять Катона Утического, римский политический деятель и вождь республиканской партии. Глава заговора против Цезаря, приведшего к убийству последнего в 44 г. В 42 г., после поражения руководимых им республиканских войск при Филиппах, в Македонии, лишил себя жизни.

78. Объединяя в этом перечне античные мифологические образы с созданиями народной фантазии новых народов и отождествляя с ними и «демона Сократа», Сирано в сущности верно отражает воззрения, сложившиеся в раннее средневековье под влиянием христианской церкви: все низшие сверхъестественные существа, созданные языческими мифологиями, превратились в церковном миросозерцании в злых духов. Не разделяя этого взгляда, Сирано, однако, признает внутреннее родство всех образов, созданных фантазией различных народов.

79. Юлий Цезарь Октавиан Август (ум. в 14 г. н. э.) — племянник и приемный сын Цезаря, продолжатель его дела, окончательно установивший в Риме единоличную власть, сохранив, однако, внешнее значение прежних республиканских учреждений.

80. Нерон Клавдий Друз — пасынок имп. Августа и младший брат имп. Тиберия. Известен своими походами из Галлии в Германию. Во время этих походов Друз перешел за Везер и проник так далеко в Германию, как после его не проникал ни один римлянин. «Демон Сократа» говорит, что он запрещал Друзу идти в Германию; объяснение такой мысли, вкладываемой Сирано в уста «демона», надо искать в том,

что демон предостерегал Друза. Последний умер, упав с лошади, при обратном походе из Германии.

81. Ливия — вторая жена имп. Августа, мать Друза и имп. Тиверия.

82. Агриппа (Корнелиус-Генрих) Неттесгеймский — немецкий гуманист, врач, философ, особенно склонный к мистике и алхимии. Родился в Кельне в 1486 г. Часто и много переезжал из одной местности в другую; некоторое время жил в г. Доле в области Франш-Конте, входившей в то время в состав владений имп. Карла V, но обвиненный в ереси, принужден был уехать в Англию. После этого преподавал богословие в Кельне; затем отправился в Италию, где служил в военной службе. Снова вернувшись в Германию, издал сочинение «О недостоверности и тщете наук», в котором смеялся над тогдашним состоянием наук. Снова обвиненный в ереси, бежал во Францию и поселился в Гренобле, где умер в 1538 г. У современников и ближайших следующих поколений Агриппа приобрел славу великого чародея и волшебника.

83. Тритемский аббат. Здесь разумеется гуманист Иоганн Гейденберг (Heidenberg), известный под именем Иоганна Тритгейма, Триттенгейма или Тритемиуса, от селения Триттенгейм близ Трира, где он родился в 1462 г. В молодости учился в Гейдельберге и Трире, где среди его учителей был знаменитый гуманист Рейхлин. В 1482 г., странствуя пешком, укрылся от вьюги в бенедиктинском монастыре Шпонгейм, где и постригся в монахи. С 1483 г. был аббатом; позднее перешел настоятелем в один из монастырей г. Вюрцбурга, где и умер в 1516 г. Известен как крутой реформатор внутренней дисциплины управляемых им монастырей. Как ученый гуманист собирал рукописи и книги: в Шпонгеймском монастыре при его появлении было всего 14 рукописей; когда Тритемий покинул его, в монастырской библиотеке было 2000 книг и рукописей. В составленных им хрониках — Шпонгеймской и Гирсауской (о происхождении Франков) он пользовался источниками, позднее утерянными. Известен Тритемий также и как библиограф: ему принадлежит «Книга церковных писателей» с данными о 963 авторах и «Каталог знаменитых мужей Германии (303 лица).

Однако, особенно прославился Тритемий еще при жизни изобретенным им криптографическим письмом, получившим широкое распространение. Это обстоятельство приобрело ему славу оккультиста и колдуна, каким его здесь и разумеет автор.

84. Первое известие о докторе Фаусте восходит к упомянутому выше аббату Тритемию, который в 1507 г. писал своему другу о некоем маге и чародее Сабеллике, прозванном Фаустом, предостерегая от его шарлатанств. Точных сведений о жизни этого лица не сохранилось, но уже в XVI столетии ходили о нем баснословные рассказы, сводившиеся к тому, что Фауст в молодости учился в Кракове, затем продал душу чорту, заключив с ним договор, написанный кровью. 24 года Фауст вел веселую и разгульную жизнь, сопровождаемый чортом в виде лошади или собаки, переезжая с места на место по средней Европе. Под конец чорт умертвил Фауста каким-то ужасным образом. Легенда о Фаусте впервые была издана в 1587 г.; в ней кроме стремления к материальным благам, связь Фауста с чортом уже объясняется с его стороны также ненасытною жаждой знания. И позднее история Фауста неоднократно служила предметом обработки, пока эта полужендарная личность не получила окончательного оформления в произведении Гёте.

85. Ла-Бросс, Пьер, — любимец французского короля Филиппа III (1270—1285), управлявший его двором. В 1285 году был обвинен в отравлении старшего сына короля посредством волшебства и казнен. О нем осталось воспоминание как о кудеснике и чародее. В первой половине XVII в. во Франции два различных Ла-Бросса подвергались обвинению в чародействе.

86. Здесь имеется в виду или Цезарий Гейстербахский или Цезарь Нострадамус. Ц. Гейстербахский, цистерцианский монах, настоятель монастыря в Гейстербахе близ Кельна, род. около 1180 г., умер около 1240 г. Среди многочисленных его сочинений, написанных на средневековом варварском языке, особенной известностью пользовались «Беседы о чудесах» — сборник рассказов о необычайных событиях и явлениях, о которых при-

илось слышать автору. В «Беседах» заключается очень богатый материал для характеристики настроения и мировоззрения современной автору эпохи. Беседы создали Цезарию прочную славу мага и кудесника. Ц. Нострадамус (1503—1566) — французский астролог, составитель гороскопов, приобретший широкую известность; был придворным врачом франц. короля Карла IX.

87. Розенкрейцеры — члены тайного общества, возникшего в начале XVII в. Они ставили себе целью всестороннее улучшение состояния церкви и государства и достижение благосостояния отдельных лиц. Основателем союза розенкрейцеров был Иоганн Андреэ; в одном из изданных им анонимных памфлетов Андреэ рассказывает о некоем немецком дворянине Розенкрейце, который будто бы ездил в 1378 г. на восток и там от индийских мудрецов узнал тайны философского камня и жизненного эликсира. В действительности под Розенкрейцем Андреэ подразумевал самого себя. В своих сочинениях и сношениях он употреблял печать в виде Андреевского креста (намек на его имя) с четырьмя розами, откуда произошли и эмблема позднейших розенкрейцеров и самое их название. Первоначальные розенкрейцеры, члены братства, учрежденного Андреэ, не были особенно ясно выраженными мистиками; большого распространения это братство не получило, так как этому мешала изнурявшая Германию тридцатилетняя война. В 1622 г. в Гааге возникло другое братство розенкрейцеров, довольно быстро распространившееся в Голландии, Германии и Италии; в этом обществе мистика и алхимия стояли на первом плане. Вероятно именно этот союз «Истинных Розенкрейцеров», как они себя называли, и имеет в виду Сирано.

88. Фома Кампанелла — итальянский монах и философ с ясно выраженными симпатиями к коммунизму, родился в Калабрии в 1568 г., юношей поступил в доминиканский орден. Его свободомыслие в вопросах веры заставило его бежать с родины. В 1598 г. он был захвачен в Неаполе и обвинен в ереси, колдовстве и в заговоре, имевшем целью ниспровержение испанского владычества и провозглашение республики. Осужденный инквизиционным трибуналом к пожизнен-

ному заключению, он провел в тюрьме 27 лет слишком, пока не был выпущен в 1626 г. на свободу, благодаря вмешательству папы Урбана VIII. В 1634 г. при поддержке французского правительства Кампанелла переехал во Францию, где умер в 1639 г., получая пенсию от кардинала Ришелье. Большинство сочинений написано им в тюрьме. Самым замечательным из них является утопический трактат «Государство Солнца», где изображается идеал государственной и общественной жизни. Население ведет «философскую жизнь в коммунизме», имея все общее, не исключая жен. С уничтожением собственности исчезают пороки. Работы производятся коллективно; продолжительность рабочего дня — 4 часа и может быть еще сокращена при дальнейших технических усовершенствованиях, которые Кампанелла предвидел в будущем: так напр., он предвидел появление кораблей, которые будут двигаться при помощи внутренних механизмов. В «Государстве Солнца» Кампанелла видел прообраз будущего всемирного государства. Идеи Кампанеллы оказали огромное влияние на философское мышление Спинозы.

89. Инквизиция — «розыскание еретической порчи» (*inquisitio haereticae pravitatis*) или «святое учреждение» — особое учреждение католической церкви, имевшее целью розыск, суд и наказание еретиков. Борьба с еретиками велась церковью с очень раннего времени. С XIII в. инквизиция принимает характер постоянного учреждения и мало-по-малу становится одним из самых могущественных органов католической церкви, оставаясь им до XVIII и начала XIX в. В Италии временем наибольшего развития действия инквизиции является время так наз. «католической реакции», вторая половина XVI и первая половина XVII в., т. е. как раз время, на которое приходится деятельность Кампанеллы, павшего ее жертвой в 1598 г. и осужденного на пожизненное заключение.

90. Л а м о т - л е - В а й е, Франсуа (1588—1672), — французский писатель из судейской семьи; сначала предназначался к судебной карьере, но с 30-летнего возраста предался литературным занятиям, оставаясь, впрочем, скорее любителем, нежели профессиональным писателем. В 1640 г. написал «Опыт о воспитании до-

фина», что дало ему кресло во французской академии и место воспитателя дофина, позднее короля Людовика XIV. Кабинетный писатель и скептик в религии, он, однако, сумел остаться вне всяких подозрений в этой все еще опасной в то время области. Автор ряда философско-публицистических сочинений, теперь забытых, Ламот был представителем скептических традиций, шедших от Монтеня.

91. Тристан д'Ермит, Франсуа (1601—1655)— французский драматический писатель. Молодость провел очень бурно и за поединок принужден был даже бежать в Англию. Позднее был помилован и служил при дворе герцога Гастона Орлеанского, брата Людовика XIII. Всю свою жизнь имел репутацию отчаянного игрока и вероятно на этой почве познакомился и сблизился с Сирано. Написал ряд трагедий, из которых одна, «Марианна», имела большой успех и заставляла сравнивать автора с знаменитым Корнелем. С 1643 г. был членом франц. Академии.

92. Диоген—греческий философ-циник (414—323), ученик Антисфена, последователя Сократа. Антисфен, понимая одностороннее учение Сократа, цель жизни видел в добродетели, а добродетель—в полном воздержании от всего. Диоген не прибавил ничего к учению Антисфена, но сам своею жизнью довел его до крайности. На этой почве еще в древности возникло множество анекдотических рассказов о Диогене, из которых многие были чистыми выдумками. Один из таких анекдотов описывал встречу Диогена с Александром Македонским и заключался в том, что первый, в ответ на обещание македонского царя исполнить всякую его просьбу, попросил его не загораживать ему своею фигурой солнечного света.

93. Инкубы—проявление античных и средневековых суеверий: духи, близко похожие на русских домовых.

94. Под дурным богачем разумеется богатый, выведенный в евангельской притче «о богатом и Лазаре». Богатый, весь день запозняющий пиршествами, противопоставляется бедняку Лазарю, лежащему у ворот его дома и стремящемуся питаться хотя бы крохами, падающими со стола богача.

95. Гортензий — комическое действующее лицо в хорошо известном и много читавшемся в XVII в. романе Шарля Сореля «Франсион». Первое издание его вышло в 1622 г. Это место трактата Сирано показывает, что автор не только был хорошо знаком с произведением Сореля, но и делал из него некоторые заимствования.

96. Маленький испанец, товарищ Сирано по заключению в клетке — не кто иной как Доминго Гонзалес, герой «Путешествия на луну» Френсиса Годуина, напечатанного в Шотландии в г. Перте, в 1638 г., и переведенного на французский язык Жаном Бодуеном в 1648 г. О взаимном отношении сочинения Годуина и трактата Сирано — см. вступительный очерк Ю. Г. «Биография Сирано и очерк его творчества».

97. Аристотель — один из величайших философов древней Греции (384—322 до н. э.). Творец самой законченной и совершенной идеалистической системы древнегреческой науки и первый основоположник настоящего естествознания. Не имея возможности изложить здесь основные черты учения Аристотеля, для чего потребовалось бы слишком много места, мы ограничимся лишь кратким выяснением причин упорного отрицательного отношения Сирано к Аристотелю. Учение Аристотеля, культивировавшееся его последователями в течение столетий, не было забыто или отвергнуто целиком, когда античное научное мировоззрение уступило место новым идеологиям. Так некоторые стороны доктрины Аристотеля разрабатывались арабскими и еврейскими философами в Испании. Не осталась чуждой восприятию некоторых сторон Аристотелева учения и христианская церковь. В особенности значительную роль в развитии христианского богословия оказала логика Аристотеля. Логические формы Аристотелизма были не только приняты христианской церковью, но материал, почерпнутый из Аристотелевских учений и взятый частью непосредственно, а в еще более сильной степени из переработки этих учений испанскими арабами и евреями, лег в основу всей системы богословско-философских учений средневековой католической церкви и всей системы схоластического преподавания их. Уже к XIII в. католическая церковь настолько прониклась

солидарностью с древнегреческим философом, что признавала его (и одного его среди мыслителей античного мира) за величайший авторитет по всем вопросам науки, кроме вопросов непосредственно касавшихся догматов христианской церкви. В частности католическая церковь сделала своими и мнения Аристотеля в вопросах естествознания. Когда в эпоху возрождения наук и зарождения торгового капитала в Европе снова стали изучать древнегреческих философов в подлинниках, то произошло следующее. Непосредственное знакомство с Аристотелем показало с одной стороны, что Аристотель средневековой схоластики был не подлинным Аристотелем, а с другой стороны, что научные мнения его, передовые и новые для его времени, оказались устаревшими и неприемлемыми для новой науки, пошедшей самостоятельным путем. Отсюда некоторое развенчание Аристотеля у ученых и философов XVI—XVII веков. Что же касается католической церкви, то она попрежнему окружала почитанием, и продолжала признавать авторитет ею самого созданного лже-Аристотеля и на лже-Аристотельских учениях воспитывать молодые поколения в школах. Сирано прошел именно такую школу, а позднее познакомился с критическими мнениями современных ему философов о настоящей философии Аристотеля. Этим объясняется то враждебное и презрительное отношение к великому греческому философу, которое неоднократно замечается в его «Государствах луны».

98. *Перипатетики*—последователи философии Аристотеля, составлявшие школу, непрерывно существовавшую в течение почти восьми веков. Название происходит от греческого термина «крытый ход» или «крытая галерея». Такими галереями был окружен сад в Афинах, в котором собирались ученики и последователи Аристотеля в IV—II вв. до н. э.; галереи служили местом прогулок и философских бесед. В данном месте трактата Сирано под «перипатетиками» подразумеваются глухие к голосам современности люди, продолжающие держаться средневековой лже-Аристотелевской схоластической философии.

99. Не считая Геракла и Ахилла, возраст которых по мифичности этих лиц не может быть учтен, утвер-

ждение Сирано правильно только относительно Александра Македонского, умершего 33 лет; Эпаминонд умер в возрасте около 50 лет, Цезарь—56.

100. Под 7-ю мудрецами Греции разумелась группа лиц, принадлежавших большей частью к дорическому племени и живших в VII—VI вв. Мысли свои они излагали в кратких изречениях, частью переданных позднейшими авторами. Это были Питтак из Митилены на о. Лесбосе, Солон Афинский, Клеобул с о. Родоса, Периандр Коринфский, Хейлон, эфор из Спарты, Фалес Милетский и Биас из Приазны в Малой Азии.

101. Король Римский, или король Римлян—титул наследника «Римского императора германской нации».

102. Г а й К а с с и й Л о н г и н—римский политический деятель, сторонник республики, долголетний политический враг Цезаря и, вместе с Брутом, глава заговора, приведшего к убийству Цезаря в 44 г. до н. э. Кончил жизнь самоубийством после поражения республиканских войск при Филиппах в 42 г.

103. П а р к и—первоначально три латинские богини, покровительствовавшие рождению человека; позднее они слились с тремя греческими божествами «мойрами», из которых одна была божеством рождения, другая—жизни, третья—смерти. Их обычное изображение в виде трех прядущих женщин восходит к Греции и было воспринято в Риме.

104. Трудно сказать, на чем основано такое мнение Сирано о знаменитом Карфагенском полководце Аннибале.

105. Л а и с а—имя двух знаменитых греческих гетер, живших в V и IV вв. до н. э.

106. Место, показывающее, что Сирано ко времени окончания «Государств Луны» уже работал над своим вторым утопическим трактатом.

107. Длинное рассуждение о значении длинного носа у обитателей луны может отражать некоторые биографические черты Сирано. Его собственный длинный нос, повидимому, действительно привлекал внимание современников; сам Сирано с повышенным самолюбием относился ко всяким намекам относительно своего носа и по этому поводу неоднократно дрался на дуэли.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Сорбонна XVII — XVIII вв.	33
П. Гассенди	41
Театральное представление XVII в.	87
Писатель за работой (Из издания 1710 г.).	103
Школа XVII века. (Современная картина)	109
Фронтиспис к сочинениям Сирано де Бержерака. (Из издания 1741 г.)	129
Автор летит на луну. (Из издания 1710 г.)	145

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>В. И. Невский.</i> — Сирано де Бержерак — материалист и атеист. Эпизод из истории влияния философии на литературу	9
<i>Ю. Г.</i> — Сирано де Бержерак. Биография и очерк творчества.	71
<i>Предисловие Николая Лебре</i> к первому изданию сочинений Сирано де Бержерака	101
Сирано де Бержерак. Иной свет или государства и империи луны	129
<i>Примечания</i>	277